В. АЛЬТОВ

Бугуруслан

В. Г. Альтов

Бугуруслан

ЧЕЛЯБИНСК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

Альтов Б. Г.
А58 Бугуруслан. — Челябинск: Юж.-Урал, кн. изд-во, 1990. — 336 с. 15ВК 5 — 7688 — 0246 — 0

Эта книга — краткий краеведческий очерк о Бугуруслане, одном из старейших городов Оренбуржья.

Автор — оренбургский журналист, действительный член Географического общества СССР Владимир Альтов — рассказывает о прошлом и настоящем города, о перспективах его развития, о наиболее интересных событиях, о людях, чьи ратные и трудовые подвиги навеки вписаны в славную летопись Бугуруслана.

В конце книги помещен справочный отдел, в котором можно получить краткие сведения о городе и районе, о географическом положении и климатических особенностях, найти деловые адреса и телефоны.

Название цветных фотографий входящих в книгу

В этом старинном особняке в годы революции и гражданской войны размещался Бугурусланский ревком. Теперь тут находится городской Совет народных депутатов.

Памятный знак со старинным и новым гербами Бугуруслана.

Отсюда начинается город. Первый дом на углу Комсомольской и Революционной улиц.

Новые здания Дома бытовых услуг и нефтегазодобывающего управления «Бугурусланнефть».

Дом культуры «Юбилейный».

Первые бугурусланские девятиэтажки на крутом обрыве над Кинелем.

Монумент Славы – памятник бугурусланцам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны.

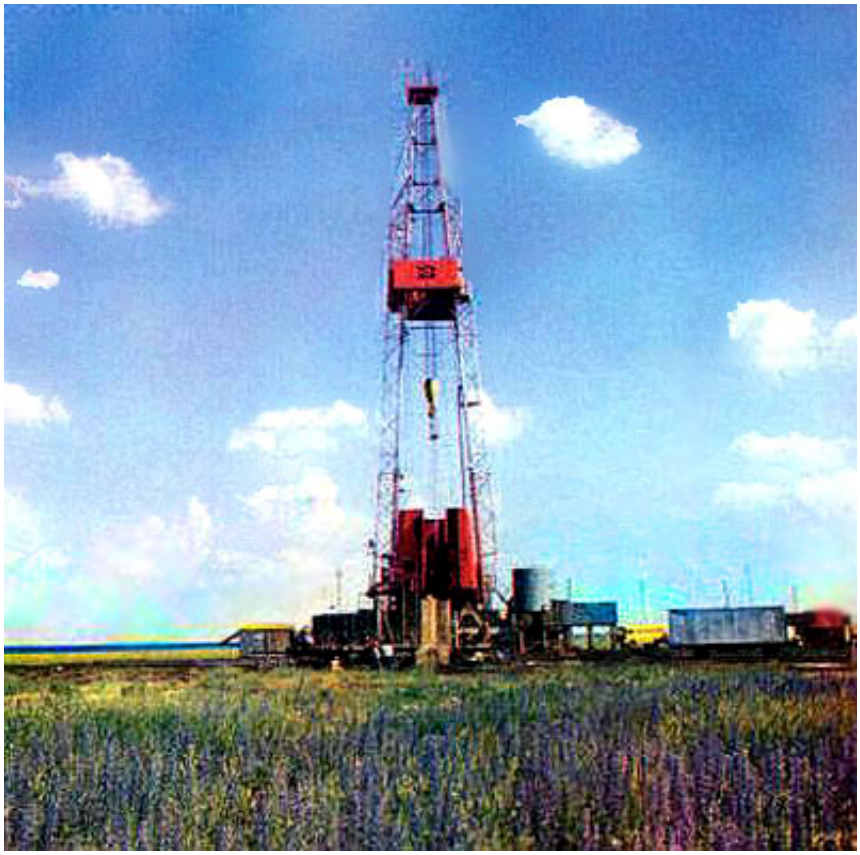
На городской окраине.

На тихой улице.

Село Аксаково – родовая усадьба известного писателя С.Т. Аксакова. Тут открыт памятник «певцу оренбургских степей».

Липовая аллея в старом Аксаковском парке.

Памятный знак на месте, где была скважина № 1, давшая первую нефть Оренбуржья.



Бугуруслан – крупный центр нефтедобычи в Оренбуржье.

На аэродроме училища гражданского воздушного флота.

Содержание

В Кинельских Ярах

Земля вдохновения

Дыхание времени

Полыхала гражданская война

Гулял по Уралу Чапаев-герой...

Назвали улицу Комсомольской

Трудные шаги созидания

Первая нефть Оренбуржья

Долгие годы войны

Огонь памяти

В мирные дни

Растет этажами город

Бугурусланские вечера

День за днем

Взгляд в будущее

Справочный отдел

В Кинельских Ярах

Между Волгой и главным хребтом Каменного Пояса, как в давнюю пору называли Урал, на многие десятки километров раскинулись высоты Бугульминско-Белебеевской возвышенности. В ее южной оконечности над степью тянутся горные цепи. Они как бы замерзли у берегов Большого Кинеля. Их называют Кинельскими Ярами. К северу от реки виднеются невысокие горы-холмы, напоминающие о близости Уральского хребта. Красивы эти места с дубравами в распадках и по гребням гор, подернутые акварельно-голубоватой дымкой.

В далекие времена более половины территории здешних мест занимали леса. Но после многолетних чаще всего хищнических рубок площадь их стала ничтожно мала.

Плодородные почвы, рыбные реки, богатая зверем лесостепь, приемлемый для проживания климат, умеренное количество осадков, множество родников — все это располагало к заселению, привлекало сюда беглых или, как тогда говорили, «гулящих людей» из других губерний.

Позднее певец оренбургских степей Сергей Тимофеевич Аксаков так скажет о бугурусланских краях:

Вот родина моя... Вот дикие пустыни,
Вот благодарная оратаю земля!
Дубовые леса и злачные долины,
И тучной жатвою покрытые поля!

Еще в середине XVII века началось строительство Закамской укрепленной линии. С каждым годом увеличивалось количество крепостей, редутов, пикетов, которые были одновременно и средством защиты от частых набегов кочевников и оплотом колонизаторских устремлений царизма.

По соседству с крепостями, под их защитой, появлялись небольшие деревеньки. В поисках

свободных земель люди строили жилища все дальше к югу и востоку. Несколько семей поселилось у того места, где река Бугуруслан впадает в Мочегай. Но позже первые поселенцы облюбовали возвышенное место, с трех сторон защищенное от ветров горами.

В конце 1748 года Оренбургская губернская канцелярия издала указ, по которому предписывалось селить в Бугурусланской слободе людей, «не помнящих родства и племени». Это было первое документальное упоминание, и посему ту давнюю дату стали считать годом рождения Бугуруслана. Кстати, и в XVIII, и даже в XIX веке это название писали по-разному: чаще «Богорослан», иногда «Богуруслан». И только во второй половине XIX столетия установилось современное написание.

Какой была новоявленная слобода, представить трудно: документальных и изобразительных материалов о ней не сохранилось. Вероятнее всего, поселение из вытянувшихся вдоль крутого берега изб окружал земляной вал или какое-либо надежное ограждение для защиты от нападений кочевых племен, случавшихся в те годы нередко.

Свое название слобода, а затем и город получили от протекающей неподалеку реки Бугуруслан. Происхождение ее названия толкуется топонимистами по-разному. Одни считают, что оно возникло от тюркского слова буга — бык, другие склонны связывать его со словом арслан, что в переводе с тюркского означает лев, барс, и даже толкуют это название, как «сад львов». Но, на мой взгляд, ближе к истине объяснение известного оренбургского краеведа Сергея Александровича Попова. Он исходил из того, что основа буг часто встречается в названиях рек и озер — Бугульма, Елабуга, Карбуга, Бикбуга и многих других. В толковом словаре В. И. Даля с пометкой «оренбургское» слово буга объясняется как урема — уремная пойма, поросшая ивняком, осокорником и кустами, потопляемая на всю ширину яроводьем. Значит, «буг» не просто река, а река с широкой, затопляемой вешними водами лесистой поймой. Слово арслан в переносном значении употребляется и как могучий, гигантский, храбрый. Таким образом, делает вывод Сергей Александрович, название реки Бугуруслан можно переводить как «могучая река», «сильная река». Думается, что это наиболее простое и точное толкование. Тем более, что в давние годы река была и могучей, и сильной. Подтверждение тому есть в сочинениях Сергея Тимофеевича Аксакова, который писал, что дед его купил землю «по речке Большой Бугуруслан, быстрой, глубокой, многоводной».

Бугурусланцы участвовали в Крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева. Так, Александр Сергеевич Пушкин в «Истории Пугачева» отмечал, что «Ульянов, Давыдов и Белобородое действовали между Уфой и Казанью». Гаврила Давыдов — один из видных сподвижников Пугачева — крестьянин Бугурусланской слободы, человек интересной судьбы. Он был одним из немногих крестьян, избранных в состав Большой комиссии для пересмотра законодательных актов. Летом 1767 года 652 депутата привезли в первопрестольную изложения нужд народа. Эти местные наказы надо было согласовать с наказом императрицы. Все депутаты, в том числе и бугурусланец Гаврила Давыдов, получили медали с силуэтом Екатерины II и девизом: «блаженство всех и каждого».

30 июля 1767 года в Грановитой палате Московского Кремля Давыдов вместе с другими депутатами участвовал в заседании Комиссии, на котором присутствовала и сама Екатерина П. Комиссия заседала под председательством генерал-аншефа А. И. Бибикова, будущего душителя пугачевцев. Как и следовало ожидать, наказы депутатов и царицы почти совсем не согласовывались. Комиссия ничего не дала народу, а скоро под предлогом войны с Турцией и вообще была распущена. Давыдов, которому земляки наказывали молить государыню о смягчении их участи, вернулся в Бугурусланскую слободу ни с чем. «Блаженство» осталось только на медали, которую с любопытством разглядывали и ощупывали мужики.

Когда весть о великом мятеже на Яике дошла до берега Большого Кинеля, не только жители слободы, но и крестьяне окрестных сел собрались на площади. Многолюдный сход постановил послать к Пугачеву Гаврилу Давыдова и его приятеля беглого казака Ивана Захлыстова «для поклона и объявления верноподданнического усердия».

Обласканный Пугачевым и назначенный им комендантом Бугуруслана, Давыдов вернулся домой и создал тут большой отряд для борьбы с правительственными войсками.

Всю зиму 1773 года повстанцы стойко защищали родные места. И лишь в марте 1774 года, не выдержав натиска значительно превосходящих сил генерал-майора Голицына, отряд Давыдова отступил в село Суровцево, чтобы пополнить свои отряды и затек отбить Бугурусланскую

слободу. Но там Давыдов и его сподвижники были схвачены предателями и выданы царским войскам. Удалось скрыться только Ивану Захлыстову.

Гаврилу Давыдова приговорили к смертной казни через повешение. Но Екатерина II, вспомнив о том, что он был депутатом Большой Комиссии, смилостивилась и приказала: «Проведя его со всеми обрядами для осуждения на смерть к виселице, лишить депутатского звания, и потом, прочтя ему сентенцию Комиссии во всей ея силе и не чиня ему казни, тут же заковать в кандалы и послать под крепким караулом на каторгу в Ригу, где всю жизнь его употреблять в тяжких на Двине работах».

Но бугурусланскому коменданту не довелось испытать тяжесть каторжных работ. Когда 12 июля 1774 года к Казани, где в тюрьме находился Давыдов, подошли пугачевцы, караульный офицер заколол его шпагой, как то предписывалось в подобной ситуации.

Царские войска жестоко подавили восстание, потрясшее всю империю. Тысячи пугачевцев были казнены, искалечены, сосланы на каторгу. Даже реку Яик наказали — переименовали в Урал. Но еще долго в окрестностях Бугурусланской слободы горели помещичьи усадьбы, совершались дерзкие нападения на царские полки. Это продолжали неравный бой Иван Захлыстов и его соратники, скрывавшиеся в густых лесах и в горах за Демой.

Бугурусланцы издавна отличались храбростью, вольнолюбивым нравом. Выходцы из слободы вставали под знамена Пугачева, пополняли ряды ратников Отечественной войны 1812 года, шли на помощь болгарским братьям против османского ига, громили Колчака, геройски сражались на фронтах Великой Отечественной войны.

В дневнике за 1877 год великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский рассказал о подвиге русского солдата Фомы Данилова — уроженца села Кирсановки Бугурусланского уезда.

Осенью 1875 года в бою с кипчаками солдат второго Туркестанского стрелкового батальона Фома Данилов был захвачен в плен. Сам хан обещал ему богатую жизнь, награды и почести, если он перейдет к ним на службу и примет магометанскую веру. Фома ответил, что хоть он и в плену, но изменить России не может. После жестоких истязаний русский солдат был казнен в Маргелане 21 ноября 1875 года. Даже мучители удивились силе его духа и назвали Данилова батыром.

«...Знаете ли, как мне представляется этот темный безвестный Туркестанского батальона солдат? — пишет Достоевский. — Да ведь это, так сказать, эмблема России, всей нашей народной России, подлинный образ ее, вот той самой России, в которой циники и премудрые наши отрицают теперь великий дух и всякую возможность подъема и проявления великой мысли и великого чувства. Для народа нашего, — продолжает писатель, — подвиг Данилова может быть даже и не удивителен. В том-то и дело, что тут именно — как бы портрет, как бы всецелое изображение народа русского, тем-то все это и дорого для меня».

У этой истории оказалось продолжение, свидетельствующее о человечности, милосердии, благородстве земляков Фомы Данилова. Узнав о геройской гибели солдата и о том, что его жена Ефросинья и шестилетняя дочь Улита оказались в бедственном положении, простые люди пришли им на помощь. В Бугуруслане, Самаре, в селах уезда по копейке, по гривеннику собрали 1820 рублей. Для того времени это была очень крупная сумма. Мать и дочь одели, обули, починили их избу. Осталось и на житье. Девочку поместили в платный пансион, она получила образование.

...Когда в 1781 году слободу преобразовали в город Бугуруслан, который стал центром крупного уезда, входившего в состав Уфимского наместничества, ему был присвоен герб — бегущая куница и черная овца на зеленом поле — все это должно было символизировать изобилие здешних мест. Символы эти в ту пору не соответствовали действительности. Как свидетельствует в «Топографии Оренбургской» Петр Иванович Рычков, урожай в этих краях не превышал 35–40 пудов с десятины.

В декабре 1796 года Бугуруслан вошел в состав вновь созданной Оренбургской губернии. В 1850 году его включили в организованную на левобережье Волги Самарскую губернию. И лишь спустя почти 85 лет — в декабре 1934 года — Бугуруслан вошел в выделенную из Средне-Волжского края Оренбургскую область. Безусловно это постоянное перебрасывание из губернии в губернию, подчинение то Оренбургу, то Уфе, затем Самаре, то вновь Оренбургу не могло не отразиться на судьбе уездного города, на его облике. Развитие его заметно отставало от других.

Город рос медленно. В начале XIX века в Бугуруслане были церковь, три казенных

деревянных дома, винный подвал, соляной магазин, 11 лавок, 3 питейных заведения, две кузницы и 236 частных домов.

В «Экономических примечаниях за 1809 год» отмечалось: «Главный промысел бугурусланских купцов и мещан состоит торгами в оном городе, в имеющихся торговых лавках разными шелковыми, бумажными и шерстяными товарами, некоторые по временам ездят с таковыми товарами по уездным селеньям, а немалое число занимается хлебопашеством и скотоводством».

Славился Бугуруслан своими ярмарками, Весной проводилась так называемая Пятницкая, а осенью — Семеновская ярмарки. Из многих мест в центр города, на Ярмарочную площадь, привозили товары на сумму до миллиона рублей. Весной здесь продавали разнообразные товары, осенью — преимущественно хлеб и скот. На площади были щепной, шубный, железный, кожевенный, дегтярный, шорный, калачный, пряничный, хлебный, мясной, рыбный и другие ряды, действовали многочисленные лавки, харчевни и чайные с огромными самоварами.

В 1822 году большая беда обрушилась на бугурусланцев — город почти полностью был уничтожен сильным пожаром и ему пришлось отстраиваться заново.

Летом 1837 года в Оренбургском крае побывал проездом известный русский поэт Василий Андреевич Жуковский. 18 июня по пути из Бузулука в Бугуруслан он сделал в своем дневнике такую запись: «Приятная дорога. Богатые поляны, зеленые горы. Дубы и березы. Сурковые бугры». Что касается Бугуруслана, то поэт отметил его «живописное местоположение на полугоре на берегу Кинеля».

Благодаря архивным документам, мы можем судить о том, каким был город в тот или иной год. В частности, в 1843 году он занимал площадь в 142 десятины. Было в Бугуруслане всего 10 улиц и две площади, 583 жилых дома, из них только семнадцать каменных, и 2 церкви. Жителей в городе тогда насчитывалось 3589 человек, в том числе лиц духовного звания — 33, офицеров и чиновников — 165, купцов — 833, мещан — 1191, крестьян — 808, солдат — 258. Часть жителей занималась хлебопашеством. Было 33 ремесленника: 15 плотников, остальные — портные, сапожники, кузнецы, слесарь, столяр, маляр, кровельщик, печник. Город в основном занимался торговлей. Здесь можно было приобрести хлеб, сало, овчину, кожу, мед. «Из предприятий, относящихся к улучшению местности города, ничего нет», — откровенно пишет городничий в отчете оренбургскому губернатору. В Бугуруслане в те годы насчитывалось почти два десятка карликовых заводов. Их называли просто — «заведениями». Действовали шесть салотопенных, четыре — воскобойных, шесть — кожевенных заводов, две мыловарни, клееварня, двадцать лавок, десять харчевен, трактир, винный подвал, три питейных дома. На весь город была одна школа с 59 учащимися да еще частный пансион, где обучались 15 детей. Медицину представляла небольшая больница, состоящая из двух комнат, а в персонал входили всего три человека. К медицинским работникам в отчете отнесена и повивальная бабка.

Расходная часть годового бюджета составляла 2070 рублей. Из них 139 рублей шли на содержание больницы, 35 — на освещение, остальные — на жалованье чиновникам, полиции, на содержание тюрьмы.

Сохранилось такое решение городской думы по здравоохранению: «...находя содержание городового врача, лекарского ученика и повивальной бабки для себя необязательным, поручить управе ходатайствовать перед правительством о сложении с города обязательства содержать означенных лиц». И это в то время, когда и в самом Бугуруслане, и особенно в селах уезда свирепствовали малярия, дизентерия, трахома и другие болезни, то и дело вспыхивали эпидемии.

Зато процветали трактиры и кабаки. С разрешения городничего были открыты два погребка, в которых торговали российскими виноградными винами. Но скоро владыка города понял, что ему это невыгодно, поскольку трактиру, которым он владел, стало трудно выдерживать конкуренцию. Поэтому на заседание думы выносится вопрос о закрытии погребков. Мотивировалось это тем, что «самое открытие погребов для торговли виноградными винами не имело смысла, так как это вино по крепости своей в 18 процентов не соответствует натуре местного населения, привыкшего употреблять напитки крепостью от 38 до 40 процентов». Но в думе заседали владельцы так сказать «конкурирующих фирм», они быстро раскусили замысел градоначальника, и потому идея эта не прошла.

В 1864 году были созданы земское собрание и земская управа. Однако эти учреждения не обладали большими правами. Они ведали лишь строительством дорог, больниц, школ, заботились

о развитии местной торговли. Но все же земские органы хоть что-то делали для развития культуры, образования, здравоохранения. В 1867 году в здании на углу улиц Монастырской и набережной (современные улицы Гая и Комсомольская) жители города получили больницу на двенадцать коек. Основателем больницы и главным врачом был доктор Александр Александрович Блинов. Через год в городе появилась первая, так называемая «вольная аптека». Губернская комиссия признала ее «удовлетворительной во всех отношениях».

В те годы в Бугуруслане, больших селах уезда открывались земские школы.

Первая в городе библиотека была создана в 1848 году при уездном мужском училище, но книги выдавались тут лишь преподавателям и учащимся. Позднее, в марте 1876 года, открылась публичная библиотека. Вначале ее книжный фонд состоял всего из 400 экземпляров. Она была создана на пожертвования местной интеллигенции и скромные средства, выделенные городской думой. Годовая плата за право пользоваться книгами составляла 3 рубля.

Толчком для более быстрого развития Бугуруслана послужило строительство Самаро-Уфимской железной дороги, которая пролегла вдоль левого берега Кинеля. Стальную магистраль построили в сравнительно короткий срок — в густонаселенных местах не было недостатка в рабочей силе. Сначала дорога соединяла станцию Кинель с Уфой, позже ее продлили до Златоуста. Между Похвистнево и Заглядино в 179 верстах от Самары построили станцию четвертого класса Бугуруслан. Здесь поднялся железнодорожный вокзал — вытянутое вдоль главного пути одноэтажное здание с 18 высокими окнами, выросли и другие станционные сооружения.

В Бугурусланском краеведческом музее хранится журнал освидетельствования вновь построенной Самаро-Уфимской железной дороги. Комиссия не нашла ничего, что могло бы задержать пуск магистрали. Была принята тогда и станция Бугуруслан. Первый поезд здесь прошел 8 сентября 1888 года.

Эта дорога, построенная при участии талантливого инженера-путейца Н. Г. Гарина-Михайловского, ставшего потом видным русским писателем, работает и поныне. Николай Георгиевич участвовал и в проектировании, и в строительстве.

Ввод в строй железной дороги способствовал развитию промышленности в Бугуруслане, росту рабочего класса. Если в 1882 году в городе было 25 предприятий, то в 1895 — уже вдвое больше, и рабочих на них насчитывалось 170 человек. В Бугуруслане обосновался Русский торгово-промышленный банк.

Спустя почти восемь с половиной лет после пуска дороги, 25 февраля 1897 года, через станцию Бугуруслан проезжал на пассажирском поезде № 4, направляясь в сибирскую ссылку, Владимир Ильич Ульянов-Ленин. По этому пути ему пришлось проехать трижды: вторично — возвращаясь из ссылки в Шушенском в феврале 1900 года, а также летом того же года по дороге из Уфы в Самару, где он вел переговоры с местными социал-демократами о создании общерусской партийной газеты.

Владимиру Ильичу не приходилось бывать в Бугурусланском уезде. Но он был знаком с ним. Когда жил и работал в Самаре в 1889–1893 годах, летние месяцы проводил в деревне Алакаевке, которая находилась почти у самой границы с Бугурусланским уездом. Он хорошо представлял себе жизнь крестьян, быт и нравы здешних мест.

В 1965 году было обнаружено письмо Владимира Ульянова — помощника присяжного поверенного Самарского окружного суда от 24 ноября 1892 года. В этом письме Владимир Ильич пишет:

«...Здесь ходят разговоры о земском начальнике Бугурусланского (?) уезда, местном помещике и дворянине Аксакове. В прошлый неурожайный год он взялся поставить хлеб управе. Управа поручила ему же выдать хлеб крестьянам, и хлеб был выдан — качества совершенно невозможного, гнилой, с червями. Протесты крестьян были оставлены без последствий. Дело получило законный ход, к прокурору, — начато было следствие. Говорят теперь, что дело это замято...

...Тут все еще нуждается в подтверждении: слухи самые противоречивые (другие говорят, следствие производится), и источники их не проверены. Намерен постараться разузнать дело».

Заняться этим вопросом Владимиру Ильичу, видимо, не удалось. Но обнаруженное письмо представляет огромный интерес. Оно свидетельствует о произволе и лихоимстве земского начальника С. А. Аксакова, у которого было крупное поместье в Бугурусланском уезде, и о том,

как нетерпимо относился молодой еще тогда юрист Ульянов ко всяким проявлениям жульничества и казнокрадства.

В октябре 1901 года В. И. Ленин написал в эмиграции статью «Внутреннее обозрение», опубликованную в журнале «Заря». «Вот, напр., Бугурусланский уезд Самарской губернии, — пишет Владимир Ильич, — объявлен «неблагонадежным по урожаю». Значит, разорение массы крестьянства и голодовка достигли здесь самой высокой степени...»

В этой же работе Ленин резко критикует представителя министерства путей сообщения, который «не в состоянии решить вопрос о целесообразности такой работы, как исправление дорог Бугурусланского уезда».

В 1987 году вышел «Энциклопедический словарь товарищества «Гранат». Там приведены короткие справки о Бугуруслане и уезде: «Бугуруслан — уездный город Самарской губернии на реках Кинеле и Тарханке. 20 062 жителя. Торговля салом, кожами, скотом и прочим, две ярмарки. На месте Бугуруслана когда-то существовал татарский городок или сторожевой русский пикет. В 1748 году поселены здесь разные выходцы. С 1781 года — уездный город Уфимского наместничества. В 1802 году возобновлен как уездный город Оренбургской губернии, а с 1850 года — Самарской.

Бугурусланский уезд в восточной половине Самарской губернии. 17 063 кв. версты. Поверхность холмистая, реки Кинель, Тарханка, Сок и другие. Почва черноземная, с примесью песка и глины. Жители — чуваши, мордва, татары, башкиры и другие. Земледелие, скотоводство, бахчеводство, пчеловодство, разведение табака, суконные фабрики, заводы: винокуренные кожевенные, салотопенные и другие. Шерстобитье, мытье и крашение шерсти. Приготовление кизяка, торговля хлебом, салом, шерстью и кожами. До 11 ярмарок».

Уезд был тогда просто огромен — на востоке его границы уходили за Абдулино, на севере — за Волго-Бугульминскую дорогу, на западе — за Кротовско-Сергиевскую ветку, на юге — за Пилюгино, Матвеевку, Пономаревку. Для сравнения можно сказать, что нынешняя площадь района меньше в шесть раз. На территории уезда было 228 рек и речек, 6 озер.

Во второй половине XIX и в первые десятилетия XX века в селе Полибино Бугурусланского уезда в своем поместье на берегах Мочегая жил видный естествоиспытатель Александр Николаевич Карамзин — один из потомков известного русского писателя и историка Николая Михайловича Карамзина.

Александр Николаевич свою жизнь посвятил изучению местных природных условий. Его интересовало все — и флора, и фауна, и климат, и вопросы практического лесоразведения в Бугурусланском уезде. В 1882 году Александр Николаевич построил в Полибино первую в здешних местах метеорологическую станцию и стал вести регулярные наблюдения за погодой.

В 1901 году в Москве вышла его книга «Птицы и звери Бугурусланского уезда и сопряженных к нему частей Бугульминского, Бузулукского уездов Самарской губернии и Белебеевского уезда Уфимской губернии». Затем выходят новые труды ученого: «Метеорологический характер 1901–1902 годов в Бугурусланском уезде Самарской губернии», «Климат Бугурусланского уезда Самарской губернии», «Лесоразведение в селе Полибино Бугурусланского уезда Самарской губернии».

Александр Николаевич не только писал о лесах, но и сам энергично и настойчиво занимался их разведением. Давно уже нет в живых замечательного естествоиспытателя, которого полибинские мужики называли «странным барином», а зеленые памятники А. Н. Карамзину, хоть и изрядно поврежденные в разные периоды, стоят и поныне. Это и крупный зеленый массив — сорок с лишним гектаров у села Полибино, где растут дубы, лиственницы, сосны, ели, и двадцатигектарный сосновый бор, заложенный А. Н. Карамзиным сто лет назад, и приовражные посадки из лиственных и хвойных пород конца XIX века. Что может быть прекраснее таких памятников природы, оставленных людям?

Земля вдохновения

С именем Аксакова мы обычно связываем подмосковную усадьбу Абрамцево. Тут старый дом и речка Воря, и окрестные леса, знакомые еще и по многочисленным картинам, рисункам, акварелям Ильи Репина, Михаила Нестерова, Аполлинария и Виктора Васнецовых, Валентина Серова, Василия Поленова, Константина Коровина и других русских художников, часто бывавших в этих краях.

Но есть на земле Российской и еще одно пока менее известное, менее броское место, которое очень любил и воспел в своих произведениях русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков.

Аксаковской называют в Оренбуржье всю северную часть области. Здесь в 27 километрах к северу от Бугуруслана, в тихом уголке, в стороне от больших дорог, стоит между живописными холмами старинное (ему более двух столетий) село Аксакове. «Милое мое Аксаково», — как говаривал не раз сам Сергей Тимофеевич. Тут прошли детские годы писателя — родился он 20 сентября (1 октября) 1791 года в Уфе, — сюда приезжал на каникулы из Казани, где учился в гимназии и университете. Здесь он жил после женитьбы, в 1816–1820 годах.

В Аксакове родился старший сын Сергея Тимофеевича Константин — будущий видный поэт, публицист, историк. Тут родилась дочь Вера. Сюда вместе с младшим сыном Иваном Сергеевичем — поэтом и общественным деятелем — приезжал на отдых известный русский композитор Антон Рубинштейн.

Страстный охотник и рыболов Сергей Тимофеевич Аксаков исходил с ружьем и удочкой ближние и дальние окрестности усадьбы, заросшие уремными лесами берега Бугуруслана, Кинеля, Ика, Сока, Демы, других рек и степных озер, бродил по холмам, поднимался на самые высокие в округе горы, любовался живописными картинами родной природы.

Видел он и другое: беспросветную нужду крепостных деревень, необузданную жестокость, деспотизм помещиков, в том числе и родных ему людей — деда Степана Михайловича, бабушки Ирины Васильевны, родственников Куроедовых и других.

«Заваленное сугробами снега, из которых торчали соломенные крыши крестьянских изб, Багрово произвело ужасно тяжелое впечатление... это были какие-то зимние юрты кочующего народа», — таким видел свое село Аксаков.

И все это увиденное, пережитое легло потом в фундамент его книг, написанных с мастерством великого художника.

Сергея Тимофеевича Аксакова часто называют певцом оренбургского края. И в самом деле, — все его крупные произведения: «Детские годы Багрова-внука», «Семейная хроника», «Воспоминания», «Записки об уженье рыбы», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» — посвящены Оренбуржью, «моей прекрасной родине», — как говорил сам писатель. Сколько восторженных строк, сколько лирических отступлений, словно вырвавшихся из глубины сердца, обращено к родным местам.

«Как живописны и разнообразны, каждая в своем роде, лесная, степная и гористая твоя полоса, особенно последняя, по скату Уральского хребта, всеми металлами богатая, золотоносная полоса!.. Ты не та, но все еще прекрасна, так же обширна, плодоносна и бесконечно разнообразна, Оренбургская губерния!» — пишет Аксаков в «Семейной хронике».

Как провидец, он словно приоткрывал завесу, отдаляющую сегодняшний день:

Обильный край, благословенный!
Хранилище земных богатств!..
И горы соляных кристаллов
По тузлукам твоим найдут;
И руды дорогих металлов
Из недр глубоких извлекут...

Как блестяще подтвердились потом, уже в советские годы, эти пророческие слова, когда были открыты крупные месторождения нефти и газа, угля и горючих сланцев, железа и марганца, меди и никеля, золота и асбеста, титана и хромитов, других ископаемых.

На всю Россию, на весь мир прославил Аксаков доселе мало кому известные оренбургские степи, тихие, «темные» леса, величавые равнинные реки, степные дали.

«На сорок верст протяжения, от города Бугуруслана до казенного селения Красный Яр, оба берега его были не заселены. Что за угодье, что за приволье было тогда на этих берегах! Вода такая чистая, что даже в омутах, сажени в две глубиною, можно было видеть на дне брошенную медную денежку! Местами росла густая урема из березы, осины, рябины, калины, черемухи и чернотала, вся переплетенная зелеными гирляндами хмеля и обвешанная палевыми кистями его шишек; местами росла тучная высокая трава с бесчисленным множеством цветов, — писал

Аксаков в «Семейной хронике» — ...Бугуруслан течет по долине; по обеим сторонам его тянутся, то теснясь, то отступая, отлогие, а иногда и крутые горы; по скатам и отрогам их изобильно рос всякий черный лес; поднимешься на гору — там равнина, непочатая степь, чернозем в аршин глубиною». И это только одна из многих живописных картин, написанных рукой большого мастера.

Его замечательные книги составили своеобразную энциклопедию Оренбуржья — к ним вот уже больше столетия обращаются благодарные читатели — историки и географы, биологи и этнографы, фенологи и охотоведы, — с такой любовью, полнотой и разносторонностью описал Сергей Тимофеевич Аксаков родные свои места. И вместе с тем это была достоверная всеобъемлющая летопись целой эпохи русской жизни. И как очень метко и точно заметил литературовед Николай Ефимович Прянишников, в силу своего таланта Аксаков «не остался на уровне «областного» писателя, а стал писателем общерусского масштаба и значения».

Аксаков никогда не принадлежал к революционно настроенному крылу русской творческой интеллигенции. Его политические взгляды не выходили за рамки самых умеренных. Но как писатель-реалист, он в своих произведениях так глубоко проник в недра человеческих отношений, дал такие потрясающие картины быта помещичьих усадеб конца XVIII — начала XIX веков, с таким беспощадным мастерством показал и жестокость крепостников, и бесправие крестьян, что его произведения взяли на вооружение, использовали их для критики порядков, царивших в крепостной России, революционеры-демократы.

Книги Аксакова были замечены, его великолепную словесную живопись по достоинству оценили великие современники.

Познакомившись с отрывком из «Семейной хроники», Николай Гаврилович Чернышевский отметил: «в нем много правды... правда эта чувствуется на каждой странице... Что за удивительное впечатление производит этот маленький рассказ!»

«Такой книги у нас не бывало, — писал, прочитав «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», Иван Сергеевич Тургенев. — Мы поздравляем русскую литературу и читателей с появлением этих «Записок».

«Никто из русских писателей не умеет описывать природу такими сильными, свежими красками, как Аксаков», — так отзывался о нем Николай Васильевич Гоголь.

Александр Иванович Герцен назвал «Семейную хронику» «огромной важности книгой», а Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин — «драгоценным вкладом», обогатившим русскую литературу.

«Я давно уже и несколько раз прочитал ваше известнейшее произведение, но теперь я читаю его снова, и читаю с таким высоким наслаждением, как самый нежный любовник читает письмо своей боготворимой милой», — это строки из письма Аксакову Тараса Григорьевича Шевченко. И посвящены они «Семейной хронике».

«Значение Аксакова в истории классической русской прозы огромно, — писал Иван Сергеевич Соколов-Микитов. — Все творчество Аксакова, все его произведения проникнуты самой высокой гуманностью, любовью к природе и русскому простому человеку — главному его герою».

Очень высоко ценили художественное мастерство Аксакова Николай Александрович Добролюбов, Лев Николаевич Толстой, Алексей Максимович Горький.

Любопытный эпизод произошел перед Великой Отечественной войной, когда в Союз писателей СССР, как свидетельствует Анна Иосифовна Кальма, пришло письмо от сельских ребятишек. Они просили передать писателю товарищу Аксакову пожелание хорошего здоровья, благодарность за замечательную сказку «Аленький цветочек» и просьбу написать много-много таких же интересных сказок.

Кстати, Бугурусланский театр имени Н. В. Гоголя еще более полувека назад поставил на своей сцене спектакль по сказке «Аленький цветочек» и неоднократно его возобновлял.

Замечательный писатель жил и творил в наших краях, здесь накапливал он те драгоценные крупицы жизненных наблюдений, которые потом разошлись по свету в его талантливых книгах, здесь учился он великолепному по своей красоте, яркости, живости языку великого русского народа.

Приветствую тебя, страна благословенна!

Страна обилия и всех земных богатств! — так обращался он к своим любимым

оренбургским краям.

Село Аксаково — одно из старейших в Оренбуржье. Основано оно во второй половине XVIII века дедом писателя, Степаном Михайловичем. В поисках хорошего места для усадьбы он побывал «на прекрасных берегах Ика и Демы», но «купил землю у помещицы Грязевой по речке Большой Бугуруслан, быстрой, глубокой и многоводной». Потом тут жил отец писателя, Тимофей Степанович, и, наконец, Сергей Тимофеевич.

Огибаемый обширным парком, стоял одноэтажный, срубленный из огромных, привезенных за сто с лишним верст из Бузулукского бора, бревен помещичий дом с двумя симметрично поставленными крылечками. Из окон на солнечной стороне открывались удивительные картины — обкатанные веками склоны Челяевской горы, разлившийся по низине пруд, высокие ветлы Грачовой чащи, липовая, сосновая, березовая аллеи, Кудринская гора. Сквозь купы деревьев проглядывала отражающая облака река, видны были старые сосны, а дальше снова горы, уходящая вдаль долина с густыми уремными лесами.

Старый аксаковский дом немного не дожил до своего двухсотлетия. Я был в нем тридцать четыре года назад. Тогда там размещались контора и общежитие Мордовско-Боклинской МТС. Очень давно не ремонтировавшееся здание было сильно запущено, кое-где обвалилась штукатурка, полу разломано одно крыльцо. Внутренний облик дома был до неузнаваемости изменен многочисленными перегородками. Следы былых комнат угадывались только по лепнине на потолках.

Но дом был. Дом Сергея Тимофеевича Аксакова! Двухэтажный, надстроенный позднее.

Писатели, журналисты, общественность Оренбуржья не раз поднимали вопрос о переводе конторы и общежития в другое здание, о реставрации усадьбы, о создании в этих местах музея Сергея Тимофеевича Аксакова. В частности, об этом неоднократно писали в газетах старейший оренбургский литературовед Николай Ефимович Прянишников, заслуженный учитель республики Николай Геннадьевич Хлебников, краевед Петр Степанович Филатов и другие. Многих почитателей творчества Аксакова взволновала небольшая заметка в областной газете от 14 декабря 1955 года: «По окончании строительства новой усадьбы Мордовско-Боклинской МТС дом писателя С. Т. Аксакова будет освобожден, реставрирован и передан областному управлению культуры».

Однажды было выделено кровельное железо специально для ремонта крыши аксаковского дома. Значит, дело сдвинулось с мертвой точки. В другой раз завезли на усадьбу лес. Но находились материалы, не оказывалось подрядчика. Отыскивался подрядчик, не оказывалось ассигнований на ремонт. Когда же выделялись средства на ремонт, уже не было материалов — их использовали на другие цели. Старый дом все больше и больше нуждался в ремонте и реставрации.

В те дни в стране началась подготовка к 175-летию со дня рождения Сергея Тимофеевича Аксакова. И высказывались тогда пожелания, чтобы к этому времени в старом доме привести в порядок, восстановить в первозданном виде хотя бы одну-две комнаты и там на первых порах открыть выставку, которая со временем могла перерасти в аксаковский мемориальный музей.

И вот в эту самую пору, летом 1962 года, председатель колхоза «Родина» Иван Александрович Марков самостийно принимает решение разобрать дом Аксакова. Сейчас трудно установить, кто из районных или областных руководителей санкционировал это святотатство. Нелегко поверить и в то, что сам Марков рискнул поднять руку на такой дом — памятник всесоюзного масштаба. Но известно одно — Марков старался убедить всех, что «строение» обветшало настолько, что его восстановление совершенно нецелесообразно. И кроме того, как утверждал он, в центре бывшей усадьбы, на месте старого аксаковского дома, намечалось построить школу — своеобразный памятник писателю-земляку.

Видимо, вдохновило Маркова на такие действия принятое незадолго до этого нелепое решение о передаче усадьбы в полновластное владение колхозу «Родина». В оправдание приводились такие доводы, что оставлять дом опасно — может придавить кого-либо.

В самом деле было не так. Дом действительно нуждался в реставрации, потому что по-настоящему не ремонтировался со времен дореволюционных. Но он далеко не был ветхим, «трухлявым», как любят говорить сейчас. Об этом можно судить по тому, что его не сразу удалось разобрать. Как рассказывают старожилы, сначала пробовали сделать это вручную — не вышло, тогда призвали на помощь технику. Гусеничный трактор долго терзал здание, а оно поддавалось

трудно. Пригнали еще два «С-80». Три мощных трактора целый день, натужно гудя моторами, растаскивали старый дом. Треск стоял на всю округу.

Огромные, почти не тронутые временем брусья в обхват лежали сваленными в кучу у стен амбара. Потом часть их использовали на строительство телятника, а часть просто растащили.

Очень немногое сохранилось в Аксаково от тех времен, когда тут жил Сергей Тимофеевич, когда сюда приезжали его сыновья. Развалена, построенная дедом, старинная церковь. Гранитные надгробья, которые были установлены на могилах отца, матери и брата писателя Аркадия, долгие годы валялись где попало. Уничтожен (иное слово трудно употребить) старый аксаковский дом. Фамильный склеп Аксаковых превращен в мусорную свалку. Доведен до плачевного состояния некогда прекрасный парк. Много деревьев тут порубили во время гражданской войны, в пору разрухи, сильно поредели аллеи в годы Великой Отечественной войны, когда из-за нехватки топлива на дрова спилили многолетние липы и дубы, помнившие Аксакова. Территория так заросла, что трудно установить, где пролегали дорожки, где стояли беседки. Печально смотреть на жалкие остатки липовой аллеи, по которой любила гулять мать писателя Мария Николаевна. Часть деревьев здесь уничтожена самовольными порубщиками, а часть засохла не без помощи человека.

Если собрать вместе всю переписку, газетные публикации, все документы, бумаги, в которых шла речь о судьбе аксаковский усадьбы, получится, наверное, целый том. Было принято немало решений. Они в той или иной степени ставили вопрос о создании в селе Аксаково мемориального ансамбля, или, в крайнем случае, хотя бы небольшого музея.

Несколько лет Бугурусланское районное отделение общества охраны памятников истории и культуры возглавляла Тамара Александровна Лазарева. Она многое сделала для спасения того, что сохранилось в Аксаково, дошло до наших дней. Ценой немалых усилий группы энтузиастов был открыт памятник С. Т. Аксакову, начал действовать маленький музей. Расположился он в двух комнатках бывшей «людской», и в нем была очень скромная экспозиция.

26 мая 1971 года исполком Оренбургского областного Совета депутатов трудящихся принял решение «О создании мемориального комплекса писателя Сергея Тимофеевича Аксакова в селе Аксаково Бугурусланского района». Хорошее решение, так сказать, программа-минимум. Но решение это так и осталось на бумаге.

Сегодняшнее Аксаково — современное село, строится оно теперь по генеральному плану. Живут колхозники в добротных домах и вполне зажиточно. И только памятным местам, связанным с именем замечательного писателя, не повезло.

Несколько лет назад побывал здесь известный советский писатель Владимир Алексеевич Солоухин. Был он очень расстроен, потрясен увиденным. Гневным было его выступление в журнале «Москва». Владимир Алексеевич предложил поставить дело восстановления мемориального комплекса «на государственную, всесоюзного значения основу», тем более, что это особенно нужно в «оренбургской отдаленности и, так сказать, безмузейности».

Сравнительно недавно, 8 августа 1984 года, «Литературная газета» опубликовала ответ управления культуры Оренбургского облисполкома на критическое письмо читателя о судьбе аксаковских мест. Ответ звучит бодро: «...работы по восстановлению усадьбы Аксакова находятся на контроле областного управления культуры... К 200-летию со дня рождения замечательного писателя намечено закончить работу по восстановлению исторического памятного места — «Родовое имение русского писателя С. Т. Аксакова».

Но все это не более, как пример вопиющего разрыва между словом и делом, так характерного для эпохи застоя. Пока никто ничего практически не делает для возрождения «родового имения». Более того, в ответ на многочисленные обращения оренбургских краеведов Н. Е Хлебникова, П. С. Филатова и других Министерство культуры Российской Федерации сообщило, что оно не возражает (!) против восстановления усадьбы Аксакова, но считает, что это должно быть сделано местными силами и за счет местного бюджета.

Теперь идут разговоры о том, что к 200-летию С. Т. Аксакова надо восстановить парк и пруд, создать музей, а потом заняться усадьбой. Нет, усадьбу восстанавливать нужно тоже срочно. Сумели же всего за четыре месяца в Тульской области восстановить усадьбу Л. Н. Толстого Никольское-Вяземское и силами одного лишь Тульского машиностроительного завода.

Несомненно, что памятные места Сергея Тимофеевича Аксакова станут одними из самых почитаемых и самых посещаемых на грани Заволжья и Уральских предгорий.

* * *

...Неподалеку от Аксакова стоит большое село Михайловка. Как установила оренбургская журналистка Юлия Сергеевна Глушкова, оно названо так в честь известного русского литератора Николая Георгиевича Гарина-Михайловского, чья жизнь и творческая биография тесно связаны с Бугурусланским уездом.

В последней четверти XIX века в России бурно развивается строительство железных дорог. Отставшая от многих европейских стран Россия словно спохватилась и стала лихорадочно наверстывать упущенное. Карта стальных путей изменялась с каждым годом.

Может быть, именно поэтому, выросший в богатой дворянской семье, мечтательный, увлекающийся студент юридического факультета Петербургского университета Николай Михайловский решительно порывает с правоведами, переходит в институт инженеров путей сообщения и блестяще оканчивает его в 1878 году.

Тогда шла еще русско-турецкая война, и первой стройкой для молодого инженера стало сооружение мола и прокладка шоссейной дороги в районе прифронтового болгарского города Бургаса. Затем он работает в Бессарабии на строительстве железной дороги Бендеры — Галац. Позднее строил железнодорожную линию в Закавказье — от Батума до Самтредиа, участвовал в проектировании и строительстве Великой Сибирской магистрали, в частности, ее начальной части — от Самары до Уфы, а затем и самого трудного горного участка — от Уфы до Златоуста.

В 1927 году Алексей Максимович Горький написал воспоминания о Гарине-Михайловском. «Талантливый, неистощимо-бодрый человек», «неувядаемый Гарин», «веселый праведник», «вообще Н. Г. был разносторонне, по-русски даровит», «Гарин пишет интересно и порядочно», — это горьковские строки о полюбившемся ему писателе.

Горький как-то спросил его — правда ли, что он однажды засеял сорок десятин маком?

«...Хлопнув меня по плечу маленькой крепкой рукой, он сказал с восхищением:

— Но если б вы, батенька, видели этот мак, когда он зацвел!»

Видимо, выглядело это действительно сказочно красиво — миллионы алых маков. Но где и когда мог сеять мак инженер-путеец?

Может быть, именно тогда, работая на строительстве Самаро-Уфимской железной дороги, присмотрел Михайловский в Бугурусланском уезде, в живописном месте, недалеко от реки Сок, старую усадьбу у деревни Гундоровка.

Рассорившись с руководителями строительства (возглавлял прокладку дороги однофамилец — статский советник Михайловский), которые настойчиво пытались втянуть его в неблаговидные дела, Николай Георгиевич — человек высочайшей порядочности, интеллигент в самом лучшем понимании этого слова — оставил работу, решил осесть на земле. Тем более, что очень увлекли его модные тогда идеи народников.

Так, в 1883 году в Бугурусланском уезде появился новый владелец земли и очень запущенной усадьбы у деревни Гундоровка.

Сторонник культурного ведения хозяйства, Михайловский сумел в сравнительно короткий срок неузнаваемо возродить поместье, поднять урожайность полей, которые никогда прежде не давали высоких намолотов, завести породистый скот, создать образцовую пасеку.

Как никто другой в здешних местах, он так много делал для крестьян, поддерживал бедняков, всячески помогал им. Михайловский построил школу для сельских ребятишек, его жена Надежда Валериевна учила крестьянских детей грамоте, бесплатно оказывала гундоровцам медицинскую помощь.

Михайловский ввел в хозяйстве севообороты, с осени готовил всю пашню под яровой клин, обильно удобрял поля. Настойчиво учил он правильно вести хозяйство и местных крестьян, организовал агрономическую станцию, построил первый в здешних местах элеватор, мельницу, кирпичный завод.

Новшества пришлись не всем по душе, кое-кто увидел в них посягательство на свои права, попытку ограничить свою власть над беднотой, грабительские устремления. Зреет месть. В одну из осенних ночей сгорает мельница и молотилка, привод которой Михайловский устроил от водяного колеса. Потом один за другим вспыхивают громадными факелами в ночи амбары с товарным зерном, с семенами подсолнечника.

Спасаясь от полного разорения, Михайловский снова поступает на службу на

строительство железной дороги. Но так тяжело доставшуюся ему Гундоровку не забывает, приезжает сюда с большой семьей (у Михайловских было одиннадцать своих детей и трое воспитанников) в летние месяцы. И вот тут, на бугурусланской земле, он начинает писать, ему хочется рассказать людям о своих попытках жить в селе по-новому, вести хозяйство рационально, с учетом достижений агрономической науки, о своих неудачах и разочарованиях. Ему ничего не надо было придумывать, домысливать. Он писал о том, что знал, видел, пережил за годы своей сельской жизни.

Очерки «Несколько лет в деревне» он показал своему старому приятелю, который заехал в Гундоровку, направляясь из Сибири в Москву. Ему понравилось написанное, и он уговорил автора познакомить с рукописью московских писателей. Очерки о жизни Бугурусланского уезда получили высокую оценку Глеба Успенского, Н. Н. Златовратского, К. М. Станюковича, Н. К. Михайловского.

И скоро в степную глухомань, в Гундоровку, приехал известный русский писатель Константин Михайлович Станюкович. Он передал Николаю Георгиевичу предложение редакции журнала «Русская мысль» опубликовать его деревенские очерки в ближайших номерах.

Михайловский был окрылен похвалой известных в России литераторов, рассказал именитому гостю о задуманных им повестях, прочитал несколько черновых еще глав. Как вспоминала Н. В. Михайловская, «Станюкович сердечно обнял Николая Георгиевича, звал его настоящим писателем».

Перед отъездом из Гундоровки Станюкович посоветовал ему подписывать свои произведения псевдонимом.

— У нас уже есть литератор Михайловский, — пояснил Станюкович, — придумайте себе другое писательское имя.

В это время в комнату вошла Надежда Валериевна с младшим сыном, названным в честь деда Георгием. В семье его звали Гариком.

— Вот он, мой псевдоним, — засмеялся Михайловский. — Подойдет такое имя — Гарин?

— Лучше и не придумать, — ответил Станюкович.

Так родилось литературное имя молодого, никому еще не ведомого писателя, родилось тоже на земле бугурусланской.

Очерки «Несколько лет в деревне», опубликованные в 1892 году в четырех номерах журнала «Русская мысль», взволновали своей искренностью, глубоким знанием жизни передовую Россию. Восторженно отозвался о них Антон Павлович Чехов, с одобрением встретил Алексей Максимович Горький.

Потом в Гундоровке были написаны другие очерки и рассказы, первые две части известной тетралогии — замечательные повести «Детство Темы» и «Гимназисты».

В 1903 году, навсегда покидая Бугурусланский уезд, Гарин-Михайловский продал усадьбу самарскому купцу. А тот перепродал часть земли крестьянам-переселенцам, приехавшим с Украины. Прожив тут несколько лет, прикопив деньжат, они купили землю поближе к Бугуруслану и, вспоминая об удивительном барине, о котором услышали так много хорошего от гундоровских крестьян, назвали свое новое село Михайловкой.

Весной 1903 года Гарин-Михайловский с семьей приехал в Крым. Тут он проводит изыскательские работы на трассе будущей железной дороги, которая должна была пройти вдоль южного побережья Крыма от Севастополя до Ялты и оттуда до Симферополя. Это была голубая мечта его жизни. Он работал с такой энергией, с таким упоением, что в сравнительно короткий срок в сложных горных условиях наметил трассу новой магистрали. Чтобы не загрязнять воздух в этих краях, словно самой природой созданных для лечения и отдыха людей, Михайловский проектировал прокладку электрифицированной магистрали. А энергию для нее намечалось получить с гидроэлектростанции, которую предполагалось построить на Черной речке.

Дорога эта так и не была построена. Но потем местам, которые выбрал инженер Михайловский, проложена отличная автомагистраль Севастополя до Ялты. А от Ялты до Симферополя пролегла самая длинная в мире 90-километровая троллейбусная линия. И в память о Гарине-Михайловском на одной из скал рядом с оживленным асфальтированным шоссе установлен его скульптурный портрет. Тут останавливаются туристские автобусы, всегда цветы.

Недолгую жизнь прожил Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852–1906), совсем коротка его писательская биография. Но он успел сделать много: построить дороги и создать

образцовое хозяйство, совершить кругосветное путешествие и принять участие в русско-турецкой и русско-японской войнах (в последней строил дорогу в Корее до Сеула), и написать замечательные книги, которые вошли в золотой фонд отечественной литературы.

Вечно занятый, вечно в движении, Гарин-Михайловский чаще всего писал на ходу — в вагоне, в телеге, как тогда говорили, «на облучке». Он и умер «на ходу», в самом расцвете сил — 27 ноября 1906 года после страстной речи на совещании в редакции большевистского журнала «Вестник жизни».

Незадолго до кончины Николай Георгиевич сказал Максиму Горькому:

— Счастливая страна Россия! Сколько интересной работы в ней, сколько волшебных возможностей, сложнейших задач! Никогда никому не завидовал, но завидую людям будущего, тем, кто будет жить лет через тридцать, сорок после нас...

Он верил в Россию и служил ей преданно и самозабвенно.

* * *

Почти двадцать лет имя Михаила Прокофьевича Герасимова было под запретом. Для целого поколения советских людей его вычеркнули из списка любимых, почитаемых стихотворцев. А это был самобытный поэт и очень интересный человек.

Родился он 30 сентября (12 октября по новому стилю) 1889 года под Бугурусланом, в будке путевого обходчика.

Мое детство цвело на будке
У железнодорожного моста,
Где весной дрожали незабудки,
Жизнь была, как вода голубая,
Ясна и проста...

Детские годы были безрадостными. Подобно другому писателю, он мог сказать о себе — в детстве у меня не было детства.

- Тебе девять лет,
И ты совсем взрослый, —
Сказал отец, от загара черный, —
Завтра пойдем мостовые откосы
Обкладывать дерном, —

так напишет он о себе в одном из стихотворений. Вместе с отцом мальчик полол бурьян на железнодорожной линии, выкладывал вырубленными пластинами дерна откосы у моста, следил за тем, чтобы на участке их путевого околотка, у будки, в которой жила семья, было чисто. «Меня железная дорога качала на груди своей», — так образно сказал поэт о тех Днях.

Учился сначала в Кинельской двухклассной школе, куда привозили с линии детей железнодорожников, потом — в Самарском техническом училище.

В 1905 году шестнадцатилетним парнишкой вступил Михаил в партию большевиков, в рядах дружинников-боевиков сражался на баррикадах. В декабре был схвачен на станции Кротовка, на пути в Бугуруслан. При обыске в кармане нашли наган, которым Михаил не успел воспользоваться. Почти шесть месяцев отсидел в тюрьме в Самаре.

Захваченному с оружием в руках грозила смертная казнь. Спасло несовершеннолетие — выпустили, потребовав навсегда отречься от революции. Но сразу же после освобождения с азартом юности снова ринулся в подполье, научился уходить от филеров. Узнав по условленному знаку о провале конспиративной квартиры, осенью 1907 года покинул Самару, сумел добраться до Петербурга, оттуда бежал в Финляндию.

В годы эмиграции (а она продолжалась восемь лет) исходил пешком чуть ли не всю Европу. Физическая закалка, труд с малолетства помогли ему выстоять. Работал на шахтах в Бельгии, на металлургических заводах во Франции, на известном автомобильном заводе «Рено». Потом отправился в Италию, плавал кочегаром по Средиземному морю и Атлантическому океану.

Любознательный парень из-под Бугуруслана активно познавал мир, знакомился с разными странами. Его Одиссея вызывает восхищение. — Зимой накопишь денег — откладывал по франку, по два-три в получку — и пойдешь пешком смотреть людей и мир, — рассказывал он потом критику Корнелию Зелинскому. — Из Лиона пошел в Марсель, в Ниццу, был в Венеции, в Риме, в Неаполе. Прошел пешком Сен-Готардский перевал в Альпах. Пришлось узнать тюрьмы и во Франции, и в Италии. Бунтарем был, бродягой по Горькому. Но больше всего я полюбил Париж. Здесь, на улице Белой Королевы, был рабочий клуб, где собирался кружок рабочих-писателей. Приходили туда русские политэмигранты Анатолий Васильевич Луначарский, Павел Карпович Бессалько, Федор Иванович Калинин. Читали друг другу свои произведения. Анатолий Васильевич был нашей головой...

Эта литературная учеба не прошла бесследно. Еще в 1913 году в большевистском журнале «Просвещение» были опубликованы стихи с никому еще неизвестной подписью «М. Герасимов». Его стихотворения публикует главная газета большевиков «Правда».

Когда началась мировая война, Михаил Герасимов вступил добровольцем во французскую армию, чтобы хоть отсюда, издалека, помогать России. Участвовал в грандиозных сражениях на Марне, в Шампани, в Аргоне, под Реймсом. Был контужен.

За революционную пропаганду осенью 1915 года вместе с другими волонтерами союзники выслали Герасимова в Россию. Тут сразу попал под жандармское наблюдение. Весной 1916 года его арестовали в Самаре. Отсидел несколько месяцев на гауптвахте, а затем его отдали под надзор военной жандармерии в четвертый запасной саперный батальон.

Но и под неусыпным надзором Герасимов оставался революционным бойцом. Он стал настолько известным в солдатской среде большевиком, что, когда грянула февральская революция, Герасимова избрали председателем Самарского Совета солдатских депутатов.

Его властно закружила революция. Вместе со своими товарищами он активно участвует в октябрьских боях. Позже Михаил Прокофьевич становится заместителем председателя Самарского ревкома, губернским военкомом, членом ВЦИК первого созыва.

В родных местах, на Оренбургском фронте, командует Михаил Герасимов красногвардейскими отрядами, воевавшими против белых банд атамана Дутова «в степи, простреленной рельсами». В перерывах между боями он пишет стихи. Его творчество заметил Максим Горький. Стихотворением молодого поэта «Трубит заводская сирена», рассказывающим о трагической гибели сталевара, Горький открыл сборник стихов пролетарских поэтов. При его содействии уже в 1917 году вышла первая маленькая книжечка стихотворений Герасимова

«Вешние зовы».

Потом один за другим в Москве и Самаре публикуются его поэтические сборники «Завод весенний», «Железные цветы», «Электрификация», поэма «Монна Лиза», книга рассказов «Цветы под огнем». Его стихи из коллективного сборника литературной группы «Кузница» отмечает Сергей Есенин. В рецензии на этот сборник Есенин писал о стихах Герасимова, что они «обещают в нем поэта весьма и весьма несредней величины среди своих собратий». Герасимов редактирует журнал «Зарево заводов». Есть в его творческой судьбе и такой факт: вместе с Сергеем Есениным и Сергеем Клычковым Михаил Герасимов написал текст кантаты, которая исполнялась при открытии на кремлевской стене мемориальной доски «Павшим в борьбе за мир и братство народов», ее слушал В. И. Ленин.

В годы новой экономической политики Герасимов, как, впрочем, и многие другие, переживает острый идейный и творческий кризис. Он не принимает нэп, считает, что это возврат к капитализму, измена революции. В его поэзии появляются упаднические мотивы. И когда Герасимов отшатнулся в сторону и на него обрушились с уничтожающей критикой, именно Максим Горький по-отечески поддержал «талантливого поэта-рабочего», не дал его «зачеркнуть». Его «зачеркнули» позднее, уже после кончины Горького, в годы культа личности Сталина. Герасимова осудили к десяти годам заключения без права переписки. Тогда никто еще не знал зловещего смысла этой формулировки: Михаил Прокофьевич Герасимов был расстрелян в 1939 году.

Спустя годы страна вернула Михаилу Герасимову, как и многим другим невинно погибшим литераторам, доброе имя. Снова выходят и находят своего читателя сборники его стихов. Вот строки из одного стихотворения, наиболее характерного для его творчества:

Я не в разнеженной природе,
Среди расцветшей красоты, —
Под дымным небом, на заводе
Ковал железные цветы.
Их не ласкало солнце юга
И не баюкал лунный свет —
Вагранок огненная вьюга
Звенящий обожгла букет...

Заводская тема его самая любимая. И сегодня стихи, написанные нашим земляком, звучат молодо и современно.

* * *

В самом северо-восточном углу Бугурусланского района, на берегах маловодной речушки Боклы стоит село Сапожкино. Основали его в прошлом веке крестьяне-переселенцы. В этом селе в батрацкой семье 20 октября 1897 года родился Дмитрий Иванович Малышев, которому суждено было стать одним из основоположников мордовской литературы.

Учиться было негде, пришлось за десять верст ходить в село Русский Кандыз, где действовала церковно-приходская школа. Все годы учебы мальчик считался первым учеником. Учителя настойчиво советовали продолжать образование, но материальные возможности семьи заставили принять другое решение. В десять лет Митя стал пасти господских лошадей. С тех дней он люто возненавидел жестокого хозяина и по-своему, по-мальчишески, повел против него борьбу. И однажды, когда Митя вывел из строя молотилку, юный бунтарь был изгнан вместе с отцом. Пришлось отправиться в Бугуруслан. Здесь отец стал кучером, а сын — писарем у купца. За три рубля в месяц, кроме своих прямых обязанностей, он выполнял множество других.

Шли годы. Пришла пора познавать мир. Крепло желание увидеть другие края. Но средств для этого не было. Единственный путь — пойти добровольцем в действующую армию. Несмотря на возражения родни, он так и сделал. Весной 1916 года Малышев уже на румынском фронте. Писал письма не только своим родителям, но и семьям солдат, которые остались неграмотными.

Однажды товарищ, восхищенный умением Дмитрия так душевно сочинять письма, сказал ему:

— А ты бы, Митяй, песню сложил... Вон ведь как складно у тебя получается.

Митяй попробовал. Тогда осенью шестнадцатого года в окопе и написал он свои первые стихи о нелегкой солдатской доле:

Улетел бы с вами, тучи,
По лесам и по лугам,
Но я скован и окручен
По рукам и по ногам.

В дни революции, когда началась стихийная демобилизация, вернулся солдат Малышев в родные места. И тут вскоре вступил в Бугурусланский коммунистический отряд, который позднее вошел в состав Чапаевской дивизии. Вместе с чапаевцами гнали на восток полки Колчака, потом от Уфы вернулись в Бугуруслан, боролись с бандами. И хоть это были невероятно тяжелые годы — Дмитрий болел тифом, перенес голод, — о тех днях он потом скажет: «Этот период жизни — самый красочный».

В Бугуруслане Дмитрий Малышев с удовольствием ходил на занятия литературного кружка. Сюда приносили свои первые, чаще всего неумелые, стихи и рассказы рабочие, солдаты, крестьяне из окрестных деревень. Читали и обсуждали написанное, спорили. По рекомендации литкружка стихи рабочих поэтов печатала бугурусланская газета «Луч коммуны». Решили издать первый сборник. Обратились за помощью в уездный партийный комитет. Там работали люди понимающие — идею горячо поддержали. В очень трудном, голодном 1921 году типография Бугурусланского совнархоза выпустила крохотным тиражом — всего 400 экземпляров — небольшой сборник стихов «Яровой клин». Издан он был на серой, невзрачной бумаге, но сколько

радости доставил авторам! Они расплатились с наборщиками и печатниками по тому голодному времени роскошно — каждый принес по фунту овсяной муки. А тяжелый маховик печатной машины сами авторы раскручивали вручную. В сборнике были опубликованы стихотворения Дмитрия Малышева: «Родная деревня», «Пролетарским поэтам», «Кто я?» и другие.

Исследователю творчества мордовских писателей Леониду Васильеву удалось отыскать экземпляр этого сборника, ставшего библиографической редкостью еще в год выхода. Удивительно передает дух той суровой эпохи краткая вступительная статья:

«Голодно и холодно, а неугомонная народная душа рвется на простор, как будто и не чуя невзгод, окрыленная надеждами на светлое будущее, — говорится в ней. — Много сумбурного и неуклюжего заносится на бумагу... Хромает рифма и не блещет стиль. Но кто же авторы? Можно ли требовать с них лощеных произведений, прилизанных рифм, чистоты отделки? Да ведь это сам очнувшийся от векового гнета народ, почерпнувший свои знания из корявого букваря, милостиво брошенного ему бывшими властителями жизни... В доступных ему формах, по готовым образцам он стремится излить все то, что давно наболело в душе и на сердце».

Песни нам душу и ум окрыляют,
Песни смягчают страданья людей,
Песни борцов на борьбу вдохновляют,
Песни — источник высоких идей, —

Так писал в те дни молодой поэт Дмитрий Малышев.

Потом он учился на рабочем факультете при Самарском университете. Его стихи появляются в самарских и московских газетах. И тогда впервые он стал подписывать свои стихи псевдонимом «Дмитрий Морской».

— Почему Морской? — спрашивали у него товарищи из литкружка. — Ты ведь и моря-то еще в глаза не видел, лучше — Степной.

— Я человек степной, а степь широка, бескрайня, как море, — ответил Дмитрий, — я мечтаю о море, во сне даже вижу. И я обязательно доберусь до него...

Но прежде чем добраться до желанного моря, надо было доучиться. Он поступает в Московский высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова. Как когда-то юный Пушкин читал свои стихи перед Державиным, так и Дмитрий, волнуясь, декламировал теперь перед самим Брюсовым:

Не в чужой стране — в России,
На разостланных полях,
Волги берега взрастили
Бесшабашный мой размах...

Валерий Яковлевич обласкал молодого, смущенного поэта, сердечно отозвался о его стихах.

В Москве Морской посещает «Никитинские субботники», знакомится с Владимиром Маяковским, Сергеем Есениным, Борисом Пастернаком, с другими известными поэтами. Особенно близко сошелся с Михаилом Герасимовым, когда выяснилось, что они — земляки, обавышли из глубоких недр народа, пробились квысотам поэтического творчества.

В издательстве «Никитинские субботники» увидел свет первый поэтический сборник Дмитрия Морского с непонятным для многих названием «Сурдина пурги». По стихам, которые вошли в эту книгу, чувствовалось, как крепчал, набирал силу его поэтический голос. Особенно удавались ему стихи о сельском труде, о котором он знал не понаслышке:

Точно цепь золотых журавлей,
Косари растянулись в лугах.
С каждым взмахом сильней и сильней
Косы свищут в упругих руках.

Сурдина — приспособление для того, чтобы приглушить резкость звука в музыкальных

инструментах, говорили «петь под сурдинку» — значит приглушенно, тихо, вполголоса, полушепотом. Сурдина пурги — при вьюге, буране еле слышные вначале посвисты, заунывные подголоски, в которых есть что-то тревожное, предупреждающее об опасности.

Свой первый сборник — небольшую книжечку — Дмитрий Иванович послал Максиму Горькому, который жил тогда в Италии, в Сорренто. Ответ пришел неожиданно быстро. Менее чем через две недели поэт читал такое дорогое для него письмо Горького. Великий писатель отметил достоинства книги, не умолчал и о погрешностях в языке, в стиле.

«Мне кажется, что стихом, техникой стиха вы владеете уже свободно», — писал Алексей Максимович. Что касается названия сборника, то он сказал коротко: «Вычурно это».

Потом, когда Горький вернулся в Советский Союз, они встретились в Москве — известный всему миру писатель и поэт из бугурусланского села.

Весну и лето 1929 года Дмитрий Иванович провел в родном селе. Он участвовал в коллективизации, почего предложению колхоз в селе Сапожкино назвали именем Горького. В бугурусланской газете «Пахарь» печатаются стихи Морского, навеянные событиями тех дней. В поэме «Новая родина» нашли свое отражение мысли поэта о переменах в деревне, о рождении нового уклада крестьянской жизни.

Тогда же в газете «Пахарь» публикуются отрывки из поэмы «Нувази», которая рассказывает о Крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева, о совместной борьбе русских, башкир, мордвы. В 1929 году отдельным изданием вышла поэма «Ульяна Сосновская» — о горькой судьбе девушки-мордовки из деревни Сосновка. В этой поэме, в сборнике «Сурдина пурги», в других Дмитрий Иванович любовно описал свои родные места.

Выросший в селе, он любил крестьянский труд. Приезжая в Сапожкино, он буквально на другой день «поступал в колхоз» — косил травы, копнил сено, убирал урожай. В своем селе и в районном центре Мордовская Бокда (сейчас село Советское Бугурусланского района) Дмитрий Иванович работал учетчиком тракторной бригады, заведующим методическим кабинетом районе, ответственным секретарем районной газеты «За большевистские колхозы». Он научился работать на тракторе, пахал колхозные поля вместе с первыми механизаторами. Именно тогда родились стихи:

Весенний сев! Весенний сев!
Весенний хоровой запев!
Идут колонны тракторов
Долиной полевых ковров.
Идут сквозь марево весны,
По гребням жирной целины.
Густой муаровой тесьмой
За каждым плугом борозда,
И пишут сеялки письмо,
Письмо весеннего труда...

Его стихи печатают «Известия», «Красная звезда», другие газеты. Потом вдруг имя Морского надолго исчезло, поэтические сборники изъяты из библиотек. Арестованный по злому навету, он прошел через ад лагерей. Когда началась Великая Отечественная война, поэт обратился с просьбой послать его на фронт. Воевал рядовым солдатом в штрафном батальоне.

От Мурманска до белого Казбека
Я отпечатал свой солдатский шаг, —

писал он в те суровые дни.

В жестоких августовских боях 1943 года между Ельней и Дорогобужем рядовой Малышев был тяжело ранен и контужен. После долгих госпитальных месяцев приехал в родное свое Сапожкино. А вскоре он снова, уже в третий раз, был арестован, как враг народа, и возвратился домой лишь в 1954 году после десятилетнего пребывания в лагерях безнадежно больным, почти прикованным к постели. Вернулся с чувством горькой обиды за бесцельно потерянные годы, за искалеченную жизнь.

Когда болезнь обострилась, ему пришлось переехать в Бузулукский бор, в здешний Дом инвалидов. 20 февраля 1956 года в больнице на станции Колтубанка перестало биться его сердце. Тут он и похоронен на местном кладбище.

В 1979 году в Саранске вышел сборник стихов Дмитрия Морского «Первая борозда». О талантливом самобытном поэте, о замечательном земляке помнят в Сапожкино и Бугуруслане. Стараниями учителей и старшеклассников в Сапожкинской школе создан музей. Многие экспонаты передали сюда родственники Дмитрия Морского, живущие в Сапожкино и Москве, его сестра Прасковья Ивановна и жена Антонина Александровна, многое удалось найти энтузиастам-краеведам.

Дыхание времени

Глухими, захолустными были даже на рубеже XIX и XX веков села Бугурусланского уезда. Но и сюда в глухомань доходили революционные идеи, проникало ленинское слово.

Осенью 1902 года в деревнях Бугурусланского уезда среди крестьян распространялась газета «Искра», № 11. Затем жандармы обнаружили и другие номера «Искры», в которых были опубликованы статьи В. И. Ленина: «Из экономической жизни России», «Начало демонстраций», «Протест финляндского народа», и другие. Темы выступлений Ильича были разнообразными, но через все эти работы четко проходит главная мысль — призыв к свержению самодержавия.

В архиве Самарского жандармского управления был обнаружен секретный документ — рапорт пристава от 17 марта 1905 года. В нем говорится: «Прибывший в село Борискино, той же волости, в минувшем феврале месяце из города Казани учительского института сын борискинского волостного писаря Николай Иванов Самойлов между жителями распространял социал-демократическую пропаганду, причем раздавал революционные социал-демократические брошюры. Из числа коих благочинный священник села Борискино отец Соловьев предоставил мне одну брошюру в виде книжки, в одну восьмую листа, в 92 страницы. Отпечатано на русском языке мелким обыкновенным шрифтом под заглавием «Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Н. Ленин. К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы». С приложением проекта программы Российской социал-демократической рабочей партии. Издание Загран. Лиги Русск. революционной социал-демократии. Женева. Типография Лиги. 1903», оставленную названным Николаем Самойловым у портного вышесказанного села Ивана Кузьмина Трошкина.

О вышеизложенном с представлением брошюры имею честь доложить, что Николай Самойлов из села Борискина выбыл...»

О дальнейшей судьбе Николая Самойлова, к сожалению, ничего не известно. Но из материалов дознания видно, что ленинскую брошюру Самойлов передал крестьянину Леонтию Ивановичу Петлину, а тот дал почитать портному Ивану Трошкину. Занимаясь портняжеством, он ездил в другие деревни, читал книгу, беседовал, разъяснял прочитанное. Так, известно, что он повез подпольную книжку в деревню Наумовку к Дмитрию Гаврилову, а потом знакомым крестьянам в Бегашкино и Грековку. Вернувшись в Борискино, он передал брошюру знакомому крестьянину Егору Чиняеву, тот дал почитать старосте Илье Кирдину, а от него она попала к священнику Соловьеву. Почти месяц находилась известная работа В. И. Ленина у крестьян Борискинской волости, передавалась из рук в руки, побывала в четырех деревнях, ее прочитали пятнадцать человек. «Интересной книжкой» называли ее на допросах крестьяне-бедняки.

Когда в Борискино пришли колчаковцы, кто-то донес им о Трошкине, о том, что он знакомил бедноту с книгой Ленина. Когда белякам удалось схватить Ивана Кузьмича, его избили на сельской площади так, что он здесь же и умер.

24 марта 1905 года начальник губернского жандармского управления докладывал губернатору: «В Бугурусланском уезде настроение крестьян тревожное, среди них ходят разные толки, высказывается недовольство против войны с Японией; начальствующих лиц называют ворами и изменниками, земских начальников обзывают дармоедами...»

Крестьяне нападали на помещичьи усадьбы, поджигали постройки, рубили лес. Как видно из сводки губернского жандармского управления по Бугурусланскому уезду, весной 1905 года «самоуправные действия произведены» в имениях Чемодурова, Куроедова, Шувалова, Плешанова, Аксакова, Роппа, Агеева. А в деревне Софьевке крестьяне «самовольно разобрали хлеб из общественного магазина и самый магазин продали».

Горячий ветер революции всколыхнул Бугуруслан. 30 октября 1905 года в городе прошел многолюдный митинг. Как доносил унтер-офицер Травкин, выступали либералы. По окончании митинга все направились в собор и заказали панихиду по убитым борцам за свободу. После панихиды с духовым оркестром, под звуки «Марсельезы» прошли по площади, по Дворянской улице под красным флагом, на котором было написано «Да здравствует свобода!»

«Когда проходили они площадь, — писал Травкин, — в это время была разброска брошюр, брошюры были будто такого содержания, что нам не надо ни злата, ни серебра, ни белого царя... Местная полиция в г. Бугуруслане совершенно никаких мер не принимают, даже если видят, собирается какая толпа, они прячутся».

Не очень грамотно, но верно подмечено, движение было таким массовым, что полиция боялась высунуть нос. Да и сам Травкин, видимо, наблюдал из-за угла.

15 ноября 1905 года Бугурусланский уездный исправник Любенецкий обратился к губернатору с просьбой оставить в городе роту солдат Березинского полка. «Чернорабочее городское население, — сообщал он, — настолько возбуждено и проявляет свое недовольство настолько открыто, что отсутствие в городе военной силы может повести к печальным последствиям».

30 декабря 1905 года фельдъегерь доставил бугурусланскому городскому голове секретный пакет. Губернатор предупреждал: «В Бугуруслане образован комитет на началах, не предусмотренных никакими законами. Он имеет своего председателя, созывает общие собрания жителей, дает указания городской управе. Я ставлю вас в известность, что существование такого комитета с подобными функциями не может быть допустимо».

Напуганные отцы города спешно распустили демократический комитет. Но революционные настроения от этого не стали слабеть. Борьба продолжала нарастать. По городским улицам ходили усиленные патрули солдат Березинского полка.

Весной 1906 года в городе появились листовки с подписью, очень взбудоражившей местных жандармов: «Бугурусданская группа РСДРП». 2 мая уездный исправник отправил в Самарское жандармское управление 84 листовки и брошюры «противуправительственного содержания». Они были найдены на улицах города только за один день 30 апреля.

В одной из листовок Бугурусланская группа РСДРП требовала от владельцев яичных складов сократить рабочий день женщин и девушек, которые работали по 15 часов. «Не надейтесь на издыхающее самодержавие! — писали авторы этой листовки. — Уже сочтены его последние минуты. Мы даем вам три дня сроку, после чего вы должны исполнить это требование — сократить рабочее время!» В другой листовке — обращение к рабочим с призывом помогать революционному движению в уезде.

А в деревне дело доходило в те дни до схваток со стражниками. В Нойкино, например, около ста крестьян с косами захватили луга помещика Хохлова. По его просьбе полусотня конной стражи из Бугуруслана отправилась на усмирение. Ротмистр Парфенов, развернув лавой свое воинство, повел в атаку на крестьян. Им пришлось отступить. Жандармы арестовали четырех зачинщиков и увезли в Бугуруслане кую тюрьму.

В селе Рычкове крестьяне организовали коллективную рубку леса у помещика Дунаева. Полицейские арестовали организатора волнений Ефима Иванова, но крестьяне отбили его и пригрозили, что если стражники не уберутся, то они разгромят все помещичье имение. Но все эти акты недовольства проявлялись стихийно.

Из-за удаленности революционные идеи сюда проникали с опозданием.

Захолустными были не только села уезда, но и сам Бугуруслан. Ведь рос и развивался он медленно. За тринадцать лет к 1910 году население выросло всего до 14944 жителей, то есть лишь на 2735 человек. Город не отличался благоустройством. Только в 1911 году началось строительство водопровода. Подрядились выполнить эту работу специалисты общества механических заводов братьев Бромлей. В пойме реки Тарханки прорубили три скважины на глубину 25–27 метров. Отсюда вода подавалась насосами в огромные четырнадцатиметровые в поперечнике железобетонные резервуары, а из них расходилась по водоразборным будкам. Таких будок было устроено девять, все они стояли на центральных улицах города.

Водопровод был сравнительно небольшой мощности, всего до 50 тысяч ведер в день, то есть на одного жителя приходилось примерно два ведра. Но из-за того, что будки стояли только в центре, водой обеспечивалась лишь половина горожан.

2 июня 1912 года городской водопровод вступил в строй. Воду выдавали по специально изготовленным маркам, которые продавались в управе.

Когда сооружение хозяйственно-противопожарного водопровода было завершено, инженер «Бромлея» предложил городской думе построить в Бугуруслане электростанцию. Было найдено оригинальное решение — использовать два двигателя водопроводной станции общей мощностью 75 лошадиных сил для выработки электроэнергии в вечернее время — 2–3 часа весной и осенью и до 5 часов в зимнюю пору.

В 1913 году на Соборной и Базарной площадях, на главных улицах Дворянской и Соборной (ныне Коммунистическая и Революционная) вспыхнули первые электролампочки. На других улицах привычно горели редкие керосиновые фонари. Много лет единственным в городе фонарщиком был Петр Николаев.

В годы первой мировой войны более половины мужчин в Бугурусланском уезде были мобилизованы в действующую армию. Стали закрываться предприятия. Резко сократились посевные площади. У лавок с рассвета выстраивались очереди — не хватало соли, керосина, мыла, тканей, колесной мази и других товаров, все труднее становилось с продовольствием. Так, в тревогах и лишениях шло время.

Когда 22 февраля 1917 года на Бугурусланском телеграфе приняли депешу из Петрограда с потрясающим сообщением о свержении царя, городская дума попыталась скрыть эту весть от народа. Но радостное известие дошло до бугурусланцев. Уже той же ночью в 169-м запасном полку, который дислоцировался в барачном военном городке за речкой Тарханкой, образовался гарнизонный комитет.

Спустя несколько дней в городе, на собрании кадетов и эсеров, был создан «комитет народной власти». Что он собой представлял? Об этом очень красноречиво говорит состав этого «народного» комитета — хозяин мельниц Клементьев, помещик Пополутов, издатель газеты «Бугурусланская жизнь» кадет Руцков и им подобные.

Очень скоро рабочие и солдаты раскусили, кого защищает «народная власть». Революция встряхнула весь город. Он бурлит, митингует, внимательно прислушивается к голосу большевиков — политических ссыльных и вернувшихся в город фронтовиков.

После одного из таких митингов рабочие и солдаты направились к тюрьме, решительно потребовали немедленно освободить политических заключенных. Городские власти были вынуждены выполнить это требование. Вчерашние узники царизма пополнили ряды борцов.

Вышли из тюрем большевики и в других городах, стали возвращаться из сибирских мест политические ссыльные. Многие из них нуждались в неотложной врачебной помощи. Весной 1917 года в Бугуруслане на Карповской горе открылась кумысолечебница, куда приехали революционеры, освобожденные из царских тюрем и поселений. Лечение не помешало им сразу активно включиться в общественную жизнь, в революционную работу.

7(20) мая в Бугуруслане, в доме № 73, по улице Московской, собрались рабочие городских предприятий. На собрание приехал представитель губернского Совета большевик С. М. Белов. В тот же день был создан городской Совет рабочих депутатов. В него вошли Девять рабочих. Через день в 169-м полку был избран Совет солдатских депутатов. Оба Совета тут же объединились в единый Бугуруслане кий городской Совет рабочих и солдатских депутатов. 24 июня (7 июля) 1917 года в кумысолечебнице прошло собрание инициативной группы большевиков, состоявшей из десяти человек. Среди них были: Ольга Рафаиловна Остроухова, Карл Иосифович Рицберг, Екатерина Афанасьевна Рицберг-Афанасьева, Семен Васильевич Рытвинский, Виктор Иванович Изосимов, Эдуард Генрихович Цебер, Григорий Иванович Киркоп, Рейнгольд Самуилович Гофман, Владимир Иванович Шишлин, Антон Елисеевич Гулюткин. Как говорится в протоколе № 1, «постановлено: организовать Бугурусланский комитет РСДРП». В него вошли — врач Бугурусланского военного гарнизона Карл Иосифович Рицберг, член Петроградского комитета РСДРП Семен Васильевич Рытвинский и Виктор Иванович Изосимов.

По заданию комитета С. В. Рытвинский опубликовал в «Приволжской правде» сообщение о создании Бугуруслане кого комитета.

В протоколе № 2 от 29 июня (12 июля) записано: «Тов. Рицбергу поручено исполнять обязанности председателя, казначея и секретаря Бугурусланекой организации».

Большевистская организация выдвинула двух делегатов в Совет рабочих и солдатских депутатов. Был обсужден также вопрос о перевыборах городской думы.

1 (14) июля Бугурусланская партийная организация была утверждена Самарским губкомом РСДРП (б).

В начале июля на лечение в Бугуруслан приехал секретарь Самарского губкома партии Валерьян Владимирович Куйбышев. Несмотря «на болезненное состояние», как он сам писал, Куйбышев направлял деятельность бугурусланских большевиков, помогал им организовать агитационную работу среди населения города и уезда.

«Простота и задушевность в отношениях с людьми, а в то же время строгая принципиальность являлись его отличительными чертами», — так писал о Куйбышеве один из руководителей бугурусланских большевиков Леонид Дмитриевич Сокольский."

Валерьян Владимирович Куйбышев участвовал в собрании бугурусланских большевиков, которое состоялось 5 (18) июля в кумысолечебнице. Обсуждались вопросы об отношении к Временному правительству, к местному Совету, в котором в большинстве оказались меньшевики и эсеры, о приеме в партию рабочих бугурусланских предприятий. Куйбышев практически руководит заседанием Бугурусланского комитета РСДРП(б) 10 (23 июля).

Валерьян Владимирович пробыл в Бугуруслане всего две недели. В связи с усложнившейся обстановкой в Самаре, не завершив курс лечения, В. В. Куйбышев уехал. Но из Самары он внимательно следил за тем, как развиваются события в Бугуруслане, активно помогал молодой партийной организации. По его указанию в город направлялись экземпляры каждого номера «Приволжской правды».

Партийная организация была еще малочисленной, основное ядро в ней составляли большевики, поправлявшие свое здоровье в кумысолечебнице. Чтобы укрепить свои позиции, решили объединиться с революционным крылом меньшевиков — группой интернационалистов. Посоветовались с Куйбышевым.

— Дело хорошее, — ответил Валерьян Владимирович. — Но при одном условии — объединяться только на большевистской платформе. И смелее вовлекайте в партию сознательных рабочих.

Такое объединение было проведено на собрании 28 июля (10 августа) 1917 года. Организации дали такое название: «Бугурусданский комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии объединенных интернационалистов». В этом собрании впервые принял участие приехавший на лечение большевик Леонид Дмитриевич Сокольский. Вскоре он стал руководителем Бугурусланского партийного комитета.

30 августа (12 сентября) Л. Д. Сокольский выступил на общем собрании большевиков с докладом о программе и уставе партии. Устав был принят большинством голосов. На собрании избрали Бугурусланский партийный комитет. Его председателем стал Леонид Дмитриевич Сокольский. По просьбе товарищей он рассказал о себе.

— Родился в 1890 году в Тверской губернии, учился в духовной семинарии. Тогда же вступил в революционное движение. Потом работал учителем в земской школе в деревне. В 1912 году поступил в Московский коммерческий институт. Дважды арестовывали. В 1916 году сослан в Тургайскую губернию, затем перевели в Актюбинск. Там в дни февральской революции был назначен начальником милиции. Оттуда послали на лечение в Бугуруслан.

Секретарем комитета избрали Е. А. Татаринцева, казначеем Т. Г. Пина, членами С. Н. Матвеева и Н. Ф. Лапина. С этого дня в названии Бугурусланского комитета РСДРП внесено существенное дополнение — «большевиков». В те дни активную работу в партийной организации вели также В. А. Пупко, С. К. Левенец, А. Я. Квашнев, И. Г. Самойлов, А. В. Розанов, П. П. Котминов и другие большевики. В Бугурусланском филиале областного государственного архива хранятся документы тех лет. Среди них «Краткие очерки первых четырех лет революции в Бугурусланском округе (1917–1920 гг.)».Очерки написаны Б. Тальжэвым, редактировал их И. Поздяев. Брошюра издана в 1929 году в Бугуруслане.

Многое можно почерпнуть из воспоминаний Л. Д. Сокольского, которые он прислал в 1967 году к 50-летию городской партийной организации:

«Доверие к большевикам пришло не сразу и не самотеком. Его нужно было завоевать напряженной партийной работой, — пишет Сокольский. — Мне было совершенно ясно, что для успеха дела требовалось выйти из узкого круга наличных членов партии, сделать организацию массовой. Мы использовали все способы агитационной работы и пропаганды большевистских идей... Неустанно разъясняли программу и политику большевиков, открыто разоблачали перед

массами эсеров. При выборах в уездное земство и перевыборах Совета митинги у солдатских казарм длились три дня, следовательно, столько же продолжалась дискуссия между большевиками и эсерами. Большевистское слово доходило до сознания трудящихся. Повысилась активность в Совете. Рабочие стали вступать в ряды нашей партии. Для рабочего в те годы, чтобы подать заявление с просьбой о приеме в партию, требовалось многое преодолеть». Большая работа, которую вели коммунисты среди рабочих мельниц, других предприятий, пожарного депо, в солдатских казармах, дала свои плоды. За два с половиной месяца после 30 августа 1917 года партийная организация увеличилась на 86 человек. Большевики энергично включились в работу по подготовке первого уездного съезда Советов, учитывая уроки состоявшегося в июле крестьянского съезда, на котором большинство пошло за эсерами.

11(24) августа в Бугуруслане открылся первый уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Тут собрались представители всех 26 волостей. Заседания съезда проходили при активном участии большевиков, которые разъясняли программу партии, разоблачали политику Временного правительства, настаивали на переходе всей власти в руки Советов (в то время в Бугуруслане еще правили городская дума, подчинявшаяся Временному правительству, и земская управа). Съезд избрал уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в котором главенствующее положение заняли большевики и сочувствующие им. Была принята очень важная резолюция о передаче всей власти в Бугуруслане и уезде в руки Советов.

«На 24 октября 1917 года было назначено собрание военной партийной организации в расквартированном в городе полку, — писал в своих воспоминаниях Л. Д. Сокольский. — А на другой день пришло телеграфное сообщение из Самары о свержении Временного правительства.

27 октября (9 ноября) было созвано заседание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов совместно с полковым комитетом, представителями от всех рот 169-го полка и профессиональных организаций. По предложению большевиков, приняли резолюцию о взятии в городе всей полноты власти в руки Советов и о признании только Советского правительства, образованного в Петрограде. Был образован революционный комитет».

Кстати, среди тех, кто штурмовал последний оплот буржуазии — Зимний дворец, были и бугурусланцы Николай Ардинцев и Петр Николаев.

Как и во многих других местах, в Бугуруслане Октябрьская революция победила бескровно, мирным путем.

Был избран ревком во главе с Леонидом Дмитриевичем Сокольским. Революционный комитет направил комиссаров в воинские части, на почту, телеграф, в железнодорожные конторы. Ревком размещался в центре города, на улице Московской, в красивом двухэтажном особняке (сейчас здесь находится городской Совет народных депутатов, а о событиях первых лет революции напоминает установленная у входа мемориальная доска).

Началась большая работа по организации Советской власти в городе и уезде. Нелегко налаживалась новая жизнь. Промышленники, купцы, кулачье яростно выступали против Советской власти. Уездный Совет национализировал и организовывал нормальную работу предприятий, создавал школы, клубы, библиотеки.

Сохранился любопытный документ — постановление ревкома, в котором предлагалось изъять с толкучки все книги, продающиеся на раскурку». Эти книги передавались в библиотеки.

В воскресенье 3(16) декабря в Бугуруслане вышел первый номер газеты «Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Опубликовано обращение Бугуруслане кого ревкома к населению города и уезда с призывом сохранять спокойствие, всячески поддерживать народную власть.

Одно из первых сообщений: «Волею трудового народа и властью Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Бугуруслане организован Революционный Суд, который будет в корне пресекать поступки, губящие завоевания революции».

Опубликован список важнейших городов, в которых власть находится в руках Советов. Оренбурга в этом списке нет — он еще под игом дутовцев.

Газета не раз меняла название. После «Известий...» уже в последние дни 1917 года — «Крестьянин, рабочий и солдат». Выходила она небольшим тиражом — всего 280 экземпляров. До августа 1918 года ее редактором был учитель Никита Матвеевич Точилкин, было ему тогда 32 года; в августе 1918 года он был назначен начальником политотдела 25-й дивизии. В 1918 году

газета переименована в «Луч коммуны», в октябре 1925-го — «Пахарь», затем — «Заветы Ленина», «Колхозная правда» и, наконец, «Бугурусланская правда». Менялись названия, но суть была одна. Газета всегда оставалась верной помощницей партии.

В первые дни 1918 года уездный исполнительный комитет принял целый ряд решений, направленных на укрепление Советской власти — об обложении прогрессивным налогом буржуазии, о передаче бывших помещичьих экономии безземельным крестьянам, о трудоустройстве безработных, о национализации банков, в том числе самого крупного Русского промышленно-торгового на Соборной улице. Все это вызвало лютую ненависть у врагов Советской власти. Они группировались вокруг церквей (а их было восемь) и женского монастыря.

Игуменья монастыря Серафима принимала на хранение от богатых горожан ценности. Тут тайком составляли списки наиболее активных большевиков, всех, кто поддерживал Советскую власть. Потом эти списки были переданы белогвардейской контрразведке.

Тяжелым для бугурусланских большевиков был зимний день 20 февраля 1918 года. В церкви на Соборной площади священник Сухов выступил с проповедью, насыщенной грязной клеветой на Советскую власть. В полном, сверкающем золотом облачении вышел он на базарную площадь и, захлебываясь от ненависти, стал призывать к немедленному разгрому советских учреждений. Купцы из базарных лавок тут же бесплатно угощали всех желающих водкой и спиртом. Науськиваемая Суховым пьяная толпа ринулась к зданию, в котором размещались ревком и уездный исполнительный комитет.

В здании ревкома находились всего несколько человек во главе с Л. Д. Сокольским и А. В. Рязановым. Ценой огромных усилий им удалось остановить толпу. Сокольский вышел на балкон и, увернувшись от брошенной кем-то палки, крикнул:

— Вы можете меня убить, но Советскую власть не убьете. Что она дает народу? Землю, мир, равные права всем гражданам. А те, кто послал вас сюда, хотят вернуть царя, помещиков, а вас и ваших сынов погнать на войну... Вы этого хотите?

— Бейте их, господа! — заорал кто-то в толпе, передние бросились к зданию. Тогда распахнулись окна на первом этаже — навстречу хулиганам выдвинулись тупые рыльца пулеметов. Отрезвление наступило сразу. Толпа притихла, а потом стала расползаться. Зачинщики еще побесновались издали, поорали и тоже разбрелись.

27 февраля на заседании уездного Совета были одобрены мероприятия по укреплению власти и порядка в городе и уезде. Уездный Совет назначил народных комиссаров: земледелия — А. В. Рязанова, продовольствия — А. Ф. Микульского, внутренних дел — Л. Д. Сокольского, финансов — В. И. Шишлина, по военным делам — А. С. Каспия и других.

Люди жадно тянулись к культуре, к знаниям, к свету. В городе и селах создавались народные дома, избы-читальни. В Государственном архиве Оренбургской области сохранился очень интересный документ — постановление коллегии Бугурусланского уездного отдела народного образования от 21 марта 1919 года. В ответ на слезную просьбу крестьян коллегия постановила: «Разрешить открыть народный дом в доме Аксакова при условии, чтобы никаких капитальных ремонтов в нем не производилось, так как дом Аксакова является исторической ценностью». Тогда это понимали.

Полыхала гражданская война

В конце мая в Бугуруслане открылся уездный рабоче-крестьянский съезд, на котором обсуждались вопросы, поставленные Владимиром Ильичем Лениным в знаменитой работе «Очередные задачи Советской власти».

Особенно острая дискуссия развернулась по вопросу о Брестском мире. Вопреки эсеровским требованиям «священной войны с Германией», съезд принял резолюцию, в которой одобрялась политика Советского правительства.

24 мая съезд уже заканчивал работу, когда Сокольскому принесли телеграмму от Куйбышева. Те, кто был рядом, обратили внимание, как сразу стало суровым лицо Сокольского. Он потребовал внимания и в наступившей тишине прочитал телеграмму губревкома и губкома партии о мятеже чехословацкого корпуса и о необходимости принять все меры к защите революции.

Было созвано экстренное совместное заседание уездного комитета партии, уездного исполкома, представителей волостных организаций. Обсуждался один вопрос — о борьбе с

белочехами. В срочном порядке сформировали коммунистический отряд, выдали оружие рабочим, стали обучать тех, кто не умел им пользоваться.

3 июня на улицах города были расклеены листовки с приказом Бугуруслане кого военно-революционного штаба, согласно которому Бугуруслан и деревни Александровка, Благодаровка, Михайловка объявлялись на военном положении. Был введен комендантский час, закрыты увеселительные заведения, запрещены демонстрации и митинги. Население предупреждалось о том, что выступления против Советской власти ведут к расстрелу на месте. Тюремным заключением на срок до двух лет каралось винокурение, варение и продажа самогона.

Малочисленные, плохо вооруженные рабочие отряды не могли противостоять прекрасно экипированным частям чехословацкого корпуса. 18 июня красногвардейские отряды вынуждены были оставить Бугуруслан. На другой день в город ворвались белочехи. Более четырех месяцев — сто двадцать шесть дней — хозяйничали они в Бугуруслане и селах уезда. Это была пора арестов, расстрелов, грабежей и других бесчинств.

По двум направлениям уходили из города красные бойцы. Отряд Л. Д. Сокольского отходил по железной дороге в сторону Уфы. Другой отряд, которым командовал Але ев, с золотым запасом банка — двумя миллионами рублей — отступал к Бугульме.

В конце июня пришло в Бугуруслан скорбное сообщение — отступивший из города красногвардейский отряд у села Рычково вступил в бой с белочехами, и многие бугурусланцы погибли в жестокой схватке. Метко били по врагу пулеметы, установленные на балконе дома спиртзаводчика Рычкова, прицельный огонь вели красногвардейцы. Но силы были слишком неравными. Многие бугурусланцы погибли.

На их братской могиле в Ленинском саду Бугурусдана установлен обелиск, на котором волнующая надпись: «Ради счастья народа и грядущих поколений отдали герои революции свою яркую жизнь. Счастливые потомки приносят им свою благодарность».

Навсегда сохранились их имена: Сергей Иванович Карпов, Петр Владимирович Полев, Николай Александрович Радаев, Анатолий Карпович Соловьев, Владимир Петрович Семенов, Николай Александрович Тимофеев, Степан Терентьевич Яковлев, Соломон Семенович Эндин, Иван Федорович Малолеткин, Ахмет Валеевич Валеев, Петр Кабанков, Храмцов.

Только глубокой осенью в ночь с 22 на 23 октября 1918 года легендарная 24-я Железная дивизия под командованием Гая Дмитриевича Гая принесла бугурусланцам освобождение. Первыми ворвались в город бойцы третьей бригады. Особенно отличился 1-й Симбирский полк, который вел в бой комиссар Николай Кирюшкин. Вместе с бойцами Железной в город вошли полки Инзенской дивизии, которая обошла Бугуруслан с севера. В первых рядах наступающих бойцов шли начдив Ян Лацис и комиссар Генрих Звейнек. Обоим было всего лишь по 20 лет. Но они сумели в короткий срок из разрозненных отрядов сплотить «воистину доблестную», как отмечал В. В. Куйбышев, Инзенскую дивизию, которая с честью пронесла свои боевые знамена по многим фронтам. За личную храбрость в боях за Бугуруслан Реввоенсовет Восточного фронта наградил Лациса и Звейнека почетным революционным оружием. В первый день освобождения Бугуруслана, рано утром, из городской тюрьмы вышли 140 политических заключенных. Многие из них пополнили ряды полков Железной и Инзенской дивизий. Других направили в Советы строить новую жизнь. Сразу же после освобождения города развернулась работа по восстановлению партийной организации, органов Советской власти. 25 октября коммунисты Бугуруслана пришли на общее партийное собрание. Присутствовало 23 человека. Был заслушан доклад о текущем моменте, намечены срочные меры по возрождению партийных и советских органов.

В те дни в особняке купца Сурошникова, построенного с претензией на оригинальность, на улице Московской, 39 размещался штаб 24-й дивизии и жил ее командир — герой гражданской войны Г. Д. Гай. За бои на Восточном фронте, в том числе и за Бугуруслан, он был награжден орденом Красного Знамени. Именем Гая теперь названа одна из центральных улиц города (бывшая Монастырская).

После гражданской войны довелось Г. Д. Гаю командовать 7-й Самарской имени английского пролетариата дивизией. В этой дивизии были Бугурусланский и Бузулукский полки. Гаю понравился молодой командир эскадрона 40-го Бугурусланского полка Георгий Жуков. Отметив его успехи, комдив выдвинул Жукова на должность помощника командира, а затем и командира 39-го Бузулукского полка. Потом прославленный полководец, Маршал Советского

Союза Георгий Константинович Жуков благодарно вспоминал годы службы под началом героя гражданской войны Г. Д. Гая.

Наступавшая с непрерывными боями от Сызрани Инзенская дивизия была оставлена в городе для кратковременного отдыха. Начдив Ян Лацис стал первым комендантом Бугуруслана.

Вместе с местными коммунистами Генрих Звейнек и его соратники-политотдельцы воссоздавали в селах Бугурусланского уезда Советы и комитеты бедноты. Начались занятия в дивизионных курсах ликбеза.

Приближалась первая годовщина Октябрьской революции.

— Отметим пролетарский праздник военным парадом, — предложил Звейнек Лацису.

7 ноября тысячи бугурусланцев собрались на Соборной площади и прилегающих улицах. Грянул оркестр, и по площади прошли один за другим закаленные в боях полки Инзенской дивизии. И никого не смущало, что бойцы были разномастно одеты, что еще многие маршировали в лаптях. Надолго запомнился бугурусланцам этот первый в истории города красноармейский парад. Очень сожалел Генрих Звейнек, что ему не пришлось принимать этот торжественный марш дивизии вместе с начдивом. Избранный делегатом VI Всероссийского съезда Советов, он перед самым праздником уехал в Москву.

... Недалеко от Мавзолея В. И. Ленина, у Кремлевской стены, на красном граните у братской могшим высечены имена героев, отдавших свои жизни в боях за Советскую власть. Среди них и имя похороненного здесь комиссара Инзенской дивизии, героя боев за Бугуруслан Генриха Звейнека, погибшего на Южном фронте, под Луганском.

Засучив рукава бугурусланцы взялись восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Работать приходилось не выпуская из рук винтовок.

8 ноябре была образована Бугурусланская уездная Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Возглавил ЧК местный большевик, член партии с июля 1917 года Павел Петрович Котминов. Он был одним из организаторов рабочих отрядов для борьбы против чехословацких мятежников. Когда Бугуруслан пришлось оставить, Котминов работал под руководством М. Я. Лациса в Чрезвычайной комиссии Восточного фронта.

В дни наступления по поручению укома партии он организовал коммунистический отряд, который влился р 5-ю армию Восточного фронта. Был членом военного трибунала армии. Потом, в ноябре 1919 года, снова вернулся в Бугуруслан и работал в ЧК до мая 1922 года. Павел Петрович Котминов возглавлял отряды чекистов, которые участвовали в разгроме кулацкого восстания, вспыхнувшего в начале 1920 года, а затем в ликвидации банды Нюнякина, которая бесчинствовала в мае-июне 1921 года.

В один из весенних дней 1919 года на улицах города появились объявления: «Бугурусланский исполнительный комитет доводит до сведения учреждений города и уезда и всех граждан, что сего 18 марта образован уездный военно-революционный комитет в составе 5 человек: Гофмана, Легашова, Микульского, Розанова и Шишлина. Военно-революционному комитету в связи с контрреволюционными восстаниями в некоторых волостях уезда предоставляются самые широкие полномочия, вплоть до расстрела на месте».

К середине апреля Бугуруслан снова стал прифронтовым городом. На запад, к Волге, рвались полчища белого адмирала Колчака. С трудом сдерживая натиск значительно превосходящих сил противника, отходили обескровленные в боях красные полки.

Еще 14 марта колчаковцы захватили Уфу. В Бугуруслан был эвакуирован Уфимский губернский комитет РКП (б). По заданию Центрального Комитета партии ответственным работникам губкома было поручено совместно с местными партийными органами заняться подбором коммунистов для политической работы в армии и в специальных отделах войсковой разведки. Как рассказывал мне старый чапаевец Илья Андреевич Белоусов, выбор пал на Андрея Золотухина, Глеба Евлампиева, Ивана Поливина и других. Илье Белоусову еще не исполнилось 24 лет, а он уже успел поработать в подполье, был схвачен белой контрразведкой, двадцать дней просидел в одиночке в ожидании казни, но был спасен конной разведкой 5-й армии. Все товарищи, отобранные губкомом, были командированы в Самару. Там с каждым из них беседовали Валерьян Владимирович Куйбышев и Михаил Васильевич Фрунзе. Илью Белоусова направили в 25-ю дивизию Чапаева. Он прошел с ней большой боевой путь как ответственный сотрудник разведотдела Туркестанской армии.

Несмотря на принимаемые меры, остановить наступление колчаковских войск не

удавалось. 7 апреля Западная армия генерала Ханжина захватила Белебей, 10 — Бугульму.

Обстановка становилась угрожающей. 12 апреля в московских газетах были опубликованы написанные В. И. Лениным «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта». Тезисы начинались словами: «Победы Колчака на Восточном фронте создают грозную опасность для Советской Республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака».

Опасаясь за судьбу Бугуруслана, М. В. Фрунзе направляет на помощь полкам 26-й дивизии Самарский рабочий полк в составе 700 штыков со взводом артиллерии, а затем 74-ю бригаду дивизии Чапаева в составе трех с половиной тысяч штыков, артиллерийского дивизиона и саперной роты. В составе бригады были хорошо показавшие себя в боях Иваново-Вознесенский и Интернациональный батальоны. «Крайне важно, чтобы до их прибытия Бугуруслан нами удерживался», — такое распоряжение дал М. В. Фрунзе командарму 5-й Михаилу Николаевичу Тухачевскому.

14 апреля состоялся разговор по прямому проводу между Фрунзе и Тухачевским о судьбе Бугуруслана. Тухачевский выразил сомнение в том, что из-за распутицы резервы не успеют подойти, а без них удержать Бугуруслан будет трудно.

Для поддержки войск, оборонявших Бугуруслан, намечалось нанести удар с юга, от Бузулука, силами 73-й бригады 25-й дивизии (комбриг Иван Кутяков). Но осуществить все это не удалось. Не устояв до подхода подкреплений, наши части 15 апреля оставили Бугуруслан.

Захватчики рассчитывали, что они пришли в эти края навсегда. Сразу же было объявлено, что «все собственники восстанавливаются в правах владения». Чуть ли не на другой же день на городских улицах были расклеены приказы военного коменданта. Он потребовал в день пасхи вывесить на домах трехцветные флаги царской России. Квартальным старостам предписывалось немедленно снять таблички с названиями улиц, переименованных при Советской власти, и восстановить старые названия, при этом особе» подчеркивалось, что фон на табличках ни в коем случае не должен быть красным.

Партия подняла народ на разгром Колчака. По партийным и .комсомольским мобилизациям на Восточный фронт в срочном порядке направлялись тысячи бойцов.

Многие бугурусаанцы сражались в те дни за Советскую власть. Среди добровольцев были Николай Шигаев, Григорий Первое, Петр Кораблев, Сергей Селиванов, Алексей Сидоров, Кузьма Пушкарев, Яков Панов, Николай Ардынцев, Александр Зайцев и многие другие. Из молодежи Бугуруслана тод руководством фронтовиков 5были сформированы две эоты. После митинга в Гоголевской аудитории они строем отправились на станцию. Там в одном из железнодорожных пакгаузов им выдали винтовки, патроны, шинели. Молодые бугурусланцы злились в состав 232-го полка 26-й дивизии.

На флангах Восточного фронта были созданы две ударные, усиленные за счет резервов группы: Северная — под командованием Василия Ивановича Шорина и Южная (в ее состав вошли 1-я, 4-я, 5-я и Туркестанская армии) — под командованием Михаила Васильевича Фрунзе.

С невероятным напряжением работал в эти дни дислоцировавшийся в Самаре штаб Южной группы войск Восточного фронта. Тут под руководством М. В. Фрунзе разработали план контрнаступления, которое должно было завершиться полным разгромом Колчака. По замыслу командующего М. В. Фрунзе главный удар по врагу должен наноситься через Бугуруслан, Белебей, на Уфу. Для наступления на левый фланг белогвардейцев создавалась ударная группа. На главное направление выводились 25-я и 31-я дивизии (начдивы В. И. Чапаев и А. Д. Малявинский). Одновременно планировался фронтальный контрудар 26-й и 27-й дивизий (начдивы Г. Х. Эйхе и А. В. Павлов) на Бугульму и Бугуруслан. 24-й дивизии (начдив В. И. Павловский) предстояло наступать из района Шарлыка на северо-восток в направлении на Уфу.

Михаил Васильевич Фрунзе удачно рассчитал время начала контрнаступления. Белогвардейские части устали от длительного наступления в условиях весенней распутицы, командование почти полностью исчерпало свои резервы. Западная армия растянулась на 450 километров. Тылы оторвались от войск, нарушилось снабжение. К тому же был сильно подорван моральный дух белых полков. Учитывая все эти обстоятельства, командующий Южной группой наметил нанести контрудар по врагу в конце апреля 1919 года.

А 18 апреля произошло событие, которое завершилось награждением 12 чапаевских разведчиков орденами Красного Знамени. Вечером в 18 часов 30 минут разведчики 218-го Разинского полка захватили в селе Карамзиха (сейчас Преображенка) трех колчаковских вестовых

с двумя секретными боевыми приказами по седьмой Уральской дивизии горных стрелков. Их немедленно доставили Чапаеву. Как явствовало из этих документов, между третьим и шестым корпусами белых образовался разрыв в 50 верст, нарушилась связь между ними. На обороте были перечислены все части, которым направлялись бумаги. Чапаев тут же глубокой ночью передал содержание приказов Фрунзе.

Утром следующего дня с учетом полученных сведений о противнике Фрунзе уточнил план Бугурусланской операции, отдал приказ по Южной группе войск, согласно которому наступающие красные полки должны были овладеть районом Бугуруслана, разгромить находящуюся тут группировку противника и отбросить ее к северу, отрезав сообщение с Белебеем. Контрудар был назначен на 28 апреля 1919 года.

В этот весенний день, на рассвете, во всю ширь развернулась Бугурусланская операция, которая положила начало полному разгрому Колчака, вошла золотой строкой в историю гражданской войны.

Дивизия Чапаева наступала на правом заходящем фланге, охватывая Бугуруслан с востока. 30 апреля были взяты Пилюгино и Куроедово. Потом комиссар 25-й дивизии Дмитрий Андреевич Фурманов в своем романе «Чапаев» одну из глав назвал «В Бугуруслан». Составной частью в эту главу вошел очерк «Пилюгинский бой».

Весенняя распутица развезла дороги, они стали труднопроходимыми. Реки и речушки разлились, широко раздвинули берега. Тяжело было организовывать снабжение наступающих бригад. Противник оказывал ожесточенное сопротивление.

Еще в самом начале наступления Чапаев распорядился конфисковать у населения бочки любого размера. На подступах к полноводному в эти дни Большому Кинелю саперы делали настил, готовили «понтоны», вязали плоты, конопатили лодки. Ночью удалось скрытно навести переправы. Пока противник спохватился, основные силы 73-й бригады, а затем и 74-й и 75-й были уже на северном берегу, развивали наступление, взяли Нижнее и Верхнее Заглядино, Асекеево. Чапаевцы перерезали железную дорогу Бугуруслан — Уфа и тракт Бугуруслан — Бугульма, двинулись на Русский Кандыз, на Бугульму.

Но положение дивизии значительно осложнилось, когда в начале мая к белым перебежал командир 74-й бригады Авалов, знавший не только оперативную обстановку, но и планы дальнейшего наступления. Пришлось срочно их корректировать. Узнав о замыслах красного командования, противник сумел перегруппировать свои силы и нанести контрудар на рубеже реки Сок. В жестоких боях 25-я и 26-я дивизии отразили атаки колчаковцев, но им удалось избежать окружения и увести остатки третьего корпуса за реку Ик.

Остановив наступление противника, после небольшой передышки полки 1-й и 3-й бригад 26-й дивизии (начдив Генрих Христофорович (Эйхе) пошли вперед и освободили Похвистнево. 30 апреля они выбили белых со станции Бугуруслан. Утром 1 мая 3-я бригада вышла на ближние подступы к Бугуруслану.

Белые укрепили господствующие над поймой Кинеля Михайловские и Валентинов ские высоты. На их гребне были установлены вражеские батареи. Пулеметы били из окон стоявшего на взгорье дома Шувалова.

Первым подошел к берегу Кинеля у деревни Савруш 234-й полк. Форсировав реку с ходу, группа красноармейцев — их было около сорока — захватила плацдарм, пыталась наступать дальше, но встреченная плотным огнем понесла большие потери. Колчаковцы окружили наших бойцов. Красноармейцы сражались до последнего патрона, предпочли умереть, но не сдаться в плен.

Эйхе приказал комбригу Гаврилову прекратить атаки, которые ведут к бессмысленным потерям. После анализа боевой обстановки начдив привлек к наступлению на Бугуруслан и 1-ю бригаду. К тому времени к городу подошли части 27-й дивизии. На ближние подступы к Бугуруслану были выдвинуты два бронепоезда и еще три батареи.

На рассвете, в пять часов, третьего мая началась артиллерийская подготовка. Под прикрытием орудийного огня 234-й и 238-й полки 27-й дивизии форсировали Кинель, захватили и стали расширять плацдарм. Весь день тут не прекращался бой. Колчаковцы пытались сбросить десант в холодные воды Кинеля, но наши полки цепко держались на занятом рубеже.

В это же время 1-я бригада захватила деревню Никольскую. С особым упорством дрались тут 232-й и 233-й полки. Наступая на Бугуруслан с юго-востока, они угрожали отрезать 7-й

дивизии белых путь к отступлению. А еще дальше к востоку обходили Бугуруслан чапаевские полки.

Утром 4 мая первыми ворвались на улицы Бугуруслана красноармейцы 233-го полка, которым командовал Ф. В. Васильев. При огневой поддержке артиллеристов они под обстрелом противника переправились через Кинель и сразу бросились в атаку. Васильев был ранен, но не покинул своих бойцов. К середине дня Бугуруслан удалось полностью очистить от белогвардейцев, поспешно отступавших по направлению к Бугульме.

«Как и большинство городов, — не только в этих боях, но и вообще за всю гражданскую войну,-- Бугуруслан бью взят обходным движением, — писал в романе «Чапаев» Дмитрий Фурманов, — На улицах больших городов бои случались редко. Главный бой, последний и решающий, обычно разгорался непосредственно на городских подступах; и когда он, бой этот, был неудачен для обороняющихся, неудачник обычно уходил, оставляя самый город без боя б руки победителю. Так было и с Бугурусланом».

За боевые заслуги в сражении за Бугуруслан Реввоенсовет Республики наградил командира 233-го полка Ф. В. Васильева орденом Красного Знамени. Командир 232-го полка И. В. Заикин и командир 234-го полка Н. Н. Рахманов были награждены золотыми часами с гравировкой: «Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Позднее орденами Красного Знамени были награждены М. 8. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, начдивы 3. И. Чапаев, Г. Х. Эйхе, А. В. Павлов, комбриг 73-й И. С. Кутяков и многие другие командиры и красноармейцы.

От Бугуруслана красные полки пошли на Белебей, Абдулино и Уфу. Зои шли жестокие. «Отдавши Бугуруслан, неприятель все еще не хотел поверить, что вместе с этим городом он потерял и свою инициативу, что конец пришел его победоносному шествию, что теперь его будут гнать, а он — обороняться, отступать. Напрягся он силами, встретил крепкими ударами натиск красных полков. Но уже поздно, — могучий дух уверенности в победе отлетел от белых армий, примчался к красноармейцам, дал им бодрость, заразил их той неутомимостью и отвагой, которые живы только при уверенности в победе», — так писал о событиях тех дней Д. А. Фурманов.

В итоге ожесточенных боев под Бугурусланом и Бугульмой 3-й Уральский корпус генерала Голицына был разгромлен.

Не угаснет, не увянет
Слава этих дней —
Белый бит в Бугуруслане,
Помнит Белебей, —

поется в старой боевой песне.

10 мая 1919 года Михаил Васильевич Фрунзе и член Реввоенсовета Валерьян Владимирович Куйбышев приехали на фронт в 25-ю стрелковую дивизию. Как они оценили действия чапаевцев, видно из приказа начдива, подписанного в этот же день поздно вечером, в 23 часа 15 минут:

«Командюжгруппы т. Фрунзе, прибыв лично 10 мая в район боевых действий 25-й дивизии, полки которой вновь нанесли страшное поражение врагу, целиком разгромив всю Ижевскую бригаду противника и пленив свыше 1500 человек. Поздравляя войска дивизии с победой, командующий благодарит именем рабоче-крестьянской России всех товарищей красноармейцев, всех командиров и комиссаров.

На полях Бугуруслана, Кандыза и Бугульмы ныне решается участь Колчака, а с ним и всей контрреволюции. Еще одно небольшое усилие полков 25-й дивизии — и враг будет окончательно сломлен».

Позднее в одной из статей о М. Ф. Фрунзе говорилось так: «Дальнейшие события показали, чего стоил бугурусланский удар. Колчак посыпался по всему фронту, и в дальнейшем борьба с Колчаком уже явилась пожинанием лавров бугурусланской победы».

В дни боев за Бугуруслан произошло событие, о котором сообщали и местные, и центральные газеты, о котором знал Реввоенсовет Республики и лично Владимир Ильич Ленин.

...В день пролетарского праздника — 1 мая 1919 года полк подняли по тревоге: дозорные сообщили, что от села Кузькино в сторону Бугуруслана движется какая-то белогвардейская часть. Об этом доложили в штаб Оренбургской кавалерийской бригады, и в четырнадцатый полк

прискакал комбриг Иван Каширин.

Бойцы залегли, готовясь встретить врага огнем. На фланги выдвинулись пулеметчики.

Выбрав позицию поудобнее, Каширин наблюдал за пылящей по большаку, растянувшейся чуть ли ни на целую версту, колонной, замыкала которую батарея. Вдруг комбриг чертыхнулся и передал бинокль комиссару полка.

— Глянь-ка, комиссар, что-то я ничего не пойму...

Тот посмотрел и тоже недоумевающе пожал плечами. Но в это время выбравшееся из-за тучи солнце осветило колонну и тогда стало ясно видно, что впереди ее идет солдат... под красным флагом.

— Может, провокация?

— А мы проверим, — сказал командир и приказал пулеметчикам дать предупредительные очереди.

Колонна остановилась на минуту. Идущие в голове ее посовещались. А потом в нескольких местах над строем замелькали белые полотнища.

— Сдаются, что ли?

— Похоже. Подпустим поближе, предложим бросить оружие.

Так и сделали. И тогда солдаты один за другим стали аккуратно складывать винтовки на обочине. На сторону красных войск перешел колчаковский полк — более двух тысяч человек.

Почему это произошло?

Резервный полк стоял в Челябинске. В нем было много украинцев, и потому адмирал Колчак приказал дать ему наименование «курень имени Шевченка».

Среди солдат было несколько большевиков. Они-то и создали в белогвардейском полку подпольный военно-революционный совет. Возглавил его Василий Орловский. В состав реввоенсовета вошли солдаты Василий Вершинин, Федор Колчук, Дионисий Лебединский, Степан Пацек.

Осторожно, но настойчиво, используя любой удобный повод, беседовали они со своими однополчанами, убеждали их в том, что надо повернуть штыки против офицеров, против «верховного правителя».

Когда з конце апреля дивизии В. И. Чапаева и Г, Х. Эйхе нанесли удар на Бугурусланском направлении, а вслед за ними развернули наступление 5-я, Туркестане тая и 1-я армии; генералу Ханжину пришлось срочно вводить в бой немногие оставшиеся резервы. Тогда-то и отправился на запад «курень имени Шевченка». Эшелон дошел только до станции Сарай-Гир. Дальше двинулись пешим порядком.

И вот полк в Кузькино. Жители села рассказали солдатам, что красные стоят в соседней деревне, всего в нескольких верстах. Надо было использовать этот удобный момент, пока не ввязались в бои. Правда, положение усложнило одно обстоятельство. В Кузькино уже разместились два колчаковских полка и артиллерийская батарея. Пока стояли в селе, перезнакомились, нашли земляков, выяснили обстановку. Оказалось, что и здесь большинство насильно мобилизованных солдат не желает воевать за неправое дело. Договорились выступить сообща.

Утром 1 мая 1919 года всех построили на сельской улице. Еще несколько минут и полк мог двинуться в сторону Бугуруслана, против таких же, как они, рабочих и крестьян в военных шинелях.

Но в конце колонны неожиданно прозвучали три винтовочных выстрела. Это Федор Колчук дал сигнал товарищам. Солдаты тут же бросились к офицерам, кучкой стоявшим перед строем, и обезоружили их. Все произошло так быстро, что никто из них не успел и выстрелить. Схватки с офицерами вспыхнули в других полках, но там не обошлось без перестрелки. Пришлось поспешить на выручку. И вот сводная колонна под красным флагом, который был приготовлен заранее, двинулась в путь. Заодно прихватили и батарею с запасом снарядов.

Комбриг Каширин немедленно послал к М. В. Фрунзе порученца с донесением об этом важном событии. По его приказу разросшийся за счет других полков «курень» был отправлен в Бугуруслан. Оттуда председатель военно-революционного совета полка Василий Орловский 12 мая послал телеграмму Владимиру Ильичу Ленину: «Приветствуем дорогого вождя всероссийского пролетариата от полка имени Шевченко и с радостью сообщаем, что наш полк перебил весь белогвардейский состав, всех увлекши за собой. Три полка белогвардейцев и батарея

перешли на сторону красных. Войска теперь находятся в полной боевой готовности. Горим желанием немедленно ринуться на врагов трудового народа. Просим вашего разрешения наименоваться Украинским Советским добровольческим полком имени Ленина».

Спустя несколько дней командующий Михаил Васильевич Фрунзе в Бугуруслане на Соборной площади поздравил бойцов и командиров с присвоением новому красному полку имени Ленина, вручил боевое знамя.

Геройски сражался Ленинский полк в оренбургских степях, на Уральском фронте, на земле Украины. И вел его в бой член подпольного ревкома Степан Пацек. В одной из схваток с белогвардейцами он погиб смертью героя.

Об этом рассказали в своих письмах генерал-майор Ф. С. Колчук, старый учитель Д. В. Лебединский, бывший комиссар полка В. И. Вершинин, — те, кто вместе с другими героями поднимал тогда восстание в колчаковском полку. Много событий, больших и малых, было в их жизни, но одним из самых ярких они считают то, что произошло 1 мая девятнадцатого года, когда их полк пошел навстречу бригаде Каширина под красным знаменем революции.

В те дни многие солдаты, насильно мобилизованные в колчаковскую армию, испытав на себе, что несут белые трудовому народу, при первом удобном случае в одиночку и группами переходили на сторону красных войск. Именно так случилось с мобилизованным молодым человеком, которому суждено было стать потом известным советским поэтом, С. П. Щипачевым.

«На сторону Красной Армии мне удалось перебежать на станции Бугуруслан... — писал Степан Петрович в автобиографической повести «Трудная страда». — Было это так. После успешного наступления в направлении Самары белые вдруг попятились. Словно на стену, наткнулись они на Чапаевскую дивизию и на другие дивизии 5-й армии, которой командовал бывший поручик, коммунист с 1918 года Тухачевский. В железнодорожном поселке я решил спрятаться, чтобы дождаться красных. Начался артиллерийский обстрел. Жители спешили в укрытия. Я обратился к одной пожилой женщине, чтобы она спрятала меня в своем домике. «Что ты, что ты, сынок, за это и тебя и меня расстреляют, — заговорила она, озираясь. — Иди-ка ты лучше к соседу. Он рабочий, железнодорожник, тоже ждет красных. Он спрячет тебя». В избе этого рабочего я просидел больше двух суток. Ожидание было напряженным...

В одно раннее утро в двери залязгал ключ и послышался веселый голос хозяина: «Выходи, узник. На станции красные». Минут через пятнадцать-двадцать я уже стоял у костра, вокруг которого сидели чапаевские командиры, громко разговаривали, смеялись и лузгали каленые семечки... Встретили они меня приветливо, как своего товарища, совали мне семечки, улыбались и были похожи на обыкновенных деревенских парней, только в ремнях и кожаных куртках. Видел Фурманова. Он куда-то ехал на деревенском ходке. Стоявший рядом со мной красноармеец с гордостью сказал: «Это наш комиссар. Студент». Последнее слово было произнесено как-то особо: дескать, образованный, а вот видишь, вместе с нами...»

Многое из того, что увидел и запомнил красноармеец Степан Щипачев, отразилось в его стихах. Стихотворение «Перебежчики Колчаку» и другие печатали в типографии, как листовки, и разбрасывали с самолета над белогвардейскими окопами. Их читали со сцены в чапаевском клубе:

Лил дождь осенний. Сад грустил о лете.
За мной вода заравнивала след.
Мне подсказала дата в партбилете:
Тогда мне было девятнадцать лет.
На город шел Колчак; у мыловарни
Чернел окоп; в грязи была сирень;
А я сиял: я стал партийным парнем
В осенний тот благословенный день.

Тема гражданской войны осталась в его поэзии навсегда. И среди лирических стихов о любви нередко встречались такие строки:

Я помню и лето — горячий июль,
И степи, и конные наши лавы,
И в посвистах белоказацких пуль

Моих одногодков, упавших в травы.

Боевая красноармейская жизнь продолжалась в Самаре, Пугачеве, Оренбурге. Его послали учиться в Оренбургскую кавалерийскую школу красных командиров. Потом сам преподавал в военных учебных заведениях. Жизнь многие годы была связана с армией. И, может быть, поэтому он так писал в одном из курсантских стихотворений:

Мы,
Чтоб Советскую власть отстоять,
Прошли
Сквозь огонь,
Сквозь тиф и голод.
Красная Армия — кровь моя,
Моя биография, моя школа.

Сейчас трудно сказать — так это или не так, но вероятнее всего, стихи-листовки Степана Щипачева печатались на станции Бугуруслан в типографии газеты Пятой армии «Красноармейская звезда». А возглавлял эту типографию будущий известный чешский писатель Ярослав Гашек,

По решению ЮНЕСКО 1983 год был объявлен годом Ярослава Гашека в честь столетия со дня его рождения. И этот юбилей «бравого красного чеха» — замечательного журналиста и писателя-сатирика широко отмечался в Оренбургской области и особенно в Бугуруслане, где чешского интернационалиста считают своим земляком.

24 сентября 1915 года ефрейтор австро-венгерской армии Ярослав Гашек сдался в плен русским солдатам и оказался в лагере военнопленных в селе Тоцком под Бузулуком. Здесь при первой же возможности он вступает в чешский легион — ведь ему предстоит вести борьбу против австро-венгерской монархии. Восторженно встречает Гашек февральскую и Октябрьскую революции. Но когда командование легиона заняло враждебную позицию по отношению к молодой Республике Советов, он вместе с другими чехами и словаками уходит из легиона.

В марте 1918 года в Москве Ярослав Гашек вступает в партию большевиков, надевает красноармейскую форму. И захлестнула, закружила его гражданская война...

В Самаре он — комиссар отряда. Когда белочехи подняли мятеж и захватили Самару, они грозились повесить всех большевиков и прежде всего комиссара Гашека. Переодевшись в старую рваную одежду босяка, Гашек с риском для жизни ушел из города и сумел пробраться в Симбирск.

«Путь от Симбирска я прошел с Красной Армией, где на моих плечах лежал груз различных обязанностей — партийных и административных», — писал он в одном из писем.

В Бугульме Гашек был назначен помощником коменданта города, а затем отозван в Уфу. Здесь ему, члену политотдела, доверяют руководить передвижной типографией Пятой армии. Из Уфы классный вагон, в котором размещались и типография, и редакция газеты «Красноармейская звезда», переезжает в Белебей, а затем и в Бугуруслан.

На станции Бугуруслан в 1919 году вагон Гашека стоял на площадке, которую называли «воинской». Она была скрыта от посторонних глаз и находилась недалеко от вокзала.

Походная типография выпускала газету, листовки, воззвания к красноармейцам. Многие из них написаны Гашеком. Как и в Бугульме, здесь его звали Ярославом Романовичем. В этой походной типографии Гашек написал первые черновые наброски романа о бравом солдате Швейке.

Редакционный вагон двигался вслед за наступающими частями Красной Армии. 8 мая 1919 года в Бугуруслане вышел номер газеты «Красноармейская звезда», который открывался заметкой: «Абдулино наше». В ней сообщалось: «Пятого мая нашими доблестными войсками занято Абдулино».

Старожилы рассказывают, что в те дни, когда в тупике на станции Бугуруслан стоял вагон-редакция, разузнав о том, что «Красноармейская звезда» собирается тронуться дальше на

восток, за наступающими к Уфе полками, сюда пришли наборщики городской типографии. Познакомились, рассказали о своем житье-бытье, погоревали о том, что после нашествия колчаковцев типография оказалась разграбленной. Уцелело то немногое, что успели припрятать. А

надо возрождать газету «Луч коммуны». Почти не надеясь на успех, попросили поделиться шрифтами.

Полиграфисты «Красноармейской звезды» отозвались на их просьбу и выделили шрифты, другой необходимый материал и даже бумагу. Бугурусланские печатники были благодарны и счастливы.

Мне не удалось найти документального подтверждения факта столь щедрой помощи армейских полиграфистов наборщикам Бугурусланской типографии. Но убежден в том, что это было сделано не без ведома, а скорее всего, по указанию начальника типографии Ярослава Гашека. Он-то прекрасно знал великую силу печатного слова.

Только в 1921 году уже в Праге написал Ярослав Гашек первый том своего знаменитого романа «Похождения бравого солдата Швейка». Он продолжал работать над романом, в котором главный герой должен был пройти через русский плен, службу в Красной Армии. И кто знает, может быть, мы увидели бы Швейка и в Тоцком, и в Бугуруслане. Но ранняя смерть помешала Гашеку выполнить свой замысел.

...На том месте, где стояла походная типография Ярослава Гашека, в день столетия выдающегося писателя состоялся митинг. Тогда в городе работала группа чехословацких специалистов — Милан Беранек, Ян Слоупенски, Иозеф Паулу. Они помогали оборудовать технический кабинет в училище гражданской авиации. Гостям полюбился Бугуруслан, очень заинтересовало их то, что здесь весной 1919 года работал Ярослав Гашек.

— В бравом солдате Швейке Гашек очень точно выразил национальные черты чешского характера, — сказал Милан Беранек. — Читая книгу, я живо представляю себе своего деда Иозефа, кое-какие поступки которого прямо-таки повторял Швейк. В самом конце войны он сагитировал соседей напасть на немецкий поезд с продуктами. Деду, как зачинщику, грозил расстрел. Дед спасся, как не раз выходил из беды Швейк, нагородив массу всяких невероятностей — вроде того, что продукты ему ни к чему, а вот сказали, что в поезде много табака, и он, заядлый курильщик, не устоял от соблазна...

...Но вернемся во времена гражданской войны. Бугуруслан, 1918 год. Именно тогда тут дислоцировался 3-й авиаотряд 24-й Железной дивизии.

Оценивая по достоинству авиаторов, начдив Железной Гая Дмитриевич Гай подписал в Бугуруслане приказ: «Отмечаю энергичную и неустанную работу 3-го авиаотряда истребителей во время боевых операций дивизии... Все летчики этого отряда всегда были на своих постах и с охотой и полным хладнокровием исполняли возложенные на них задачи.

В награду за все вышеперечисленное 3-й авиаотряд истребителей переименовать в 3-й Железный авиационный отряд истребителей».

В конце мая девятнадцатого года в Бугуруслане на просторной площадке в юго-восточной части города приземлились самолеты 11-го, 27-го, 30-го. 39-го авиаотрядов Туркестанского фронта — двадцать машин; «сопвичи», «ньюпоры», «вуазены». Готовясь к уфимской операции, Михаил Васильевич Фрунзе распорядился свести все самолеты, ранее закрепленные за дивизиями, в единый сводный отряд, подчиненный непосредственно штабу Южной группы войск Восточного фронта. Это давало возможность использовать авиацию для решения крупных задач в масштабе армии и даже всего фронта.

Командовал сводным отрядом начальник авиации и воздухоплавания Туркестанской армии Петр Александрович Семенов. Это был опытный летчик, хотя ему и было тогда всего 27 лет.

В вагоне командующего Семенов в точно назначенный час встретился с М. В. Фрунзе.

— Фрунзе подвел меня к висевшей на стене оперативной карте, отдернул прикрывавшую ее зеленую шелковую занавеску и, показывая населенные пункты, разъяснил обстановку на фронте, — вспоминал Семенов.

— Завтра, 3 июня. — приказал командующий после ознакомления с оперативной обстановкой, — снарядите эскадрилью, не менее шести аппаратов, погрузите полный запас бомб и разрушите мосты противника на реке Белой в районе Усть-Бялиш, Курмантаево.., в районе Утяганова — Тюкунева...

Задачи ставились непростые. Самолеты были старые, не раз ремонтированные. Летали они со скоростью не более 165 километров в час. Одноместный «ньюпор» брал на борт десятифунтовые (четырехкилограммовые) бомбы. Одной рукой пилот держал руль, а другой бросал бомбы. На двухместном «сопвиче» это делал летчик-наблюдатель, и бомбы тут были

посолиднее — по 25 фунтов.

Особые трудности пришлось испытать с горючим. Иногда летали на спирте. Летчик из Чапаевской дивизии Иосиф Железное вспоминал, как Чапаев однажды выручил авиаторов, передав почти полную цистерну спирта. Чаще моторы заправляли так называемой «казанской смесью», состоящей из керосина, эфира и еще каких-то добавок. Это была очень опасная смесь, так как эфир одурманивающе действовал на пилотов.

В дни Уфимской операции летчики совершили за неделю 113 боевых вылетов. Особенно отличились военлеты Аполлинарий Томашевский, Иван Савин, Артемий Коваленко, Андрей Казенной, Иосиф Железное, Александр Кравцов, Михаил Шпак, Сергей Байер, летнабы Казимир Жакевич, Леонид Петров, механики Алексей Миронов, Василий Ленкин и другие авиаторы. Многие из них были награждены орденами Красного Знамени.

«...Летчики, несмотря на затрудненные технические условия, выполняли успешно все возлагаемые на них задачи, и авиация принесла значительную долю пользы в указанной операции», — так отметил боевые заслуги авиаторов Михаил Васильевич Фрунзе.

Может быть, на первый взгляд и не очень заметную, но немалую агитационную работу вел фронтовой театральный коллектив. Начинал он свой путь в Бузулуке, где был основан еще в 1918 году. Тогда рабочие депо устроили клуб в бывшем бараке для военнопленных. Им заведовал телеграфист Александр Морозов. Одним из первых спектаклей была «Рабочая слободка». Однажды этот спектакль пришли посмотреть Чапаев с Фурмановым.

— Чапаев был восхищен игрой простых рабочих, — вспоминал Александр Васильевич Морозов, — от души благодарил нас. А через несколько дней мы получили от начдива 25-й роскошный для того времени подарок — инструменты для духового оркестра, мебель и другой реквизит. Все это было конфисковано у богатеев.

Когда Чапаев и Фурманов возвращались после спектакля на Базарную улицу, где они жили и где находился штаб дивизии, продолжался разговор о спектакле.

— Нам бы такой театр, — сказал Фурманов. — Много пользы дал бы он бойцам...

Чапаев молчал. Комиссар хорошо знал, как нетерпимо относился начдив к тому, что полки обрастали не нужными, на его взгляд, службами.

— А что, Василий Иванович, может быть, попробуем, организуем свой театр? — спросил Фурманов. — Думаю, что поарм нас в этом поддержит.

— А артистов где возьмешь? — ответил вопросом Чапаев, почти уверенный в том, что эту-то задачу в оставшиеся до наступления дни военкому не решить.

— Поищем — найдем, — сказал Фурманов.

— Тогда давай попробуем.

Так в Чапаевской дивизии в составе культпросветотдела, которым заведовала Анна Никитична Фурманова, появилось новое подразделение. Артистов в основном нашли в Бузулуке, даже из Оренбурга пришлось пригласить, поискали в своих полках.

Первые спектакли молодой театр дал уже в Бугуруслане. В городе было специально выстроенное здание — Гоголевская аудитория. Тут была большая сцена, декорации, реквизит.

История возникновения этой аудитории такова. Еще в конце XIX века любители театра, в основном местные интеллигенты, создали в Бугуруслане драматическую студию. На добровольные пожертвования и средства общества «Народная трезвость» воздвигли в центре города на углу Торговой и Дворянской (сейчас Красногвардейская и Коммунистическая), небольшое деревянное здание со сценой, зрительным залом и артистическими комнатами. Но через несколько дет оно сгорело. Тяжело переживали эту потерю артисты. Ведь уже сложилась неплохая труппа, которая бралась и за сложные постановки. И вот беда.

Когда в России готовились отметить в 1909 году столетие со дня рождения Н. В. Гоголя, в Бугуруслане решили возродить театр. Может быть, сказалось и то, что в то время городским головой был один из «артистов» — по фамилии Аксаков — родственник известного писателя. И вот к юбилею Н. В. Гоголя возвели новое здание с башенками на углах. Театр получил название Гоголевская аудитория, и открыл его спектакль по пьесе Н. В. Гоголя «Женитьба».

А 22 мая 1919 года уже красноармейский театр показал на бугурусланской сцене премьеру спектакля по пьесе наркома просвещения А. В. Луначарского «Братство», Перед началом выступил начальник политотдела Туркестанской армии Владимир Аркадьевич Тронин. Он умел говорить так взволнованно, что его речь буквально зажигала людей, они готовы были идти за ним

в огонь и в воду.

Потом в Бугуруслане показали спектакли «Не в свои сани не садись» и «Бедность — не порок» А. Н. Островского, «Савва» Л. Андреева, «Каширская сторона» Д. Аверкиева.

— Представьте себе такую картину, — рассказывал чапаевец Иван Федорович Кирюшкин. — Полк расположился в станице. И вдруг слышим — с утра стучат топоры. На площади сооружается помост, появляются декорации. Красноармейцы, повидавшие лиха в боях, реагировали на спектакли бурно... Свой походный театр в дивизии любили.

Когда фронт стал все больше удаляться от Бугуруслана, вслед за ним отправился и фронтовой театр. Выступали в Абдулино, на станции Чишма, а потом в Уфе, на Уральском фронте.

Гулял по Уралу Чапаев-герой...

Более семи десятилетий прошло с тех пор, но память людская бережно хранит, передает от поколения к поколению рассказы о легендарном начдиве и его боевых соратниках.

Схватка у моста. В предпоследний апрельский день 1919 года чапаевцы выбили белых из села Пилюгино. Но, отступая, колчаковцы подожгли взгорбившийся над берегами Малого Кинеля мост. Пламя все больше охватывало дощатый настил, лизало деревянные фермы.

Первым заметил дымок на мосту Людвиг Немет — командир разведчиков Интернационального полка, вскочил на коня и помчался к пожарищу. Спешившись у моста, он стал брезентовым ведром черпать воду и заливать пламя. Вслед за ним примчался ординарец командира полка Андрей Чернов. К счастью, еще не прошел разлив, и вода плескалась под самым настилом.

С высоты холмов, поднявшихся у самого берега Малого Кинеля, хорошо были видны люди на мосту. Оттуда открыли стрельбу. Но Немет и Чернов продолжали гасить огонь. На помощь к ним прискакали другие красноармейцы. Одни заливали водой дымящиеся конструкции моста, другие залегли у берега и прикрывали огнем товарищей.

А через несколько минут по спасенному разведчиками мосту пошли в атаку чапаевцы. Они с ходу выбили белых с выгодных позиций на высотах, одних уничтожили в короткой схватке, других обратили в бегство. Путь к Бугуруслану был открыт.

Когда о тушении пожара на мосту доложили Чапаеву, он приказал командиру 222-го Интернационального полка Сергею Емельяновичу Мальцеву представить Немета к награждению орденом Красного Знамени.

Венгерский коммунист Людвиг Немет награжден боевым советским орденом одним из первых в дивизии.

На Уральский фронт Немет прибыл с отрядом Лайоша Винермана. Этот отряд влился в Интернациональный полк, в котором воевали русские, украинцы, башкиры, чехи, мадьяры, поляки, австрийцы, китайцы. Немет был командиром батальона, потом помощником командира полка. Воевал и под Уральском, и на Украине, громил белые банды. После гражданской войны жил в Ленинграде, работал на железнодорожном транспорте.

Подкова. Время высеребрило Авксентию Андреевичу Морозику волосы, побелило чуть отвисшие усы. Давно уже ушел на пенсию старый кузнец, работавший когда-то еще у княгини Волконской, а затем в совхозе имени Фурманова, созданном в бывшем барынином имении. Но память Авксентия Андреевича Цепко хранила события многолетней давности,

— В Пилюгино у княгини Волконской была паровая мельница, — рассказывал Авксентий Андреевич, — когда пришли белые, мололи на ней муку для армии Колчака. Сломался там, на мельнице, кронштейн, кто-то на меня указал, что я смогу отковать. Пришли ко мне двое в новеньких полушубках.

— Ты кузнец? — спрашивают.

— Какой я кузнец, молотобоец всего-навсего.

— Нам же сказали, что ты кузнецом работаешь...

Тут вытаскивает один из них наган и тычет мне в грудь:

— А ну-ка, пошли.

Открыли кузницу. Разжег я огонь в горне.Солдат принес кронштейн. Расстегнули те двое полушубки, гляжу — на погонах по три звездочки — поручики, значит.

Отковал я им кронштейн. Они тут же «отблагодарили» — ткнули в спину наганом.

— Смотри, бестия, не ври в другой раз, если жить хочешь.

Потом был бой за Пилюгино, бежали белые к Бугуруслану.

Прослышали, что сам Чапаев приехал в наше село, поселился в доме Ольги Забурдаевой.

Изба у них просторная — пять окон на большак глядят, — припоминал Морозик. — В кузне я в тот день работал. Пришел домой пообедать. Поел, собираюсь идти. Глядь, подъехал к дому красноармеец и с собой еще коня привел.

— Тут кузнец живет?

— Тут. Я — кузнец.

— Сможешь этого коня подковать?

— А подковы есть?

— Есть.

Разговариваю, а сам конем любуюсь. Высокий мерин, красивый такой, загляденье прямо. Любила наша княгиня лошадей, много их было у нее, а такого красавца видеть не приходилось.

Завел его в станок, надел кожаный фартук, сменил одну, подкову, другую.

— А чей же конь, — интересуюсь.

— Начальника, — отвечает. — Да вот он и сам идет.

Гляжу — идет человек как человек, в бурке и папахе, худощавый такой, жилистый. Лицо смуглое, обветренное, усы рыжеватые. Только по ремням да дорогой шашке и понял, что начальник.

— Здорово, кузнец! — говорит и руку протягивает.

— Здравствуйте! — отвечаю, — не знаю вот только, как вас звать-величать.

— Василием Ивановичем зовут, а по фамилии — Чапаев.

Тут я вроде и обомлел. Перед барыней никогда не робел, а теперь от радости растерялся. Самому Чапаеву коня подковал.

— Спасибо за работу, — сказал Чапаев и опять руку пожал, а сам спрашивает, — а сколько заплатить тебе?

— Ничего не надо, никакой платы, — отвечаю.

Тогда Чапаев поднял старую подкову, улыбнулся и подает.

— Говорят, подкова к счастью, возьми на память...

Потом остановился в дверях и говорит:

— Хорошие тут у вас помещения. Особенно конюшни барские мне понравились. Берегите их. Это теперь все наше, народное добро.

Словно взлетел Чапаев на коня, руку к виску приложил. И умчались они с вестовым по пилюгинской улице, — закончил рассказ кузнец.

Никогда больше не видел Морозик Чапаева. Но до самой кончины помнил его с доброй, даже чуточку застенчивой улыбкой на лице.

И швец и жнец. Гавриил Дмитриевич Алянин в первые годы Советской власти был председателем Тюринского сельского Совета.

— В первых числах мая девятнадцатого года, — рассказывал он, — в Тюрино вступила красноармейская часть. Вызвали меня в штаб. Зашел в комнату, смотрю — среди красноармейцев сидит человек в папахе, ремнями перепоясан, усы покручивает. «Командир, видно», — подумал я.

— Честь имею явиться по вызову.

— Алянин? — спросил тот, что в папахе.

— Так точно.

— А я — Чапаев.

Так и познакомились. Потом он сказал, что нужно спешно мост через Мочегай построить — требуется лес, плотники, кузнецы. Не по себе стало — людей-то найдем, а где столько лесу взять. А потом вспомнил: два года возили мужики лес на церковь. Вот мы эти бревна и

пустили в дело. Пошла работа на берегу.

Сам Василий Иванович топором орудовал, да так сноровисто, что я глядел на него и думал: «Вот это мастер. Такой и телегу смастерит, и избу срубит».

О другом случае вспомнил бывший сапер Тимофей Васильевич Кузьмин.

— Работали мы тогда возле Заглядино. Восстанавливали мост через Кинель. Взорвали его беляки. Поезда остановились. Надо было быстро наладить, движение открыть. Работаем, стараемся, на время не глядим. Солнце уже к заходу. Приехал к нам Чапаев. За руку с каждым

поздоровался. Посмотрел нашу работу, походил по балкам.

— Кто эту балку заделывал? — спросил, а сам ногой по балке притопывает.

— Я, — ответил Иван Терентьев. — А что?

— А то, что от такой работы и до беды недалеко. Неверно ты ее заделал. По мосту не телеги, а поезда ходить будут. Тут крепость особая нужна. А балка твоя под ногами ходуном ходит.

Стал с ним Терентьев спорить. Сам себе думает — командир ты, может, и хороший, а в плотницком деле мы побольше разумеем.

Чапаев не стал больше с ним в пререкания вступать. Бурку сбросил, снял портупею, отдал порученцу. Поплевал на руки, взял топор и стал балку обделывать. Поглядели мы и ахнули.

— Да ты, Василий Иванович, как говорится, и швец, и жнец, и на дуде игрец, — взмолился Терентьев. — Твоя взяла. Сдаюсь.

Улыбнулся Чапаев и объяснил, что он по профессии плотник и с топориком всю Волгу прошел.

— Отец меня, — говорит, — так учил: за что ни возьмись, все надо с толком делать, а за плохую работу и руки обломать не грех.

В минуты отдыха. Чапаев был строгим и требовательным командиром. Он сам досконально знал воинскую службу, был подтянут, оружие всегда в полном порядке.

— В военном деле Чапаев шутить не любит, — частенько говорил он бойцам. — Знаешь дело, соблюдаешь дисциплину и порядок — я тебе товарищ. Нет этого — тогда на меня не обижайся.

Но когда стихали бои, Чапаева словно подменяли. В редкие минуты отдыха становился он добрейшим человеком, весельчаком и заводилой. И песни пел, и плясал, и всякие истории веселые рассказывал.

— Помню, как-то затеяли в нашем взводе борьбу, — вспоминал краснознаменец Григорий Емельянович Прокудин. — С любопытством смотрел Чапаев на борцов, а потом, видно, ему тоже захотелось силами помериться. Отдал ординарцу шашку, сбросил ремни, мундир. Стал бороться с одним. Парень вроде поначалу крепко взялся, но как-то неудобно ему показалось начальника дивизии победить, поддался. Положил его Чапаев на обе лопатки. Доволен собой — есть еще, значит, порох в пороховницах. Пошел с другим бороться, а тот еще крепче первого был — такая же история. Потом догадался Чапаев — нарочно бойцы поддаются. Обиделся. «Я, — говорит, — только в бою командир, а раз сошлись бороться, тут забудь об этом, такой же товарищ, как и все».

Продолжали борьбу. И первый же, с кем схватился Чапаев, одолел начдива, припечатал его к земле. Хохотали тогда все. А больше всех Чапаев: «Теперь, — говорит, — все правильно, по честному». Потом прищурил глаза и с хитрецой так продолжает: «А все-таки нехорошо начальника дивизии на лопатки класть...» — И пуще прежнего рассмеялся.

Попарились. Старый чапаевец Иван Иванович Крайнов вспоминал историю, которая приключилась в мае 1919 года.

— После переправы через Большой Кинель наша бригада наступала на Мордовский Бугуруслан. Остановились на отдых. И вдруг комбриг срочно собрал командиров. В избе был еще незнакомый мужичок.

— Вот товарищ из соседней деревни прискакал. У них там беляки всеобщее купанье надумали устроить. По всей деревне бани топят. Может, поможем им попариться?

— Мы спрашивали — далеко ли красные? — вступил в разговор гость. — Слух был, вроде к Бугуруслану подступают...

— Не всякому слуху верьте, — отвечают. — Пороху у них мало, чтобы нас одолеть. Стали бы мы бани топить, если б красные близко были... — Он перевел дух и продолжал: — На дороге они засаду поставили. А вы бы с другой стороны зашли. Я проведу вас.

Окольными дорогами повел нас крестьянин в обход. И вот оказались мы у беляков в тылу. Остановились в лесочке, почти рядом с деревней. Еще только вечереть стало. Пошли разведчики, надо было часовых обезвредить. Договорились: сигнал к атаке — разрыв гранаты.

Изготовились, ждем. В тишине, как раскат грома. Эскадрон вылетел из леса и с криком «ура!» помчался к деревне.

Видели бы вы, что тут было. Беляки голые или в исподнем, кто в мыле весь, не успел смыть, выскакивали из бань, сломя голову неслись к лесу. Нам оставалось собрать оружие,

боеприпасы, обмундирование и ждать подхода всей бригады. Словом, хорошо беляки попарились...

Орден Чапаева. Лучшим из лучших прикрепляла республика к гимнастеркам ордена Красного Знамени — свою первую советскую награду.

14 июля 1919 года приказом Реввоенсовета за № 137 был удостоен ордена Красного Знамени начдив 25-й Василий Иванович Чапаев.

Как отмечалось в приказе: «...назначенный начальником 25-й стрелковой дивизии в дни катастрофического положения Самары, когда противник отстоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугурусланом, настойчивыми, стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступающего противника и в течение полутора месяцев овладел городами Бугуруслан, Белебей, Уфа, чем спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский район.

Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передних цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в бою».

Как воевала дивизия, можно судить и по тому, что за короткое время — менее полутора месяцев — она прошла большой и трудный путь от Бузулука до Уфы и в жестоких боях потеряла половину своего состава. К этому надо добавить, что все девять полков и кавалерийский дивизион Чапаевской дивизии были награждены Почетными революционными знаменами ВЦИК, десятки чапаевцев отмечены орденами Красного Знамени.

«Имя его войдет в историю гражданской войны блестящей звездой, и есть за что: таких, как он, было немного», — так сказал о славном начдиве комиссар и писатель Дмитрий Фурманов.

18 августа 1919 года в поселке Горячинском — в 14 километрах южнее Лбищенска — командующий 4-й армией Владимир Соломонович Лазаревич вручил Василию Ивановичу Чапаеву дорогую для него награду. Носить ее легендарному начдиву довелось всего лишь девятнадцать дней.

* * *

В мае 1919 года в особняке на улице Орловской (ныне улица Фрунзе) разместился штаб Южной группы войск Восточного фронта. Это здание принадлежало прежде помещику Куроедову, предок которого, по словам Сергея Тимофеевича Аксакова, «представлял одно из тех страшных явлений, от которых содрогается и которыми гнушается человечество».

А в те весенние дни тут жил и работал Михаил Васильевич Фрунзе. К дому подъезжали автомобили и мотоциклы, тут спешивались всадники — связные доставляли сообщения с переднего края, из наступающих полков и дивизий. В этом доме бывали тогда В. В. Куйбышев, М. Н. Тухачевский, Г. В. Зиновьев, Г. Д. Гай, В. И. Чапаев, Г. Х. Эйхе и другие полководцы. Здесь М. В. Фрунзе написал воззвание к войскам Южной группы:

«Высшее командование возложило на нас задачу окончательного разгрома белогвардейских банд, прикрывающих пути на Урал, и ликвидацию этим колчаковщины. У меня нет и тени сомнения в том, что закаленные в боях славные бойцы с указанной задачей справятся в кратчайший срок. Порукой этому являются блистательные страницы их прежней боевой работы, завершившейся разгромом ряда корпусов противника на полях Бугуруслана».

Назвали улицу Комсомольской

Вдоль крутого берега Кинеля протянулась живописная улица, с которой, можно сказать, начинается Бугуруслан. На табличках надпись: «Комсомольская». Это название не случайное. Именно на этой улице (тогда она называлась Набережной) родилась городская комсомольская организация.

Время было тревожное. Из города всего три недели назад изгнаны колчаковцы, еще по ночам то здесь, то там раздаются выстрелы — немало белогвардейцев затаилось и в городе, и в окрестных лесах, появляются банды. Еще не был восстановлен взорванный беляками мост через Кинель, не засыпаны окопы в прибрежном городском саду. Еще всего сотня верст до фронта — там красные полки ведут жестокие бои на дальних подступах к Уфе.

Но город, над которым теперь уже навсегда взвилось красное знамя, все увереннее начинает новую жизнь. Возобновились занятия в бывшем реальном училище и бывшей женской

гимназии. Правда, теперь они называются по-другому: Единая трудовая школа второй ступени. Тут избрали впервые ученические комитеты. Вместе с другими юношами и девушками членом учкома стал серьезный, энергичный парнишка Петя Худяков.

Однажды в школу пришли член Бугурусланского ревкома, большевик Владимир Аркадьевич Пупко и инструктор политотдела Туркестанской армии Степан Зинченко. Разговор зашел о создании в городе ячейки Коммунистического Союза Молодежи. Особенно горячо отозвался Худяков, Тут же договорились в ближайшее воскресенье, 25 мая, провести собрание молодежи. Членам учкома поручили написать и расклеить по городу афиши, оповестить ребят.

И вот настал этот весенний день. В здании бывшей женской гимназии собралось около двухсот человек — в основном учащиеся и небольшая группа молодых рабочих с городских предприятий.

На собрание пришли представители уездного комитета партии В. А. Пупко и А. И. Озеров, начальник политотдела Туркестанской армии В. А. Тронин, инструктор политотдела С. И. Зинченко.

Два вопроса в повестке дня: «О текущем моменте» и «Российский Коммунистический Союз Молодежи — его цели и задачи».

О текущем моменте — об обстановке в России, о положении на фронтах, о задачах мирного строительства и роли молодежи в жизни Республики Советов рассказал Владимир Аркадьевич Тронин. О комсомоле, родившемся в пламени гражданской войны в октябре 1918 года, о том, что он собой представляет и чем занимается, говорил Степан Зинченко.

— Никаких комсомолов нам не надо, мы учиться хотим, — закричал кто-то из кучки семинаристов. — Вам хорошо говорить о революции, вы выучились. Дайте нам семинарию кончить...

— А я тоже хочу учиться, — сказал Степан. — У меня всего лишь три класса за плечами. Я из бедной крестьянской семьи, стал рабочим. Вот кончится гражданская война, разобьем беляков и обязательно буду учиться. Советской Республике нужны грамотные люди. Комсомол не только не мешает учебе, а наоборот, помогает молодежи получить образование.

Выступает А. И. Озеров, рабочий Саша Яковлев, школьники старших групп. За резолюцию проголосовало большинство. «Мы готовы идти за Лениным, большевиками, чтобы завоевать себе свободу, право на труд и учебу», — так говорится в этом первом документе бугурусланского комсомола.

Когда Зинченко пригласил к столу президиума записываться в комсомол, вначале потянулись одиночки, а потом поток стал нарастать. Первыми записались молодые рабочие Саша Яковлев, Николай Сорокин, Николай Нефедов, служащий Леонид Ледомский, группкой подошли ребята из Ольгинского приюта, бывшие гимназисты Мария Александрова, Петр Худяков, учащиеся ремесленного училища, учительской семинарии.

— И бабушка в комсомол? — спросили у Маши Александровой.

— А как же, — ответила Маша.

«Бабушкой» ее — дочь железнодорожника — прозвали еще в гимназии. Там в ученическом спектакле «Лесная сказка» она удачно сыграла роль старушки. И с тех пор так и осталась «бабушкой» эта симпатичная девушка в очках. Так дружески звали ее и в комсомоле.

Около шестидесяти юношей и девушек стали в тот день первыми бугурусланскими комсомольцами. Записалось больше, но были и такие, кто потом попросил вычеркнуть их фамилии.

Уже поздно вечером избрали первый комитет комсомольской ячейки. Председателем стал слесарь Александр Яковлев, секретарем Мария Александрова. Так родилась первая в наших краях комсомольская организация. В Оренбурге, Бузулуке, Орске они были созданы позднее.

По просьбе комсомольцев им разрешили привести в порядок и занять пустующий дом на углу Петроградской и Монастырской улиц (ныне улицы Ленинградская и Гая). Очистили от мусора, побелили и открыли свой первый клуб. Принесли сюда стол, скамейки. Собрали .в брошенных купеческих особняках почти тысячу книг, организовали библиотеку. Наиболее начитанного паренька Макса Наумова «назначили» библиотекарем. Он выдавал ребятам книги, проводил громкие читки для неграмотных — их тогда было немало.

В уездном комитете партии комсомольцам дали два аршина кумача. Девчата вырезали из белого полотна серп и молот, буквы, из которых сложились слова «Российский

Коммунистический Союз Молодежи. Бугурусланская организация». Аккуратно нашили эти буквы на кумаче и получилось знамя бугурусланской комсомолии. Ее первое и потому особенно дорогое знамя. Под ним ходили на митинги и демонстрации, принимали в комсомол.

В комсомольском клубе один за другим появлялись кружки: текущей политики, громкого чтения, хоровой, — потом создали струнный оркестр. Сами изготовили шашки и шахматы — нарезали фигурки из липовых прутков, доски начертили на листах картона. Родились шашечный и шахматный кружки, стали учить играть всех желающих.

По просьбе комитета РКСМ занятия в кружке текущей политики вели старые большевики, первые коммунисты Бугуруслана. Послушать их выступления собиралось много молодежи, в клубе всегда было людно.

В хоровом кружке разучивали песни революции: «Интернационал», «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу!», «Мы — кузнецы» — и первую комсомольскую, родившуюся вместе с РКСМ — «Вперед, заре навстречу». Тогда каждое комсомольское собрание, а проводились они по несколько раз в месяц, начиналось и заканчивалось песней. У бугурусланцев родилась своя традиция, она продержалась почти до Великой Отечественной войны — перед собранием пели «Молодую гвардию», а после окончания — «Интернационал». Первыми запевалами были Зоя Федоровская и Гурий Панков.

Комитет поручил комсомольцу Гайнуллину подготовить собрание и создать в городе татарскую ячейку. Собрание наметили на 25 июня. Пришел только один молодой человек — сын грузчика Ханиф Сафин. Было ему 17 лет. Накануне он посоветовался с отцом:

— Хочу в комсомол вступить.

— Идет новая жизнь, Ханиф, — ответил отец. — Цепляйся за нее, в люди выйдешь...

Теперь они стали готовить собрание вдвоем.

8 августа собрание состоялось в школе (сейчас на этом месте клуб имени Тукая). Собралось восемь человек. В тот день вступили в комсомол К. и М. Манашевы, Х. Рахимов, З. Кагиров, А. Ягудин, Ш. Исмагилов. Председателем ячейки избрали Х. Гайнуллина, секретарем Х. Сафина.

Одна за другой стали возникать комсомольские ячейки в селах уезда. В августе 1919 года их было уже 10, а в их составе более 400 комсомольцев. Надо было создавать уездные органы РКСМ.

15 сентября 1919 года в Бугуруслане собрались на первый уездный комсомольский съезд делегаты от всех действовавших в то время ячеек, представлявших около пятисот комсомольцев. Первым председателем укома РКСМ стал Леонид Ледомский, товарищем председателя (заместителем) — Петр Худяков, секретарем Мария Александрова. Пожитков и Сотников избраны уездными инструкторами. Вскоре, как записано в протоколе, Мария Александрова «была взята для работы губ кома».

Уездный комитет комсомола размещался в доме на перекрестке улиц Соборной и Орловской (теперь Революционная и Фрунзе).

Уже в октябре, во время наступления Деникина, комсомольская организация Бугурусланского уезда направила на Южный фронт 70 юных бойцов. И провожала их в бой вся молодежь Бугуруслана, провожала под самодельным, но таким дорогим знаменем первой ячейки.

— Весть о мобилизации тридцати процентов состава быстро разлетелась по всему уезду, и многие организации, не дожидаясь распоряжения уездкома, начали сами мобилизацию, — говорил в докладе на пленуме уездного комитета РКСМ Петр Худяков. — Некоторые организация целиком ушли на фронт.

А вот строки из письма в губком инструктора-организатора В. Л. Полякова:

«Приехал в Бугуруслан 2 ноября с. г. На станции Похвистнево встретил бугурусланцев и абдулинцев, мобилизованных Союзом. Хотел девушек вернуть обратно, потому что они, безусловно, не могут принести пользы в военной части, но они стали просить меня пустить доехать до Самары, и я им уступил. Приехав в Бугуруслан, я тотчас ознакомился с деятельностью по мобилизации, нашел правильной проведенную ими работу.

Союз все-таки тут живет, количественно увеличивается, хотя качественно не слишком велик. Но это не важно. Количество может стать качеством».

В те дни в укоме произошла смена руководства. Ледомскому стало трудно совмещать основную работу (он был бухгалтером в отделе народного образования) и комсомольскую. Его наотрез отказались отпускать в уком. Пришлось освободить его от этой обязанности. Вместо него

председателем избрали Петра Худякова. Но скоро его свалил тиф. Тогда из губкома вернулась Мария Александрова. С 2& декабря 1919 года она стала председателем Бугурусланского уездного комитета комсомола и, кроме того, заведовала экономическо-правовым отделом и по работе среди девушек.

Потом, когда над республикой нависла новая угроза — из Крыма выползли полчища белого барона Врангеля, а на западе пошли в наступление белополяки, — ушли на фронт 550 бугурусланских комсомольцев во главе с Александром Яковлевым.

Не спокойно было в те дни в Бугурусланском уезде. Здесь вспыхнуло кулацкое восстание, и город был объявлен на военном положении. Молодежь круглые сутки дежурила на мосту через Кинель, в комсомольском клубе, на втором этаже здания, где находится кинотеатр «Звездочка». За городом комсомольцы осваивали военное дело, учились стрелять, разбирать и собирать затвор винтовки, бросать гранаты.

Против белых банд в коммунистических отрядах ЧОН воевали Федор Пожитков, Иван Розанов, Иван Тимашев, Сергей Хрящиков, Иван Долганов, Вениамин Касаткин и другие. Они ревностно оберегали ряды ЧОН.

В те дни у комсомольцев был еще очень важный фронт — борьба с неграмотностью. Не хватало тетрадей, учебников, мало было книг. Тогда и появился такой комсомольский документ: «Просить уком РКП выдать под отчет 50 миллионов рублей на приобретение литературы». При тогдашней низкой покупательной способности рубля на эти миллионы книг можно было приобрести не так уж много.

Самое активное участие комсомол принимал и в борьбе с голодом.

Летом 1919 года Оренбургский губпродком получил телеграмму, подписанную Председателем Совнаркома Владимиром Ильичей Лениным:

«Голодающий Север вступил в полосу тягчайших продовольственных затруднений. Красный Питер... вынужден сократить хлебный паек рабочим... Москва уже десять дней не получает хлеба, Иваново-Вознесенск и другие пролетарские центры, большинство фабрик и заводов давно уже не выдают хлеба. От ваших усилий и напряжений зависит не только дальнейшее продвижение Красной Армии, но и дальнейшее укрепление завоеваний мировой социалистической революции».

Телеграмму Ильича горячо обсуждали в городах и селах. Потянулись к железнодорожным станциям подводы с хлебом. Губком комсомола обратился с призывом провести «неделю сухаря», собрать как можно больше зерна, муки, печеного хлеба, сухарей, спасти голодающих, и прежде всего детей.

Работа нашлась всем. Комсомольцы ходили по домам, рассказывали о положении в стране, о голоде в столицах и других городах России, собирали все, чем могли поделиться люди. Парни и девушки везли собранное зерно на мельницы, другие из муки пекли хлеб, третьи резали на куски, сушили, четвертые упаковывали сухари в мешки, грузили в вагоны.

В те дни губернская газета «Коммуна» писала:

«Для голодающих детей Москвы и Петрограда на ссыпные пункты поступают от некоторых селений пожертвования хлебом. Так, граждане деревни Дмитриевки Бугурусланского уезда пожертвовали 107 пудов 30 фунтов пшеничной муки. Хлеб направляется по принадлежности».

А вот информация другого рода:

«В Елатомской волости Бугурусланского уезда милиция вздумала посмотреть закрома у попов. И не ошиблась. У одного попа было найдено 166 хлебов, из них 80 совершенно сгнивших и 16 пудов сухарей. У другого — 7 пудов сухарей и 13 пудов ржи. В селе Кирюшкино поп успел запасти 9 пудов сухарей. Запаслись попы и других сел. Милиция отобрала поповские запасы, насушила 40 пудов сухарей и отправила голодающим Северной России».

Тогда были собраны и отправлены в промышленные центры тысячи пудов хлеба. Время было беспокойное, и вагоны с хлебом сопровождали красноармейцы, а также владеющие оружием и физически сильные члены Союза.

Бывший работник Петроградского губкома комсомола А. Дорохов рассказывает в своих воспоминаниях:

«...В одно прекрасное утро в губкоме появились двое загорелых парнишек. Один крохотного роста, в сдвинутой на затылок солдатской папахе и в шинели, доходившей ему до пят.

Другой — в каком-то подобии шапки и в рваном бабьем зипуне. У обоих за плечами винтовки, за поясами наганы и гранаты.

— Здравствуйте, мы из Бугуруслана...

— Ну, здравствуйте. Что скажете?

— Да вот прибыли, наконец. В полном порядке. Не найдется ли у вас пары грузовиков да десятка два здоровых парней?

— Предположим, что найдется и то и другое. А вам, собственно, зачем?

— Как это зачем? Да мы же вам сухари привезли... На поддержку!..

Дальше было не до расспросов. Через несколько часов огромный, давно пустовавший княжеский каретник был полон штабелями пухлых мешков. До сих пор вспоминается, как неправдоподобно вкусно они пахли! И в тот же день обеды курсантской столовой пополнились новым замечательным блюдом — размоченными сухарями с солью.

Так прошла неделя. Пожалуй, проводникам пора было подумать о возвращении. Но боевой паренек в шинели не желал об этом и слышать. Азартно швыряя под ноги свою видавшую виды папаху, он возмущенно кричал:

— Да с какими глазами я покажусь своим ребятам! Вы тут будете голодать, а я поеду на сытые хлеба? Юденич вот-вот перейдет в наступление, а я, значит, спокойненько уеду? Не бывать этому! Уж защищать Питер, так вместе!»

Парнишку в шинели звали Саша Косарев. Было ему тогда, в девятнадцатом году, всего лишь шестнадцать лет. Пройдет еще семь лет и он станет секретарем, затем и генеральным секретарем Центрального Комитета комсомола, а в 1939 году его проглотит ненасытная пасть сталинских репрессий.

В Бугурусланском уезде подавляющее большинство населения не умело читать и писать. Статистические данные свидетельствуют о том, что в 1920 году грамотные в уезде составляли всего лишь 15,2 процента.

Один из старейших бугурусланских журналистов Павел Петрович Пешков рассказал о таком эпизоде. Инструктор уездного комитета комсомола Федор Пожитков приехал в одно из отдаленных татарских сел. Беседуя с секретарем местной ячейки, спросил:

— Сколько собраний провели?

— Много, каждую неделю собираемся.

— А почему только один протокол оформили?

— Мулла отказался... Не хочет больше писать...

Оказалось, что единственным грамотным человеком в селе был мулла. Комсомольцы уговорили его написать протокол. Но потом он понял, что парни из ячейки — его идейные противники, и не стал больше писать.

Мария Ульяновна Александрова припомнила, как в уездный комитет комсомола пришел секретарь ячейки села Кузькино Федя Попов и, застенчиво улыбаясь, сказал:

— Ребята, научите меня протоколы писать. Грамоту я кое-как осилил, а вот протоколы у меня не получаются...

Укомовцы терпеливо учили не только Федю Попова, но и других комсомольских вожаков и рядовых членов Союза. Во всех селах создавали при школах пункты по ликвидации безграмотности, и комсомольцы принимали в этой важной работе самое активное участие. Если в 1924/25 учебном году в уезде было 83 пункта по ликвидации неграмотности с числом учащихся 2824, то уже в следующем году — 210 школ ликбеза, и в них обучались 6300 человек. Так началась работа большой государственной важности. Ее вели по всем направлениям — увеличивалось количество общеобразовательных школ, библиотек, изб-читален, создавались кружки громкого чтения, школы для взрослых. И всюду находил свое место комсомол.

А Федор Гаврилович Попов стал потом известным журналистом и историком. Его книги рассказывают о революционном движении и гражданской войне в Поволжье.

Комсомольцы организовали первые в Бугуруслане пионерские отряды. Самый первый был создан в 1923 году при уездном комитете комсомола. Отряду дали имя Карла Аибкнехта, а его вожатым стал Дмитрий Пронин. Уже через год этот отряд объединял более ста ребят. И тогда уком РКСМ решил разбить его на три и дал им названия: имени Карла Аибкнехта, Розы Люксембург и Владимира Ильича Ленина.

Чем только не занимались в те годы юные ленинцы! Как могли, учили неграмотных,

помогали им осваивать азбуку, писать письма, собирали лекарственные травы, рисовали плакаты, диаграммы для сельских изб-читален, проводили вечера в фонд помощи детским домам. И, конечно, учились культурно, с пользой отдыхать: разучивали пионерские песни, новые игры, ходили в походы, занимались спортом.

Комсомольская организация Бугурусланского района вырастила немало замечательных тружеников, работников крупного масштаба.

Когда отмечалось 50-летие бугурусланского комсомола, на торжество приехал чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Гвинейской Республике Анатолий Петрович Ратанов. Интересный путь прошел воспитанник городской комсомольской организации. Был заместителем начальника политотдела Краснопартизанской МТС по комсомольской работе, первым секретарем Бугурусланского горкома ВЛКСМ, секретарем Оренбургского обкома комсомола. После учебы в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ его избрали первым секретарем Приморского крайкома комсомола, позднее — ответственным секретарем Всемирной федерации демократической молодежи. Потом он долгие годы — четверть века выполнял дипломатическую миссию в Кампучии, Лаосе, Гвинейской Республике, Эфиопии.

Среди воспитанников Бугурусланской комсомольской организации — Герои Советского Союза Сергей Никанорович Бамбуров, Иван Абрамович Казаев, Сергей Аниканович Долженков, Акрен Мингазович Хайрутдинов, Герои Социалистического Труда буровые мастера Алексей Герасимович Авдошин и Алексей Никитович Сакадин, ответственный работник Комитета народного контроля СССР Иван Петрович Бурмистров, директор педагогического училища Клавдия Семеновна Фомина, начальники управления «Бугурусланнефть» Валентин Николаевич Сперанский и Юрий Степанович Садчиков и многие другие.

Трудные шаги созидания

Победно закончилась гражданская война в оренбургских степях и почти на всей территории Республики Советов. Начал осуществляться Ленинский план социалистического строительства. Молодым советским, партийным, хозяйственным органам приходилось решать задачи невероятной трудности. Вспомним, попытаемся представить себе обстановку тех дней. Истерзанные войной города и села, застывшие заводы и фабрики, разоренные деревни. Острая нехватка хлеба, топлива, промышленных товаров. Белогвардейские и кулацкие мятежи. Все это надо было преодолеть. Нелегко давались первые шаги созидания,

В Бугуруслане были восстановлены, возобновили работу 30 предприятий и в первую очередь такие жизненно важные, как мельницы, маслобойка, кирпичный завод, мыловарня, завод колесной мази и другие.

В конце 1919 года в Бугульминском, а затем и в Бугурусланском уезде вспыхнуло кулацкое восстание «вилочников». Его назвали так. потому, что на первых порах мятежники были вооружены в основном вилами. Восстание было спровоцировано белыми офицерами, они и возглавили борьбу против Советской власти. В банды «вилочников» шли кулаки, затаившиеся белогвардейцы, а также мусульманские богатей, которые призывали поднять черное знамя «священной войны против неверных». Много коммунистов, комсомольцев, просто сочувствующих Советам погибло тогда от рук бандитов.

Положение было настолько серьезным, что 22 октября пленум уездного комитета Бугурусланской организации РКП (б) принял постановление: «Все партийные организации коммунистов-большевиков милитаризовать и привести их в казарменное положение. Ответственным организатором коммунистических отрядов перед губкомом назначить тов. Лазарева и поручить ему организацию отрядов в городе и уезде».

Губком партии направил на борьбу с бандами коммунистический отряд во главе с бывшим председателем Бугуруслане кого ревкома и укома партии Леонидом Дмитриевичем Сокольским, роту красноармейцев-латышей и отряд из Бугуруслана, в который вошли коммунисты и комсомольцы. Несколько недель тревожно было в уезде, особенно в северо-восточной его части, шли жестокие схватки с «вилочниками», которые пытались прорваться к Бугуруслану. Наконец, восстание было разгромлено. Бойцы ударных отрядов вернулись к мирному труду. Чтобы быстрее выйти из разрухи, уездный исполком 22 ноября 1919 года ввел всеобщую обязательную трудовую повинность для всех граждан мужского пола без исключения с 18 до 55 лет. Партийные и комсомольские ячейки проводили коммунистические субботники. Только в 1920 году на вывозке

дров работали 37 552 человека, на ремонте железнодорожных путей — 4191, на заготовке сена — 5425.

Бугурусланский уездный исполком все увереннее брал в свои руки власть на огромной территории. В городском краеведческом музее сберегли карту уезда, выпущенную в 1926 году редакцией бугурусланской газеты «Пахарь». В него входила вся северная часть Оренбургской области (в нынешних границах) и значительная площадь Куйбышевской. Всего это составляло

38 тысяч 400 квадратных верст, на которых располагалось 26 волостей; многие из них по величине почти соответствовали современному району. Управлять такой большой территорией было трудно. Поэтому в августе 1919 года провели разукрупнение волостей, а весь уезд разделили на пять районов: Абдулинский — 16 волостей, Бугурусланский — 14, Кинель-Черкасский — 11, Сергиевский — 11 и Сок-Кармалинский — 8. Всего теперь в подчинении уездного Совета находилось 60 волостей. Для того, чтобы лучше руководить хозяйственным и культурным строительством, в уездном исполкоме образовали отделы: жилищно-земельный, труда, местного хозяйства, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения. В городе восстановили названия улиц, которые после переименования еще в 1918 году к этому времени носили старые названия. Теперь Соборная стала Революционной, Дворянская — Коммунистической, Монастырская — Крестьянской (потом улица Гая), Торговая — Красногвардейской, Мещанская — Рабочей.

Бугурусланский народный дом был преобразован в городской советский театр. Как сообщал журнал «Вестник театра», «зимний сезон... открылся 8 октября возобновлением летней постановки «Рабочая слободка». Готовятся «Дурные пастыри», «Перед бурей», «Пугачев», «Лассаль», «Ткачи», «В ночную смену», «Строитель Сольнес» и др.» Любопытны подписи под этой информацией: «Режиссер драм и трагедий Яхонтов Б. Н., режиссер веселого жанра Урванцев Н. И.».

Появились первые советские небольшие предприятия — ремесленные артели «Кирпич», «Металлист», «Красный канат», «Новый мир» и другие.

Памятной для бугурусланцев была пятая уездная партийная конференция. Она открылась 16 января 1920 года в 6 часов вечера в Гоголевской аудитории. В повестку дня были включены самые неотложные вопросы: о текущем моменте, доклады с мест, топливный вопрос, борьба с эпидемией тифа (об этом в Бугуруслан пришла телеграмма В. И. Ленина), работа в деревне, выборы уездного комитета.

В конференции участвовал командующий Туркестанским фронтом Михаил Васильевич Фрунзе. Выдающегося полководца, соратника Владимира Ильича Ленина хорошо знали и любили в здешних местах. Под его руководством была осуществлена Бугурусланская операция — одна из важнейших на Восточном фронте, в результате которой от колчаковцев был освобожден Бугуруслан. В городе в весенние майские дни 1919 года находился штаб М. В. Фрунзе, отсюда руководил он войсками, ведущими наступление на Белебей, Чишму, Уфу. Многие в городе знали Михаила Васильевича.

Встретили его громом аплодисментов. Затаив дыхание, жадно ловил зал каждое слово командарма. Он выступил с небольшим, но очень ярким, эмоциональным докладом о текущем моменте.

— В решении спора между трудом и капиталом труд побеждает, — говорил Михаил Васильевич. — Мы сильны, но нам нужна передышка, нужно организовать свое хозяйство... На очереди задачи мирного строительства. Мы доказали в самых невероятных условиях, когда пришлось отбиваться со всех сторон, на что мы способны. Наше будущее светло, будущее за нами. Нам будет трудно, но мы неуклонно будем идти вперед и докажем, чего может достигнуть рабочая партия, рабочая власть...

Как писал репортер, «во все время речи докладчика раздавались аплодисменты вперемежку со звуками «Интернационала».

На стене старого здания Гоголевской аудитории была установлена памятная доска, лаконично рассказывающая о том знаменательном событии. Сейчас на месте старого театра строится новое капитальное здание. И верится, что на видном месте появится и тот знак памяти о человеке, дорогом бугурусланцам и всему советскому народу.

В те зимние дни уездная газета «Луч коммуны» сообщила своим читателям: «Главнокомандующий тов. Фрунзе уполномочил редакцию объявить о его радости при виде

редкой молодцеватости Красного Бугурусланского гарнизона. Пусть и дальше строительство нашей Красной Армии идет вперед такими же гигантскими шагами. Порядок, найденный тов. главнокомандующим, образцовый. Спасибо красным бойцам!»

...Ленинская биохроника. 12 солидных томов в темно-синих ледериновых переплетах. В них стараниями ученых-историков, соратников, секретарей Ильича, членов его семьи запечатлена вся жизнь великого человека — день за днем. Чем занимался, где выступал, с кем встречался, что писал, куда ездил. Драгоценный источник сведений о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина.

Раскроем том 9-й на странице 320-й. Одна из записей за 29 сентября 1920 года:

«Ленин беседует (с 12 часов) с крестьянином Бугурусланского уезда В. Н. Шашковым о разверстке и неурожае в Султангуловской волости и пишет ему удостоверение, что он не подлежит взысканию за самовольную поездку в Москву; поручает секретарю Совнаркома направить замнаркому Н. П. Брюханову на заключение бумаги, привезенные Шашковым, указывающие, что, выполнив продразверстку, крестьяне не смогут засеять поля. Просит Брюханова вернуть бумаги обратно с его заключением».

И еще одна запись за 30 сентября 1920 года:

«Ленин пишет письмо Н. Осине кому с характеристикой В. Н. Шашкова и просьбой внимательно отнестись к его делу, переговорив с ним лично...»

Две короткие записи, несколько строчек. За ними судьба простого человека, крестьянина, проехавшего в то тяжелое время почти полторы тысячи верст, чтобы не через посредников, а лично рассказать председателю Совнаркома о бедах деревни; за ними судьба Султангуловской волости, Бугурусланского уезда, всего российского крестьянства,величие и простота человека, которому волей истории суждено было стать во главе первого в мире социалистического государства.

Об этой встрече писали оренбургские журналисты Владимир Кулагин, Михаил Блехерман, Евгений Хмелевский. О ней говорится в 41-м томе Полного собрания сочинений Владимира Ильича Ленина, в воспоминаниях заместителя наркома земледелия Валерьяна Валерьяновича Оболенского (Н. Осинского), который писал:

«В 1920 году ко мне был прислан т. Лениным крестьянин т. Шашков с личной рекомендацией В. И. (рекомендовался он, как человек честный и безусловно преданный Советской власти) и с предложением расследовать на месте жительства Шашкова, куда я ехал, неправильности при сборе продразверстки. Заявления Шашкова оказались справедливыми, и неправильности были устранены».

Бугурусланский уезд был тогда одним из самых отсталых в губернии, а Султангуловская волость беднейшая в уезде. Крестьяне с трудом сводили концы с концами. Тогда на берегу Большого Кинеля, против села Султангулова, стоял небольшой хутор Молозин, названный так по имени первого поселенца. Тут жил в те годы и Вукол Никифорович Шашков.

В начале сентября 1920 года собрались молозинские мужики на сход. Привела их сюда большая нужда. Год был неурожайным, хлеба собрали мало, продразверстку не осилить, даже если и семена отдать. А у каждого дети малые. Как дальше жить, куда податься? И решили тогда послать письмо товарищу Ленину. Сочиняли, обговаривали коллективно и подписывали все, кто умел. Султангуловцы тоже поддержали молозинских мужиков. Отправили письмо, и снова сомнения — дойдет не дойдет, поймет ли Ильич суть слезной просьбы?

Письмо дошло. И по нему приняты меры. Об этом говорится в 41-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина на странице 668-й:

«Ознакомившись с письмом крестьян Султангудовской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии о невозможности выполнить продразверстку, Ленин поручает секретарю Совнаркома Л. А. Фотиевой послать заместителю народного комиссара по продовольствию Н. П. Брюханову на срочное заключение материалы, содержащие данные о разверстке и урожае в Султангуловской волости».

Такая запись была сделана 22 сентября 1920 года.

Об этом еще ничего не знали, да и не могли знать в небольшом степном хуторе Молозине — письма тогда шли долго, а порой и вовсе терялись...

И снова собрались мужики на сход. Судили-рядили — не послать ли вслед за письмом ходока — пусть самолично обскажет товарищу Ульянову-Ленину о крестьянских бедах. Были

сомнения. У вождя столько дел, столько забот. Найдет ли он время принять крестьянина? Поможет ли? Спорили долго, А потом сошлись на одном — надо послать человека грамотного, толкового, настырного. Чтобы не только дошел, но и убедил. Остановились на одной кандидатуре, конечно: Вукол Шашков пусть едет — бывший солдат, участник революции, грамотный и единственный на хуторе большевик.

Всем миром снаряжали Вукола в дорогу — собрали денег, хлеба; приготовили необходимые бумаги; и поехал Шашков в столицу. В перекидном календаре, который стоял в кабинете Владимира Ильича Ленина, на листке за 29 сентября 1920 года потом обнаружили короткую запись, сделанную его рукой: «12. Шашков». Это значило, что встреча с бугурусланским крестьянином была назначена на 12 часов. И именно в это время минута в минуту Лидия Александровна Фотиева пропустила Шашкова в кремлевский кабинет Ильича.

Ленин поднялся навстречу, протянул руку, усадил гостя в кресло. Знакомый с просьбой султангуловских крестьян по их письму и по представленным из наркомпрода данным, Ильич в беседе с Шашковым самым внимательным образом отнесся к жалобе крестьян, интересовался их жизнью, настроением. И в то же время обратил внимание на то, что в письме не все данные соответствуют истине, то есть там умышленно заниженные показатели и о засеянной площади, и о намолотах, сборах зерна. Он разъяснил Шашкову и просил его донести это до сведения всех, убедить земляков, что продразверстка в условиях тяжелой гражданской войны, экономической блокады неизбежна, без нее не обойтись, но она временна. Других путей получить хлеб пока нет. На голодном пайке рабочие, на голодном пайке — Красная Армия.

Разговор с Лениным был таким убедительным, что, вернувшись из Москвы, Вукол Никифорович стал страстным пропагандистом ленинских идей, борцом за хлеб. Он неустанно рассказывал своим землякам, султангуловцам о встрече с Лениным, причем в деталях — цепкая крестьянская память сохранила каждое слово Ильича, его жесты, интонацию, его приветливость, убежденность. Конечно, не скрывал и того, как Ленин уличил авторов письма в искажении фактов, и горячо призывал помогать молодой республике хлебом, поддерживать продовольственную политику Советского правительства.

Потом Шашкова стали звать в другие села и волости. Он охотно ездил, но скоро понял, что так долго не сможет — надо свое хозяйство вести. Тогда и отправился он в Бугуруслан, в редакцию газеты «Луч коммуны». Там его поняли и горячо поддержали. В одном из октябрьских номеров было опубликовано письмо Вукола Никифоровича Шашкова «К крестьянам Бугурусланского уезда».

«...По настоянию крестьян своей волости я... ездил в центр за разъяснениями по вопросам продовольственных разверсток и продовольственной политики нашей республики вообще, — писал Шашков. — Из разговоров с Лениным я выяснил, что продовольственным разверсткам, наложенным сельскими комиссиями, состоящими из самих крестьян, безусловно, необходимо подчиниться, а чтобы избежать со стороны комиссий ошибок, необходимо привлечь к участию в них представителей крестьянской бедноты, которая так заинтересована в продовольственном обеспечении республики».

Неприятно вспоминалось, как подвели его земляки — прижимистые султангуловцы, как пришлось из-за них краснеть в кабинете Ильича, но Вукол Никифорович честно говорил об этом читателям: «Когда т. Ленин задал мне вопрос о количестве в волости посевной площади и пробном умолоте, то списки и сведения, которые находились у меня на руках, составленные на основании показаний крестьян, при подробном рассмотрении их в сравнении с другими оказались неправильными и поставили меня в неудобное положение.

Тов. Ленин со всей очевидностью показал, что невыполнение продовольственных разверсток в настоящий тяжелый год является преступлением перед трудящимися.

Поэтому я, еще раз утверждая правильность только что сказанного, призываю товарищей крестьян к выполнению своего гражданского долга и напоминаю, что утруждением своими мелкими в большинстве случаев неосновательными просьбами мы отрываем нашего великого вождя от большой государственной работы, направленной к улучшению положения рабочих и крестьян, и тем самым еще раз делаем преступление перед трудящимися и наносим вред прежде всего самим себе».

Может быть, из беседы с Шашковым, с другими крестьянами и родилась у Ильича мысль об острой необходимости замены продразверстки продовольственным налогом, вопрос о котором

был решен спустя всего несколько месяцев — в марте 1921 года на Десятом партийном съезде. Это решение с горячим одобрением было встречено крестьянскими массами.

Но уже первый год работы в новых условиях был омрачен тяжелейшей засухой. Хлеб выгорел в тридцати губерниях, особенно в зоне Поволжья, на Украине, на Северном Кавказе. Начался голод, один из самых тяжелых в истории России, голод, охвативший огромную территорию с населением более сорока двух миллионов человек. Сколько из них погибло тогда, точно теперь не установить. Где голод, там и болезни. В разных местах вспыхивали эпидемии сыпного тифа, свирепствовала малярия. Сотни тысяч людей бросали свои родные места, уезжали в Сибирь, в «Ташкент — город хлебный», в другие края, где можно было прокормиться.

Вымирали целые деревни.

Более десяти тысяч жителей Бугурусланского уезда были вывезены тогда специальными поездами в Омскую и Томскую губернии. Это спасло их от гибели. В подавляющем большинстве своем они остались живы.

Даже сегодня, когда уже целые поколения советских людей не имеют представления о голоде, жутко читать документы тех дней. Каждую неделю из волостей поступали сводки в Бугурусланский уездный комитет РКП (б). Вот одна из них, полученная из Аверкинской волости за неделю, с 7 по 14 марта 1922 года: «Голодающих взрослых — 5882, опухших — 1431, умерших — 37. Голодающих детей — 5245, опухших — 1074, умерших — 16. Население питается лебедой, костяной мукой и прочими суррогатами.

Случаев человекоедства не было». И так каждую неделю, в каждой волости.

Годом неслыханной тяжести назвал 1921 год Владимир Ильич Ленин. Центральный Комитет партии обратился ко «всем членам и всем организациям РКП» с призывом «немедленно организовать планомерную систематическую борьбу со стихийным бедствием, создать могучую организацию помощи голодающему населению». Все силы бросила партия на борьбу с голодом, была организована Центральная комиссия помощи голодающим.

В августе 1921 года Владимир Ильич Ленин обратился к международному пролетариату. Помощь стала поступать. Именно тогда многие сотни голодающих ребятишек, в том числе из Бугурусланского и Бузулукского уездов взяли к себе рабочие семьи Чехословакии.

По призыву Максима Горького на помощь голодающим пришли выдающиеся деятели культуры — замечательные писатели Анри Барбюс, Анатоль Франс, Бернард Шоу, Теодор Драйзер, знаменитый путешественник Фритьоф Нансен, великий ученый Альберт Эйнштейн и многие другие. Особенно много сумел сделать Нансен. Он побывал в Поволжье, от Самары доехал почти до Бугуруслана. Его потрясли страшные картины голода.

«Я заранее готов был увидеть страдания, смерть и человеческое горе, — говорил Нансен в одном из выступлений в Америке, — но я не предполагал, что увижу целые селения и даже целые провинции, где все только и живут в ожидании смерти-избавительницы. Я не был подготовлен к тому, что увижу мужчин и женщин, которые доведены голодом и страданиями до самых черных деяний. То, что мы видели, описать невозможно.

...Пять недель прошло с тех пор, как я в приволжских степях видел обращенные ко мне огромные умоляющие глаза детей. Ради них и во имя милосердия обращаюсь я теперь к вам, к общественности, а через вас к правительствам. Давайте начнем действовать! Не то будет поздно!»

Хлеб стал поступать от нансеновской миссии, от Межрабпома (Международного рабочего комитета помощи голодающим), от организации американской административной помощи АРА, рабочих разных стран и от миссии папы римского. Только в течение года были собраны средства, позволившие закупить и отправить в Советскую Россию более 33 миллионов пудов продовольствия.

В крупных населенных пунктах Бугурусланского уезда было тогда организовано 175 столовых АРА, десятки нансеновских пунктов питания, в которых кормили голодающих, в первую очередь детей. Очень многим из них это спасло жизнь.

Обстановка во многих губерниях Советской России была тогда настолько тяжелой, что Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет решился на крайнюю меру. 23 февраля 1922 года ВЦИК принял декрет об изъятии церковных ценностей в целях получения средств для борьбы с голодом. Для участия в работе по реализации церковного золота в Центральную комиссию Помгола по решению Политбюро ЦК РКП (б) был включен епископ Антонин Грановский. Он многое сделал для исполнения этого решения. Однако советские органы в целом

ряде губерний откладывали проведение жизненно необходимой акции из-за противодействий служителей церкви. Это могло привести к утечке золота.

19 марта Владимир Ильич Ленин обратился с письмом к членам Политбюро ЦК РКП (б), в котором настаивал на «необходимости решительно подавить сопротивление духовенства проведению в жизнь декрета В ЦИК».

Вот тогда-то получили бугурусланские чекисты подписанный Ф. Э. Дзержинским приказ о незамедлительном выполнении декрета.

Много лет директором Бугурусланского краеведческого музея был старый чекист Семен Николаевич Шрайбман. Человек интересной судьбы, он рассказал мне однажды о том, какой вклад внесли бугурусланские чекисты в дело борьбы с голодом. В ту пору Семен Николаевич был уполномоченным ГПУ по Бугурусланскому уезду (с 6 февраля 1922 года органы ВЧК были преобразованы в Государственное политическое управление — ГПУ).

Читатели могут по-разному отнестись к тому, что поведал мне Шрайбман. Но так было. Это страничка из истории города.

— Мы знали о том, что у церквей и монастырей было много золота и других богатств, — рассказывал Семен Николаевич. — Это касалось и Бугуруслана. Здешние купцы Агеевы, Фадеевы, Клементьевы, помещики Осоргины, Дурасовы, Куроедовы и другие многие, замаливая свои грехи, щедро одаривали храмы. Богатели они за счет подаяний верующих, продажи икон, свечей и других источников. В дни гражданской войны местная знать свои драгоценности отвезла на сохранение в Покровский женский монастырь. Сюда же, за толстые монастырские стены, по нашим сведениям, тайком снесли церковную золотую утварь из Михайловского собора, Успенской и Единоверческой церквей, да еще были свои церкви в гарнизоне и в гимназии. И мы тщательно присматривали, чтобы не вывезли церковники это богатство из монастырских стен...

Известно нам было и другое. Монастырь этот назвали «осиным гнездом контрреволюции». И не без оснований. С колоколен монастырских церквей по наступающим красным полкам били из пулеметов, в монастыре прятали белых офицеров. Тут составляли списки большевиков и потом передавали белогвардейцам. Было немало и других примеров враждебного отношения монастырского начальства к Советской власти.

Тогда в уезде было около шестидесяти чекистов. Из них примерно половина в Бугуруслане. Вместе со мной пошли на «золотую операцию» Николай Сергеевич Полянский, Иван Степанович Зимин, Николай Федорович Андронов, Егоров, Андреев, Савельев, Касаткин, другие сотрудники. В состав группы вошел и фининспектор, разбиравшийся в драгоценностях. Для нас, вчерашних рабочих парней, золотом, можно сказать, было все, что блестит...

Стоял Покровский женский монастырь на взгорье, на крутом берегу Кинеля. Занимал он целый, обнесенный стеной, квартал между улицами Набережной и Орловской, Монастырской и Заводской (сейчас Комсомольская, Фрунзе, Гая и Партизанская). Издалека были видны сверкающие на солнце позолоченные маковки церквей.

Пришли чекисты к наглухо закрытым монастырским воротам, постучали. Открылось маленькое оконце. Увидели людей в красноармейской форме, в кожаных фуражках, тут же в страхе захлопнули. Стучим еще раз, предупреждаем, что мы из ГПУ, требуем немедленно позвать игуменью Серафиму.

Через несколько минут загремел засов, открылись ворота. Мы вошли на территорию монастыря. Чуть поодаль нас ждали Серафима и священник Кольцов.

— Здравствуйте, мать Серафима, здравствуйте гражданин Кольцов, — сказал Шрайбман. — Мы из ГПУ. Должны провести в монастыре обыск и конфисковать золото согласно декрету ВЦИК.

Игуменья спокойно оглядела чекистов. Промолвила только:

— Ордер на обыск...

Семен Николаевич передал ей документы. Она стала читать бумаги. Женщина представительная, лет 55–58, средней полноты, в строгом черном облачении, взгляд жесткий. Судя по рассказам о ней — очень властная. Потом, когда много лет спустя посмотрел Шрайбман спектакль «Васса Железнова», сразу вспомнилась игуменья Серафима.

— У нас ничего нет. Что было — поменяли на хлеб.

— А золото других церквей, а то, что буржуи отдавали на хранение? Тоже поменяли?

— Чужого не держим.

— Тогда будем искать сами.

Она широко развела руками, словно показывая — все у вас на глазах. И без тени волнения сказала:

— Ищите.

С нами пошли Серафима, Кольцов, потом присоединился еще священник Ананьев. Долго ходили по территории монастыря, тщательно осмотрели Зимний и Летний соборы, трапезную, другие службы, кладбище, где хоронили знатных монахинь и именитых купцов, подвалы, чердаки, на колокольню поднимались. Простукивали стены, штыками ковыряли, но и следов от тайников нигде не обнаружили.

Все тут было для нас необычным. Всюду лики святых, блеск позолоты, мерцают лампады, курится ладан, горят свечи. В кельях чистенько, монахини рукодельем занимаются. Но мы работали, старались не отвлекаться от главной цели. В Зимнем соборе увидели архиерея Понормова. В белой, богато расшитой позолотой ризе, в клобуке, высокий, плотный, широкоплечий с посохом в руке, он стоял величественный и неприступный, как скала.

— Грех на душу берете, — только и сказал.

— Поглядим, чей грех больше.

Три часа продолжался обыск и закончился, можно сказать, безрезультатно. Попалась кое-какая мелочь, может быть, специально оставленная, но ничего солидного не обнаружили. Правда, нашли запасы зерна, муки, крупы, других продуктов, даже крупчатку в одном ларе увидели, хлеб белый в трапезной.

— Люди с голода мрут, дети малые без пищи пухнут, а у вас тут на годы припасов, хлеб белый едите... Почему голодающим не поможете, детишкам?

— Подаем страждущим, — ответила игуменья. — Всех прокормить не в силах. На то власти есть...

Невеселым было наше совещание после возвращения в бывший шуваловский дом, где размещалась уездная ЧК, а теперь ГПУ. Всех тревожила мысль — неужели проворонили.

— Договоримся так, — сказал Семен Николаевич своим соратникам, — во-первых, ужесточить наблюдение, во-вторых, искать другие пути. Все-таки, думаю, не могли они вывезти золото. Не так легко им с богатством расстаться... И, в-третьих, прошу всех учесть — времени у нас в обрез. Поэтому, если у кого появится идея — бегом ко мне, даже если ночью...

Сижу, думаю, как выходить из положения. Вдруг дверь приоткрылась. Просовывает голову молодой сотрудник. Дмитрием его звали.

— Разрешите зайти?

— Заходи, заходи.

Парень, смущаясь, начал рассказывать о том, что в монастыре есть знакомая ему девушка. В миру ее Ниной звали, а в монастыре сестрой Анфисой. Живут они на одной улице. Очень она нравилась ему, но у нее жених был убит на германском фронте. С горя она в монахини постриглась. Мать у нее болеет, и игуменья разрешает Анфисе навещать ее. Может, у нее порасспрашивать...

— Мысль дельная. Только не торопись. А то бухнешь сразу. Надо осторожно, как бы между прочим попытаться выведать, не спугнуть... Давай вместе подумаем, как тебе разговор повести, чтобы она ничего не заподозрила...

Через неделю Дмитрий снова пришел ко мне. Оказалось, что Анфиса сама ему на след указала. Были, говорит, в монастыре военные, что-то искали. Но искали, видать, не там... Не спалось ей, подошла к окну, услышала приглушенные голоса. Стала присматриваться — ночь лунная была... Видела, как мать Агнесса и казначей Кириллов ходили со свертками в сарай, что у стены стоит. Там свет чуть заметный горел — фонарь, наверно. Потом еще мать Феодора, мать Маргарита, мать Секлетинья что-то туда носили, а обратно возвращались с пустыми руками. Она, может, еще что-нибудь увидела бы, но захотела спать...

Снова группа чекистов отправилась в монастырь. Чтобы не показать, что узнали, где искать, стали смотреть в других местах. Лишь часа через полтора дошли до сарая, попросили открыть замок.

— Вы же прошлый раз смотрели, там у нас хлам всякий...

— Посмотрим еще...

Стали этот хлам — старье всякое, мусор разбрасывать, — а там он чуть ли не до потолка.

Скоро поняли, что им одним тут целую неделю копаться надо. Шрайбман послал записку в уком партии, попросил помощи. Прислали почти тридцать человек из ЧОНа. Быстро всю КУЧУ раскидали. Стали землю прощупывать, весь пол штыками исковыряли. Подумалось тогда, что, видимо, успели перепрятать или посмеялись над нами. Но вдруг у самой стены штык провалился в пустоту. Еще раз — и снова пустота, потом наткнулся на что-то твердое. Стали раскапывать, достали ящики. Открыли — там свертки, развернули, вот тут и засверкало золото и драгоценные камни.

— Что это? — спрашиваю у Серафимы.

— Чаши церковные, — отвечает игуменья.

— А что же, они под мусором должны храниться?

— Нет, это в алтаре должно быть. — И тут же недоуменно спрашивает у Кольцова: — Кто же мог тут зарыть?

Тот только плечами пожимает. Фининспектор все до мелочи переписал. Тут были массивные золотые и украшенные бриллиантами кресты, чаши для причастия и многие другие церковные очень дорогие вещи. Уложили все в ящики и увезли в ГПУ. Два с половиной пуда золота тут оказалось.

— Вместе с другими чекистами я сопровождал этот драгоценный груз в ГПУ, в Самару, — сказал, завершая рассказ, Семен Николаевич. Сокровища бугурусланских храмов были переданы государственному банку для реализации на нужды ЦК Помгола.

У Александра Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ » есть страницы о том, что, по словам патриарха Тихона, церковь начала еще в августе 1921 года сбор средств в пользу голодающих. Но власти не захотели допустить прямой помощи от верующих. В декабре 1921 года Помгол предложил церкви пожертвовать для голодающих ценности, которые не имеют богослужебного назначения. Патриарх согласился. Но, видно, в руководящих кругах решили, что в таком случае большая доля золота останется у церкви. И тогда 23 февраля 1922 года был подписан декрет ВЦИК. Спустя два дня патриарх Тихон обратился к священнослужителям с посланием, в котором заявил, что подобный акт — святотатство и церковь не может одобрить изъятия. Во многих местах священнослужители организовали сопротивление, припрятывая золото.

Именно в такой обстановке проходила конфискация ценностей во многих местах, в том числе и в Бугуруслане. Эта крутая мера была вынужденной — самой неотложной помощи ждали миллионы голодающих. В истории случались такие прецеденты, когда в тяжелую годину приходилось прибегать к конфискации церковного имущества. Так, в свое время Петр Великий приказал снять колокола с церквей и перелить их в пушки. И тогда петровские жесткие меры встретили яростное сопротивление. Теперь на церковное золото, перелитое в слитки, закупили хлеб, спасли миллионы гибнущих от голода людей.

Титаническую работу провело тогда Советское правительство, партийные органы в центре и на местах и лично Владимир Ильич Ленин, Александр Дмитриевич Цюрупа и другие руководители, чтобы облегчить участь голодающих, спасти целые губернии, обеспечить крестьян семенами для весеннего и озимого сева. Меры, принятые партийными и советскими органами, дали возможность продержаться до сбора урожая 1922 года, который позволил пополнить продовольственные запасы, но окончательно справиться с тягчайшим бедствием удалось только после сбора урожая хлеба в 1923 году.

Трудно налаживалась жизнь после голода. 8 октября в Бугуруслане собрался уездный съезд Советов. Тогда же проходил уездный съезд профсоюзов. Обсуждался один главный вопрос — как преодолеть последствия тяжелого времени?

24 ноября 1922 года делегаты 2-го Бугурусланского съезда крестьянских комитетов общественной взаимопомощи послали телеграфное приветствие Владимиру Ильичу Ленину:

«...С великим торжеством встречаем радостные вести, что наш уважаемый товарищ Владимир Ильич после тяжелой болезни выздоровел и возвратился к рулю государственного управления.

...Мы же, представители крестьянства, сломив трудный момент голодовки в нашем уезде, разъезжаясь со съезда на места, еще крепче сомкнем ряды крестьянства, не дожидаясь государственной помощи, приложим все усилия к восстановлению запущенных бедных крестьянских хозяйств...»

В Бугурусланском краеведческом музее хранится такая фотография. На снимке рядом с

Председателем ВЦИК Михаилом Ивановичем Калининым крестьянин из села Красноярка Бугурусланского уезда Арсений Степанович Подкопаев. Крестьянин из-под Бугуруслана был делегатом X Всероссийского съезда Советов, который проходил в Москве 23–27 декабря 1922 года. Его избрали членом ВЦИК. А через два дня Арсений Степанович был среди делегатов от РСФСР на I съезде Советов СССР в Большом театре, где 30 декабря 1922 года был образован Союз Советских Социалистических Республик. Съезд избрал Центральный Исполнительный Комитет СССР. Членом первого состава ЦИК стал крестьянин Арсений Степанович Подкопаев. Тогда и была сделана эта фотография. Подкопаев активно участвовал в строительстве новой жизни. До конца дней своих он возглавлял в своем колхозе коллектив животноводческой фермы.

...Утром 22 января 1924 года телеграф принес в Бугуруслан скорбную весть — вчера вечером в Горках под Москвой умер Владимир Ильич Ленин.

Загудели над всей Россией прощальные гудки. В ту студеную зимнюю пору 1924 года выдающийся публицист Михаил Кольцов написал очерк «Январские дни». Может быть, вспоминая о беседе Владимира Ильича с крестьянином из Бугурусланского уезда, написал Кольцов такие пронзительные строки: «Ленина хватало на все — от Лондона до Бугуруслана».

На траурном митинге в Бугуруслане было решено установить в городе памятник великому вождю. В уездном комитете партии написали текст листовки-воззвания к населению — начать сбор пожертвований для сооружения памятника, провести субботник и подготовить площадку для его установки. Всю ночь в типографии совнархоза работали наборщики и печатники — к утру листовка была готова.

31 января 1924 года Пленум ЦК РКП (б) объявил Ленинский призыв в партию. Могучей приливной волной революции прокатился он по всей стране. 107 бугурусланцев, в основном рабочих, участников гражданской войны, были приняты тогда в ряды большевиков.

В конце апреля более тысячи человек — коммунисты, комсомольцы, беспартийные рабочие и крестьяне собрались на субботник на бывшей Соборной площади, переименованной в площадь Революции. Профсоюз ломовых извозчиков, пригородный волостной исполком, милиция и частные лица выделили более ста подвод. На своих подводах приехали и работали до позднего вечера крестьяне Султангуловской волости во главе с Вуколом Шашковым.

За день разровняли большую площадку — почти три гектара, вырыли котлован под фундамент памятника, разметили дорожки, приготовили ямы для посадки деревьев. А в середине мая, когда солнце прогрело землю, посадили деревья и цветы. Новый городской сад назвали именем Ленина.

7 ноября 1925 года тысячи бугурусланцев пришли на митинг, посвященный открытию памятника. Под звуки «Интернационала» спало покрывало, и взорам собравшихся предстал отлитый из бронзы Ленин с призывно вскинутой рукой. На постаменте короткая надпись: «Владимиру Ильичу Ульянову-Ленину» и две даты: «1870–1924». Это был один из первых в этих краях памятников Ильичу (Оренбургский открыт всего на полгода раньше). Кстати, и сделаны они по одной и той же фотографии, выполненной в мае 1919 года во время выступления Владимира Ильича на открытии в Москве памятника Степану Разину.

Постепенно, с годами страна набирала силу. Но решать задачи социалистического строительства было невероятно трудно во многом еще и потому, что большинство населения, особенно в отдаленных, «темных уголках» (так писали в письме В. И. Ленину крестьяне Секретарской волости Бугурусланского уезда) было малограмотным и совсем неграмотным. Возрождая народное хозяйство, борясь с разрухой, надо было ускоренным путем решать и вопросы культурного строительства, борьбы с неграмотностью.

По данным Бугурусланского уездного отдела народного образования, в 1925 году в уезде в возрасте от 13 до 35 лет было 132 712 совершенно неграмотных, в том числе 74 503 женщины. Велика была неграмотность среди подростков. Почти 49 тысяч мальчишек и девчонок от 13 до 17 лет не умели читать и писать.

С каждым годом вырастало количество учебных заведений, учреждений культуры. Росло и число учащихся. Сохранились сравнительные данные 1924/25 и 1925/26 учебных годов. Если в первом случае в уезде было 338 школ I и II ступени, семилеток, школ крестьянской молодежи, то во втором — уже 383, то есть больше на 45 школ, а число учащихся в них соответственно 27 931 и 31 763. Только за один год количество библиотек выросло с 5 до 15, а изб-читален — с 26 до 30. Однако это было только начало огромной работы.

В июле 1928 года декретом ВЦИК была образована Средне-Волжская область. В нее вошли 8 округов, в том числе Бугурусланский и Оренбургский. Бугурусланский округ и при новом делении был огромным — в него входили 12 районов, 374 сельсовета, 1841 населенный пункт с населением 739 965 человек. Если Средне-Волжская область была одной из самых слабых в Российской Федерации в индустриальном отношении, то Бугурусланский округ оказался, как тогда писали, «слабее всего индустриализованным на Средней Волге».

В конце 1929 года область была преобразована в Средне-Волжский край. Остались те же округа. Только в Бугурусланском уезде теперь стало 13 районов: Челно-Вершинский, Сергиевский, Клявинский, Микушкинский, Кинель-Черкасский, Байтугановский, Сталинский, Сок-Кармалинский, Бугурусланский, Коровинский, Асекеевский, Абдулинский, Пономаревский. Из всех округов Бугурусланский был самым многонациональным — при подавляющем большинстве русского населения тут жили мордва, украинцы, чуваши, татары, немцы, башкиры...

В августе 1930 года округа упразднили, в жизнь вошло районное деление. Бугуруслан стал районным центром.

В Бугуруслане выходила тогда газета «Пахарь» — орган окружкома партии, окружного исполкома, окружного бюро профсоюзов и городского Совета.

15 октября 1928 года газета посвятила весь номер культурному походу. На развороте общая «шапка», от которой веет романтикой тех дней: «Сегодня и завтра и каждый день — мы старые пни выкорчевывать будем».

Газета сообщала, что Бугурусланский округ — «самый отсталый в области». На каждые сто человек мужчин приходится 51 неграмотный, а женщин — 79.

«Что перевешивает — дурман или культура?» В такой информации говорилось о том, что в Бугурусланском округе с населением 714 тысяч человек насчитывается 34 винных лавки и 33 пивных. А библиотек, изб-читален насчитывалось только 75. На каждые 10 тысяч человек приходилось одно культурное учреждение.

В Бугуруслане открываются новые учебные заведения. Еще в 1921 году был основан педагогический техникум. В 1928 году тут начало действовать чувашское отделение. Потом на базе техникума создали два педучилища — русское и татаро-башкирское (В 1939 году они были преобразованы в учительский институт, а затем, уже в послевоенные годы, — снова в педучилище).

В 1930 году открылся сельскохозяйственный техникум с двумя отделениями — зернового хозяйства и организации колхозного производства.

1 октября 1930 года в здании педагогического училища начались занятия в еще одном новом учебном заведении — медицинском училище. Директором и одновременно заведующим учебной частью был назначен известный в городе врач, бывший чапаевец Евгений Васильевич Волженский. В 1933 году тут состоялся первый выпуск акушерок. Спустя два года училище становится техникумом с акушерским и фельдшерским отделениями. Тогда же он получил отдельное помещение в доме № 105 по улице Фрунзе, в том самом, в котором в 1919 году находился штаб Южной группы войск Восточного фронта (потом техникум был снова преобразован в медицинское училище).

В 1929 году в Бугуруслане основан краеведческий музей. Вначале он размещался в кафедральном соборе. Его возглавил краевед, старый топограф Александр Леонтьевич Аниховский. С помощью других энтузиастов он сумел собрать, систематизировать и удачно разместить множество экспонатов.

При основании музея ему «на обзаведение» ассигновали 28 рублей и 41 копейку. После восьми лет деятельности музея за большую работу по пропаганде родного края он получил 11 премий, в том числе премию Народного комиссариата просвещения СССР — 10 тысяч рублей. В музее была картинная галерея, минералогический, палеонтологический, археологический, естественный, исторический, кустарно-промышленный и медицинский отделы, а также научная библиотека.

Когда-то, в том числе и в первые годы Советской власти, в Бугурусланском уезде основным пахотным орудием была деревянная соха.

Этих примитивных орудий земледелия в 1920 году насчитывалось в уезде 16 300 штук. Но когда создавали музей, соху нашли не без труда. И не только соху, но и деревянную борону, молотильный каток, ручную мельницу, светец для лучины, самопрядку и другие предметы

крестьянского быта.

В картинной галерее выставлялись подлинники известных живописцев: ранний этюд Левитана, работы Крыжицкого, Самокиша, других русских и зарубежных мастеров. Что-то было оставлено бежавшими помещиками, что-то конфисковано у местных богатеев.

— Не раз приезжали из Третьяковской галереи, просили продать, — говорил Семен Николаевич Шрайбман — директор музея в военные и послевоенные годы. — Однажды явились искусствоведы с приказом Министерства культуры о передаче картин. А я не отдал... Так и сказал им: в Москве они будут лежать в запасниках. А тут люди приходят, любуются. Вы что же, считаете, что в Бугуруслане не должно быть настоящей живописи?..

Это события из жизни города. А как жили в этот период сельчане?

В конце двадцатых годов в Бугурусланском округе, как и по всей стране, развернулась коллективизация. В селах было создано 624 колхоза. Они объединили около 70 тысяч бедняцких и середняцких хозяйств. В весенние дни 1930 года начали действовать первые машинно-тракторные станции. Тогда местные власти с гордостью отрапортовали, что Бугурусланский округ стал округом сплошной коллективизации...

Еще в ноябре 1919 года, выступая на совещании по партийной работе в деревне, Владимир Ильич Ленин сказал:

«Среднему крестьянину мы говорим: «Ни о каком насильственном навязывании перехода к социализму не может быть и речи»... Здесь может быть только действие примером, удачной постановкой общественного хозяйства. А для того, чтобы показать пример артельного, товарищеского труда, нужно сначала самим удачно организовать такое хозяйство».

Владимир Ильич советовал не допускать торопливых шагов, неправильного подхода к делу. Но советы Ленина были забыты. Ленинский кооперативный план Сталин подменил своим планом насильственной, поспешной коллективизации и ликвидации кулака, как класса.

Еще до проведения этой кампании в Бугуруслане, как, впрочем, и везде, были составлены списки крестьянских хозяйств, подлежащих раскулачиванию. На первых порах местные активисты пребывали в сомнении — кого считать кулаком? Сельские богатей, применяющие наемный труд, не вызывали у них сомнения, хотя никто не отменял постановление 1921 года, разрешающее им пользоваться. А как быть с другими? На помощь поспешили центральные органы. 21 мая 1929 года Совет Народных Комиссаров СССР принял специальное постановление «О признаках кулацких хозяйств». Какими же они были, эти «признаки»? Как разъяснялось в этом документе, к кулацким причислялись такие крестьянские хозяйства, у которых объем имевшегося имущества превышал средний для этой местности уровень (если, например, у крестьянина две-три коровы, дом не из самана, а кирпичный дом, или дом под железной крышей, и т. п.).

Короче говоря, к раскулачиванию намечалась наиболее активная, опытная и трудолюбивая часть крестьянства, те, кто своими руками, собственными силами и стараниями выбились из нужды, кто умело вел хозяйство.

Так, по стране было ликвидировано более миллиона крестьянских хозяйств — около 8 миллионов человек. Еще более «округленную» цифру назвал Сталин Черчиллю — 10 миллионов человек. Были разорены хозяйства зажиточных середняков, настоящих тружеников. Сотни бугурусланцев сослали тогда в Сибирь. Большинство из них не вернулось из ссылки. Коллективизация проходила в острой обстановке, сопровождалась насилием. Она вызвала взрыв возмущения, а кое-где и вооруженное сопротивление. Принятые репрессивные меры привели не к увеличению сельскохозяйственного производства, а к сокращению его. Все это в конечном итоге завершилось голодом. Как голод 1921 года стал следствием гражданской войны, политики «военного коммунизма», так голод 1933 года явился продолжением коллективизации, проведенной в основном насильственным путем. По подсчетам специалистов, тогда погибло от трех до четырех миллионов человек.

Понадобились годы, чтобы возродить деревню. Только в конце тридцатых годов, в предвоенную пору, колхозы стали набирать силу... 7 декабря 1934 года по постановлению ВЦИК из Средне-Волжского края была выделена Оренбургская область. В ее состав вошел и Бугурусланский район. Что собой он представлял в те дни, насколько изменился город? Об этом можно судить по данным статистическо-экономического справочника на 1 января 1935 года.

Население Бугуруслана составляло тогда 18 тысяч человек. «Направление промышленности определяет сельскохозяйственный характер района», — говорилось в

справочнике. Самыми крупными предприятиями города были мельница № 7 союзного значения, небольшой мясокомбинат, введенный в эксплуатацию в 1931 году, железнодорожная станция, кирпичный завод «Сажерез» и типография газеты «Колхозная правда». Действовали пять артелей: «Победа», выпускавшая мебель, телеги, сани; «Красный канат» — ее продукция: веревки, кули, рогожи; «Стрела», дававшая остродефицитные мыло, колесную мазь, пеньку. Две артели — «Красные бойцы» и «Новый мир» — объединяли сапожные, швейные, деревообрабатывающие производства, выпечку хлеба, изготовление кондитерских изделий.

Жилищный фонд составлял 85,2 тысячи квадратных метров, в среднем 4,7 квадратных метра на одного жителя. Была небольшая электростанция мощностью 176 киловатт, Дом колхозника на 260 мест с двором, вмещающим до 500 подвод, пожарный обоз с 4 конными ходами.

Общая протяженность улиц равнялась 61,8 километра, из них мощеных всего лишь 4,2. Зеленые насаждения составляли 6,2 гектара. Торговлю в городе вели три государственных и 18 райпотребсоюзовских магазинов.

В Бугуруслане работал Дом социалистической культуры, театральная площадка на 450 мест, два киностационара, краеведческий музей.

Народное образование было представлено девятью начальными школами, одной семилетней и одной средней. В них было 2255 учащихся, уроки вели 62 учителя. Работали два техникума — педагогический (206 учащихся) и сельскохозяйственный (361). Кроме того, действовала Бугурусланская чувашская совпартшкола. Механизаторов для северных районов области готовила тракторная школа.

Небогатой была медицинская служба — две больницы на 140 коек, малярийная станция, поликлиника, которая размещалась в бывшем полицейском управлении, аптека. В то время в городе работал 21 врач и 27 средних медицинских работников.

В районе было три машинно-тракторных станции — первая и вторая Бугурусланские и Пилюгинская, 50 колхозов и один совхоз.

Первая нефть Оренбуржья

На юго-восточной окраине Бугуруслана стоит на склоне горы неброский, даже, пожалуй, скромный памятный знак. Он установлен в честь трудового подвига оренбургских нефтяников. Именно на этом месте, в слободке за речкой Тарханкой, в конце улицы Пионерской, более полувека назад — 26 июля 1937 года — скважина № 1 дала первую промышленную нефть Оренбуржья.

Но история оренбургской нефти своими корнями уходит глубоко в прошлое. О том, что между Волгой и Уралом, в том числе и в окрестностях Бугуруслана, обнаруживались выходы нефти на поверхность земли, было известно давно. Об этом, например, более чем 280 лет назад сообщалось в первой российской газете «Ведомости о военных и иных делах...», основанной Петром I. В третьем номере «Ведомостей» — маленькой газеты блокнотного формата, умещавшейся на ладони, — была опубликована такая предельно лаконичная информация: «Из Казани пишут: на реке Соку нашли много нефти...»

А дело было так. Летом 1752 года татарский волостной старшина Надыр Уразметов обнаружил недалеко от берега Кармалы черную жидкость, вытекавшую из трещины на обрывистом склоне холма. Предприимчивый первооткрыватель налил «земляное масло» в бутылки, бережно уложил в возок и за тысячу верст повез в Петербург, в берг-коллегию (тогдашнее, можно сказать, министерство геологии). Вернулся в родные места с Указом, по которому ему с сыном Юсупом разрешалось «на речке Кармале завод завести, для которого они поблизости четыре нефтяных ключа сыскали». Спустя два года Уразметов приступил к строительству завода. Стройка продолжалась несколько лет (и тогда были долгострои). А потом Уразметов умер, и нефтеперегонный завод так и не состоялся.

О нефтяных ключах и озерах, которые «производят дух весьма противный», писал в «Топографии Оренбургской», увидевшей свет в 1762 году, известный историк нашего края Петр Иванович Рычков. Потом о нефтяных выходах писали побывавшие в этих местах академики Иван Иванович Лепехин и Петр Симон Паллас.

Об источниках нефти сообщала сто с лишним лет назад газета «Оренбургские губернские ведомости»: «...из ключевых жил выплывает на поверхность нефть... задерживается она в ручье

перегородками из жердей или досок. По мере накопления ее счерпывают деревянными ковшами и сливают в бочонки или бутылки... Из этих ключей владельцами собирается нефть до десяти пудов».

Потом не раз еще писали об этом газеты. И пришло время, когда судьба довольно обширной нефтеносной провинции — а выходы нефти обнаруживали тут в разных местах — заинтересовала и русских, и особенно иностранных капиталистов. Одним из первых эти места обследовал еще в 1841 году английский геолог Мурчисон.

Было в царской России так называемое «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель». Эти шведские капиталисты были одними из крупнейших нефтепромышленников, одними из богатейших людей в мире. Один из них стал потом учредителем знаменитого фонда нобелевских премий. Прослышав о перспективности степей Заволжья, в начале XX века снарядили Нобели экспедицию на поиски нефти. В районе деревни Камышлы и около Байтугана начались буровые работы. Но вернулись искатели к своим хозяевам ни с чем — нет промышленной нефти.

Словно состязаясь друг с другом, посылают экспедиции в районы Ишимбаево, Бугуруслана, в окрестности Самары, в заволжские татарские села английский синдикат «Казан Ойл Филд», бельгийская фирма «Браун и компания», товарищество «Трузе и компания», настойчиво ведут поиски нефти американец Шандор и русское акционерное общество «Демин и компания». Сравнительно легко получали они в министерстве земледелия и государственных имуществ дозволительные свидетельства на проведение разведок на нефть и приступали к бурению. Но разведки тех лет были безрезультатными.

Академик Иван Михайлович Губкин как-то отметил любопытную деталь — разведки на нефть в Заволжье вели предприниматели, так сказать, второго порядка, технически слабо вооруженные, имевшие малые капиталы. «Нефтяные киты и акулы проявляли к поискам и разведкам на нефть явное равнодушие».

Позднее выяснились причины такого отношения. Нащупав нефтеносные структуры, геологические партии Нобеля свернули поиск. Открытие новых нефтяных районов повело бы к снижению цен на нефть и сокращению баснословных прибылей. Представители фирмы братьев Нобелей объезжали перспективные районы и подписывали секретные договора с сельскими крестьянскими обществами о том, что они не позволят вести на их землях какие бы то ни было горные работы. За это старостам платили большие деньги.

А скоро грозовой шквал революции смел и Нобелей, и Демина с компанией, и синдикаты, и акционерные общества.

В тяжелейшие первые годы Советской власти те дни, когда на просторах громадного государства еще бушевал пожар гражданской войны, когда терзали нашу землю иноземные захватчики всех мастей, и в послевоенную пору страна задыхалась от голода, разрухи, топливного кризиса. Тысячи проблем, одна сложнее другой свалились на плечи молодого, делающего первые шаги Совета Народных Комиссаров — первого Советского правительства. Особенно остро ощущались нехватка хлеба и топлива.

В целом ряде выступлений, писем, телеграмм тех лет Владимир Ильич Ленин настоятельно требовал всемерно усиливать добычу нефти в старых районах, вести поиски новых месторождений. Многие документы непосредственно касаются Оренбуржья.

...Летом девятнадцатого года ехал по делам на легком тарантасе старый большевик Яков Никитович Старостин. Рабочий депо Казанской железной дороги, участник трех революций, он был направлен в Заволжье на партийную работу. Не доезжая до деревни Михайловки, увидел пруд и решил напоить лошадь. Но когда подъехал поближе, был несказанно удивлен — поверхность пруда покрывала радужно переливавшаяся на солнце нефтяная пленка.

Когда Старостин спросил у председателя здешнего комбеда, откуда тут нефть, тот ответил, что не только в этом пруду, но и других окрестных водоемах вода издавна непригодна для питья.

— И деды наши, и прадеды, и мы теперь, когда нет дегтя, собираем эту жижу и колеса у телег смазываем... С родниковой водицей выходит эта чернота...

Старостин сразу предположил: если нефть сама выходит из глубин, значит, ее там много. Об этом он написал в письме Владимиру Ильичу Ленину.

Вскоре газета «Экономическая жизнь» опубликовала две крупные статьи о нефти в Поволжье. А в сентябре 1919 года Высший Совет Народного Хозяйства заслушал доклад видного

ученого И. М. Губкина и принял решение создать управление по нефтяным работам в Волжском и Уральском районах, которому предписывалось незамедлительно начать разведку.

В один из первых дней октября В. И. Ленин пригласил Ивана Михайловича Губкина. Беседа шла о разведываемых месторождениях, в частности, о нефти в Оренбургской губернии. Владимир Ильич высказал пожелание — проверить данные о нефтеносности этих мест и ускорить работы в Волжском и Уральском районах.

Вскоре Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров об ассигнованиях для проведения геолого-разведочных работ на нефть в Казанской, Симбирской, Самарской и Уфимской губерниях (в то время Бугурусланский уезд входил в состав Самарской губернии).

Не удалось тогда найти нефть. Пробурили в разных местах Заволжья тринадцать скважин, и все они оказались «сухими». Только в районе Бугуруслана одна из скважин обнаружила небольшие запасы загустевшей, так называемой «гудронной нефти». Оборудование тех лет было несовершенным, бурили мелко. Как отмечал позднее Губкин, «все эти буровые скважины просто не дошли до нефти».

Академик Губкин настоял на проведении комплексных поисково-разведочных работ на всем огромном пространстве между Волгой, Камой и Уральским хребтом. Тем более, что первая нефть в этом регионе была уже получена в апреле 1929 года, когда при оконтуривании месторождения калийных солей в Верхних Чусовских Городках с глубины чуть более 300 метров совершенно неожиданно ударил нефтяной фонтан.

Геологические партии начали разведку по всему возможному нефтяному меридиану вдоль западного склона Урала. В 1931 году первые экспедиции «Востокнефти» приступили к работе на территории Оренбургской области (тогда она еще входила в состав Средне-Волжского края) у села Каировка Саракташского района, возле Краснояра Соль-Илецкого района, под Бугурусланом.

Крепнущей индустрии страны нужны были нефть и уголь. Наркомат тяжелой промышленности, который возглавлял пламенный большевик Григорий Константинович Орджоникидзе, принял самые энергичные меры для организации нефтяной базы в районах склонов Уральского хребта.

В конце 1935 года в южных районах Оренбуржья уже работали шесть геолого-разведочных, электроразведочная, гравиметрическая и семь топографических партий; 60 инженеров и техников, более 100 рабочих вели поиски нефти на довольно обширной территории — десять тысяч квадратных километров, — то есть почти на десятой части всей площади области. На Бугурусланском поднятии работы по структурно-геологической съемке возглавил геолог, член партии с 1919 года Константин Романович Чепиков.

Несмотря на целый ряд неудач, многие геологи верили в большую нефть Оренбуржья. 16 ноября 1936 года в областной газете выступил геолог И. Безруков, руководивший разведкой на нефть в 30 километрах к юго-востоку от Оренбурга.

«Нефть в Оренбургской области есть, — уверенно писал он. — Не может быть, чтобы район, расположенный между двумя крупными нефтеносными районами (с севера — Ишимбаево, с юга — Эмба), не задержал в своих недрах нефти. Тем более, что по геологическому строению Оренбургская область родственна Стерлитамакскому району, где вступило в эксплуатацию мощное месторождение нефти (Ишимбаево), дающее ежесуточно 3500 тонн нефти.

Разведчики оренбургской нефти верят в начатое дело. Будем надеяться, что в недалеком будущем в Оренбуржье будет создан трест «Оренбургнефть».

С самым пристальным вниманием следили за работой геологов местные партийные органы. Только в 1935–1936 годах бюро областного комитета партии обсудило вопросы: «О разведках на нефть в Оренбургской области на 1935 год», «О ходе нефтеразведок», «О бугурусланских битумах», «Сообщение начальника «Востокнефти» тов. Чепикова о ходе нефтеразведок и разведок на асфальтит».

В 1935 году в нескольких километрах от Бугуруслана, у Новостепановки, случилось таинственное явление, взбудоражившее весь город. Среди белого дня вдруг словно ударил раскат грома. Из земли полетели камни, резко запахло серой. Недалеко от этого места на стогу сена спали пастухи. Взрывной волной стог сдуло, как пушинку. Насмерть перепуганные пастухи помчались в город. Скоро сюда приехали геологи. Они увидели в нескольких десятках метров от берега Кинели огромную воронку, в которой бурлила, пузырилась вода. Выделялся газ с запахом сероводорода. Оказалось, что это прорвался по подземным трещинам газ от буровой, которую закрыли наглухо

на довольно большом расстоянии — около километра отсюда.

Случай помог ускорить выход и на большую нефть. Неподалеку от Бугуруслана, среди холмов, рядом с лесом стоял ничем не примечательный, маленький, всего в 16 дворов, поселок Садки, названный так потому, что по холмам почти рядом были заросли дикой вишни. Жили здесь колхозники четвертой бригады колхоза имени Крупской. В 1935 году очень уродился у них картофель. Сдали, что положено, государству, засыпали в хранилище на семена, на общественное питание, раздали по трудодням. Куда остальное девать? И тогда бригадир четвертой бригады Иван Веденеевич Симонов поручил колхозникам Александру Зуеву и Николаю Кострюлину рыть еще один погреб для хранения. Место отвели у колхозных амбаров.

Землекопы приступили к работе. Когда углубились примерно на метр, наткнулись на черный грунт. Он рассыпался как песок. Стали рыть дальше. Но чем глубже, тем труднее становилось копать. Пришлось рубить лопатой. «Уголь», — решили колхозники. У ямы перебывали все жители поселка. Ребятишки отнесли несколько черных, поблескивающих на солнце кусков в соседнее село и показали учителю Александру Андреевичу Игаеву. Он осмотрел образцы. Похоже на уголь, но запах странный — отдает нефтью. Учитель отправился в Бугурусланский музей к заведующему Александру Леонтьевичу Аниховскому, показал черные камни.

— Где вы это нашли?

— В погребе...

— Как в погребе?

Игаев рассказал, как было дело.

В тот же день они вместе отправились в Садки. Заложили шурф, прошли до четырех метров, но пласт «черного грунта» уходил все дальше в глубь земли. Аниховский высказал предположение, что это бурый уголь с большим содержанием битума.

Образцы отправили в Куйбышев, в индустриальный институт. Скоро оттуда пришло сообщение, что черный камень — это довольно редко встречающийся в природе минерал — асфальтит — твердый продукт окисления нефти. В садкинском асфальтите оказалось до 70 процентов ценных смолистых веществ.

Детальное обследование месторождения, проведенное геологами, показало, что запасы асфальтита превышают здесь один миллион тонн.

Центральная химическая лаборатория Наркомата местной промышленности РСФСР проанализировала сто проб садкинских асфальтитов. В заключении, подписанном профессором Серб-Сербским, говорится: «По своим физико-химическим свойствам садкинские асфальтиты близки к гильсонитам и могут быть отнесены к лучшим сортам.

...На основании полученных данных можно считать установленной пригодность отечественного асфальтита Садкинского месторождения для применения в лакокрасочной промышленности и возможность замены им импортного гильсонита и дефицитного дорогостоящего печорского асфальтита».

В Садках началось строительство рудника. «Новый Тринидад» — так писали о Садкинском месторождении газеты, любившие в те годы такие звонкие сравнения. А «Тринидад» потому, что с этого далекого острова в Карибском море ввозили в нашу страну, покупали за золото большое количество гильсонита — тугоплавких битумов, очень нужных для получения пластмасс, изоляционных материалов, для лакокрасочного производства и других нужд.

Уже 27 февраля 1937 года первые семь вагонов асфальтита были отправлены на предприятия Ленинграда, Москвы, Красноярска. Вскоре на московском лакокрасочном заводе «Красный маляр» из садкинских асфальтитов был получен высококачественный черный лак.

Почти полвека, до 1985 года, Садкинский рудник бесперебойно обеспечивал асфальтитом многие предприятия страны. В последние годы здесь добывалось до тысячи и более тонн асфальтита в месяц.

Асфальтит — спутник нефти. Поэтому Садкинским месторождением заинтересовались Ломоносовский институт Академии наук СССР и трест «Востокнефть». В Садки приехала группа специалистов-геологов и нефтяников. А вскоре трест «Востокнефть» в срочном порядке направил в район Бугуруслана поисковые партии.

Еще в 1936 году геолог Яков Семенович Никитин выявил целый ряд так называемых поднятий (изгибов в земной коре), характерных для районов с промышленной нефтеносностью. С

учетом этих материалов был составлен проект структурной разведки бугурусланского поднятия, представляющего наибольший интерес.

Первые разведочные скважины, заложенные на окраине города, на северном крыле так называемой бугурусланской складки, дали явные признаки нефти — выбросы газов и смеси нефти с водой. 5 июня бригада бурового мастера Павла Никитовича Тощева под руководством геологов Г. А. Кузнецова и С. Л. Герцрикена начала проходку скважины № 1. Бурильщиками в бригаде были Е. И. Востриков, И. Гайрклин, М. Ф. Гетманов, Х. Гибадуллин, В. Я. Красницкий, Л. В. Лайков, Г. Ф. Распивин.

Спустя месяц бурение пришлось остановить на глубине 268,5 метра. В час ночи из скважины стало выбивать воду и газ. Сильное фонтанирование продолжалось до утра. Прошли еще десять метров. И снова выбросы воды и газа. Опять пришлось приостановить работу. 11 июля скважина была поставлена на испытания. Нефтеносность первого горизонта была подтверждена.

Чтобы обезопасить работу на буровой, из Баку самолетом доставили превентер — массивную металлическую задвижку. Те, кто был тогда на буровой, вспоминали, что после установки стальной задвижки газ заревел с такой силой, что люди в страхе отшатнулись. Но это был уже рев укрощенного зверя. 25 июля бурение скважины № 1 возобновилось. На глубине 285 метров обнаружили нефтеносные пористые пески. Начались фонтанные выбросы нефти. Тугая маслянистая струя с огромной силой била вверх и, обессилев, падала на землю нефтяным дождем.

— Мы в тот день гоняли футбольный мяч на школьном дворе, — вспоминает один из старейших нефтяников Евгений Петрович Токарев. — Позади была семилетка, шли каникулы — пора беззаботная. Вдруг кто-то из мальчишек прибежал и сказал, что за слободкой бьет нефтяной фонтан аж до самого неба... Тут же футбол был забыт, перегоняя друг друга, мы все побежали туда. По дороге к нам присоединялись слободские мальчишки...

Еще издали увидели черный столб, фонтан со свистом вырывался из-под земли. До неба он, конечно, не доставал, но поднимался высоко, метров, пожалуй, на двадцать. Поодаль, у первых домов на Пионерской улице, толпились люди — многих привлекло невиданное прежде зрелище.

К вышке нас и близко не подпустили. Все вокруг было залито нефтью.

— Не подходите, опасно, — говорили измазанные нефтью бурильщики. — А вот мальчишек пропустите вперед, мы их по-своему крестить будем. Глядишь, и вырастут нефтяники из наших крестников...

Не без опаски приближались мы к человеку, который держал ведро с нефтью. Но он улыбался, и мы осмелели. А он, обмакнув в нефть руки, мазал нам лбы, носы, щеки.

— Как тебя звать, сынок?

— Женька... Токарев...

— Быть тебе, Женька Токарев, нефтяником...

В общем-то это «крещение» привело к тому, что со временем мы почти всем классом ушли работать на промыслы.

Здесь уместно добавить, что Евгений Петрович Токарев проработал в нефтяной промышленности 39 лет. Был коллектором, оператором по добыче, электриком, прибористом. Только однажды случился перерыв в его трудовой биографии, когда уходил на фронт. Воевал артиллерист Токарев под Москвой; у Спас-Деменска был ранен; полгода скитался по госпиталям и вернулся после выздоровления в свой трест «Бугурусланнефть».

Фонтан заглушили. 26 июля началось тартание желонкой (старый способ добычи нефти из скважины при помощи узкого металлического сосуда с клапаном внизу. — В. А.). Оно за шесть часов дало пять тонн чистой нефти — первой нефти Бугуруслана и всего Оренбуржья.

Радости нефтяников не было предела. Наконец-то сбылись чаяния и надежды. В тот же день дали телеграмму в Оренбург: «Нефтяники просят передать через газету «Оренбургская коммуна» трудящимся области свои поздравления с получением первой бугурусланской чистой нефти в количестве, подтверждающем богатую нефтеносность Бугурусланского района».

Разведчикам, получившим первую нефть в нашем степном крае и затем подтвердившим крупные запасы «черного золота» (начальником разведки был Н. А. Ермохин), было чему радоваться. Во-первых, новое перспективное месторождение открыто не в пустыне, не в тундре, а в обжитом районе, рядом с железной дорогой и крупной станцией, буквально у берега многоводной реки Большой Кинели. А совсем недавно, например, чтобы взять богатства Ишимбаевских промыслов, туда пришлось построить 177-километровую железнодорожную

линию, затратить на это дело огромные средства. Во-вторых, нефть была найдена на очень небольшой глубине, редкой в нашей стране, всего 250–300 метров, буквально под ногами. Это обеспечивало быстроту и дешевизну проходки скважин, а следовательно, и невысокую себестоимость добычи. В-третьих, месторождение находилось сравнительно недалеко от действующих нефтеперерабатывающих заводов. В-четвертых, анализы показали высокое качество бугурусланской нефти, большое содержание в ней светлых продуктов. Все это создавало очень благоприятные условия для ускоренного развития Бугурусланского нефтяного района.

...В те летние дни областная газета ежедневно публиковала сообщения из Бугуруслана. «Бугуруслан в ожидании нефти», «Испытания скважины», «Нефть есть!», «Началось бурение второй скважины», «Забил газовый фонтан», — даже по газетным заголовкам можно судить о напряженных буднях разведчиков недр и нефтедобытчиков. За ними героический труд людей особой профессии, работающих в очень сложных, не похожих на работу в других отраслях условиях — в любое время года, в любую погоду под открытым небом.

Открытие нефти всколыхнуло, нарушило неторопливый, спокойный ритм жизни небольшого степного города. На склоне горы ив низине, буквально рядом с домами поднялись на тридцатисемиметровую высоту деревянные буровые вышки, разорвали тишину своим могучим ревом двигатели буровых станков. Началось рытье котлованов под огромные резервуары. Всего лишь в километре от центра города стал рождаться первый в Оренбургской области нефтяной промысел.

Нефть не знает ни выходных, ни праздничных дней. Круглые сутки вращались роторы буровых станков, бесперебойно несли вахту бурильщики, каротажники, промысловики. И хотя в те первые месяцы в Бугуруслане был еще сравнительно небольшой коллектив нефтяников — всего 230 человек, — в городе теперь все дышало и жило нефтью. Всюду только и разговоров об уфимском горизонте, о бурении, о дебите скважин, о перспективах развития промысла.

Но город и район жили не только нефтью. Было много других дел и забот.

В те дни в Бугуруслане и селах района можно было увидеть плакаты: «Даешь кок-сагыз!» История их возникновения такова. Страна бурно развивала автомобильную и авиационную промышленность. Эти и другие отрасли тяжелой индустрии требовали огромного количества резины. Для ее получения приходилось закупать за рубежом каучук, платить за него золотом. Капиталистические страны под разными предлогами сокращали поставки этой продукции. Поэтому интенсивно велась подготовка к выпуску синтетического каучука по методу советского ученого С. В. Лебедева. В спешном порядке для этой цели строились заводы.

Пока же по просьбе наркома тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе в разных зонах страны начали выращивать каучуконосы — кок-сагыз и тау-сагыз. В Оренбургской области одними из первых за это взялись в Бугурусланском районе. Эти травянистые сложноцветные растения содержали каучук в небольших количествах, но и они хоть в какой-то степени выручали.

В Бугурусланском районе, куда каучуконосы завезли с Тянь-Шаня, еще в 1938 году стали выращивать в лесном питомнике кок-сагыз, тау-сагыз и крым-сагыз. Первым взялся за это совершенно новое дело лесовод-опытник Солодников. Потом с опытных делянок каучуконосные растения шагнули на колхозные поля. Особенно хорошо прижился на бугурусланской земле кок-сагыз. В 1936 году урожай сырых корней составил 15 центнеров с гектара. Причем в корнях бугурусланского кок-сагыза оказалось до 13 процентов чистого каучука, тау-сагыза — 5,6. Каждый гектар давал до 82 килограммов чистого каучука. Это была очень выгодная культура.

Немалый доход приносили колхозам и посевы эфиромасличного растения — кориандра. Когда после окончания молотьбы богатого урожая кориандра подвели итоги, оказалось, что самый высокий урожай — по 7,6 центнера с гектара — получили в колхозе имени Блюхера. Каждый гектар дал тут по 14 750 рублей прибыли. Это хозяйство получило тогда премию Наркомзема.

В 1935 году на холмистой окраине Бугуруслана, на базе старой кумысолечебницы, открыли областной детский костно-туберкулезный санаторий пока всего лишь на 15 коек. Сюда приехала поправлять здоровье первая группа ребятишек. А спустя три года тут было построено еще одно светлое, просторное здание на 50 коек. Санаторий был оснащен современной лечебной аппаратурой.

Налаживалась культурная жизнь Бугуруслана. Знаменательным событием стала проведенная в ноябре 1936 года выставка художника Н. К. Краснова. После окончания в 1930 году Академии художеств в Ленинграде он вернулся в родной Бугуруслан. И вот первая персональная

выставка — художник вынес на суд земляков свои произведения за последние шесть лет. Правда, часть работ пришлось представить в репродукциях. Картины «Дивизия Чапаева» и «Гибель Толмачева» приобрел Московский музей Красной Армии, «На Колчака!» — Ленинградский Музей Революции, «Демонстрация в 1905 году» — Куйбышевский музей.

Н. К.Краснов сначала работал учителем, в годы гражданской войны воевал на Восточном фронте, встречался с М.В.Фрунзе, В.И.Чапаевым, Д. А. Фурмановым. Тогда были сделаны первые карандашные наброски.

В Бугуруслане тогда не было помещения, в котором можно было бы устроить выставку с учетом элементарных требований. Пришлось размещать экспозицию в тесном клубе тракторной школы. Но люди шли сюда с удовольствием. На вернисаже побывали, встретились с художником несколько тысяч человек не только из Бугурусланского, но и из соседних районов.

Люди радовались жизни, верили в добрые перемены. Это была пора невиданного энтузиазма первых пятилеток. Разворачивалось ударное строительство, вступали в строй новые заводы и фабрики, как будто набирали силу колхозы. Газеты были заполнены сообщениями о трудовых успехах, печатали списки орденоносцев. «Живем мы весело сегодня, а завтра будет веселей!» — звучали над страной жизнерадостные песни. В литературе и искусстве все чаще прославлялся Сталин. В разных уголках страны взоры обращались к нему — великому вождю и учителю. Как он скажет, что решит. Насаждался его культ.

Весной 1937 года в городах и селах Оренбуржья демонстрировался фильм «Доклад товарища И. В. Сталина о проекте Конституции СССР на Чрезвычайном VIII съезде Советов». Всюду организовывались коллективные просмотры.

«Чтобы увидеть на экране вождя и услышать его голос, — сообщала газета «Оренбургская коммуна», — в Бугурусданском районе колхозники приезжали на подводах с красными знаменами. За 6 дней в Бугуруслане фильм просмотрели 5700 человек».

Появление Сталина на экране вызывало в те дни бурю аплодисментов. А поскольку в этом фильме он почти все время обращался с белого полотна к народу, рукоплескания гремели почти не переставая. Пожалуй, так восторженно не встречалось ни одно произведение кинематографического искусства. Не знали люди и не могли тогда знать, что рукоплещут они не вождю всех времен и народов, а архитектору не виданного доселе памятника, имя которому «Архипелаг ГУЛАГ»...

В те летние дни 1937 года областная газета ежедневно публиковала сообщения из Бугуруслана. Они хорошо передавали ритм времени, люди работали очень старательно.

Сейчас молодым нефтяникам непросто поверить, насколько тяжелее давались поиски и добыча нефти в те далекие теперь годы, полвека назад.

— Помнится, начинал я работать в 1933 году в бригаде бурового мастера Павла Никитовича Тощева, — рассказывал старейший бугурусланский нефтяник Тимофей Федорович Калиничев. — Тогдашнее оборудование буровой ни в какое сравнение не шло с нынешним. Буровая вышка на всю высоту в 37 метров сплошь обшивалась досками... Теперь это представить даже трудно, но на сборку одной вышки уходило несколько вагонов леса и до 25 пудов гвоздей — 400 килограммов. Сколько тысяч гвоздей надо было заколотить!

Привод лебедок и насоса был паровой. Глину на буровую доставляли на лошадях, а грузили ее в карьере лопатами. Глинистый раствор приготовляли в мерниках, размешивали вручную...

Рождение нового производства всегда сопряжено с большими трудностями, а нефтяного вдвойне или даже втройне. Разбросанность объектов, необходимость срочного строительства инженерных коммуникаций, дорог, резервуаров и трубопроводов для хранения и перекачки нефти, отсутствие производственной базы, ремонтных мастерских, нехватка оборудования и транспорта, несовершенство буровой техники — все это создавало особые трудности.

Основную массу буровых мастеров и бурильщиков составляли люди, приехавшие из других мест, главным образом, с промыслов Баку и Грозного. Документы сохранили фамилии первых буровиков нового нефтяного района. Это были П. Н. Тощев, В. П. Волков, Н. Н. Зенков, Т. О. Залитко, Н. И. Мурейко, С. А. Литвинов, С. И. Козлов, Н. Ф. Федотов, Г. А. Бугаев и другие. С большой семьей из девяти человек приехал в Бугуруслан Григорий Артемьевич Бугаев.

Людей, прибывших издалека, нужно было в срочном порядке обеспечить жильем, создать им все необходимые условия. Пришлось бугурусланцам потесниться. Надо было оперативно решать проблемы строительства, возводить и промышленные объекты, и жилые дома.

Далеко не всегда нелегкий труд буровиков завершался удачей. Случалось, и скважины взрывались и обводнялись, всякое бывало. И все-таки, работая в таких непростых условиях и с такой, по сути дела, примитивной техникой, люди настойчиво бурили скважину за скважиной, пробивались к нефтяным горизонтам, от месяца к месяцу наращивали добычу «черного золота».

Скоро перед бугурусланцами встала такая острейшая проблема — где и как хранить добытую нефть. В срочном порядке у подножия горы вырыли котлован — так называемый «амбар», и туда по канаве стала стекать нефть. А добывали ее теперь уже не тартанием, а с помощью самодельной деревянной качалки, сделанной слесарем Георгием Саввичем Мясниковым. Пробы нефти отбирал и возил на анализ молодой коллектор промысла Валентин Сперанский.

Но скоро стало ясно, что эта небольшая емкость в ближайшее время будет заполнена. Тогда решили осушить затон, который речники не использовали много лет. Сделали глухую перемычку, отделили затон от реки. За трое суток перекачали воду в Кинель. Потом несколько дней сушили, благо дни стояли солнечные, жаркие. Получился обширный резервуар на 7 тысяч тонн нефти, и дело пошло.

А время было тревожное. Уже прошли первые политические процессы — громили руководителей государственного масштаба, высших военачальников, объявленных главарями подпольных центров, агентами вражеских разведок. Для миллионов советских людей это были заклятые враги народа, вредители, террористы, наймиты империалистов. На многочисленных тогда митингах и собраниях они с потрясающим единодушием требовали смертной казни предателям.

В Оренбургской области первые аресты начались еще в конце 1.936 года. Но особенно крутая волна репрессий докатилась сюда в первые месяцы 1937 года. Уже были арестованы уполномоченный Наркомтяжпрома по стройкам Орско-Халиловского района старый большевик С. М. Франкфурт, секретари Орского горкома партии И. А. Золотев и А. Е. Цвилиховский, заместитель председателя облисполкома Н. А. Сорокин, начальник строительства «Ормедьзолото» Б. Ю. Кудиш, главный инженер стройки П. П. Евангулов.

Летом по Бугуруслану пополз слушок о том, что арестована группа руководителей. Исчезли председатель райисполкома Павел Андреевич Смирнов, заведующий райземотделом Николай Иванович Сенгилевцев и другие. Аресты были проведены не только в городе, но и в Пилюгино, Елатомке и других селах района. Потом стало известно, что «управлением НКВД по Оренбургской области закончено следствие по делу троцкистско-бухаринской контрреволюционной диверсионно-террористической организации в Бугурусланском районе».

5 сентября 1937 года в «Оренбургской коммуне» было опубликовано обвинительное заключение по делу, которое потом стали называть «Бугурусланским». Кроме уже названных Смирнова и Сенгилевцева, в диверсионно-вредительской и террористической Деятельности, то есть в преступлениях по зловещим статьям 58 — пункт 8, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР, обвинялись заведующий райфинотделом Аким Корнеевич Разуваев, председатель колхоза «Колхозная правда» Павел Михайлович Сахаров, председатель Елатомского сельсовета Алексей Иванович Лабутин, председатель колхоза имени Ульянова Александр Никифорович Подгорнов, председатель Пилюгинского сельсовета Тихон Иванович Назаров. Все уже бывшие, все (кроме беспартийного Сахарова) исключены из рядов ВКП(б) за контрреволюционную деятельность. «Оренбургская коммуна» писала: «В Бугурусланском районе контрреволюционная организация троцкистов-бухаринцев была оформлена Смирновым во второй половине 1935 года. Вся подрывная деятельность участников организации, проводившаяся ими в районе, была направлена к тому, чтобы вызвать у колхозников недовольство Советской властью. Практическая диверсионно-вредительская деятельность участников организации в сельском хозяйстве была направлена на срыв всех мероприятий партии и правительства по поднятию урожайности и на уничтожение скотопоголовья».

Уже на следующий день в газетах области началась настоящая злобная свистопляска. «Стереть этих гадов с лица земли и выкорчевать их до конца!» — требовали сельчане. «Расстрелять гадин!» — настаивал педагогический коллектив одной из оренбургских средних школ.

7 сентября 1937 года в 6 часов 45 минут вечера в Бугуруслане в зале городского театра начался этот жестокий процесс. Его режиссерам так называемая «Бугурусланская вредительская

организация» представлялась настолько опасной, что дело рассматривал военный трибунал Приволжского военного округа под председательством диввоенюриста Иевлева. Как сообщали корреспонденты «Оренбургской коммуны», зал заполнили колхозники Бугурусланского и соседних — Абдулинского, Мордовско-Боклинского, Секретарского, Красно-партизанского, СокКармалинского, Матвеевского, Державинского районов, рабочие и служащие Бугуруслана.

Четыре дня шел допрос обвиняемых по заранее заготовленному сценарию. Из выступления государственного обвинителя, адвокатов перед теми, кто сидел в зале, рисовалась картина тягчайших преступлений. И все четыре дня неистовствовали газеты. Тон задавала «Оренбургская коммуна». Она подробно сообщала о многочисленных митингах, на которых люди, не знавшие ни Смирнова, ни Сенгилевцева, ни их подельцев, требовали: «Беспощадно стереть с нашей советской земли остатки озверелых врагов», «Приговор взбесившимся собакам может быть только один — расстрел», «Уничтожить врагов народа», «Расстрелять троцкистскую банду» и так далее и тому подобное. Горько об этом читать. Но так было.

Когда в жестокую эпоху средневековья, в июле 1415 года, в Праге сжигали на костре великого чеха Яна Гуса, темная старая женщина подбросила в огонь дровишек. Очевидцы рассказывали, что задыхающийся в дыму, в пламени Ян Гус сказал: «О святая простота!»

Вспоминая об этом, один из героев романа Владимира Дудинцева «Белые одежды» сказал: «Чтобы старуха добровольно несла охапку хвороста к костру, на котором сжигают Яна Гуса, ее ого-го как надо распропагандировать». Как же надо было распропагандировать советских людей, ослепить их, чтобы они так бездумно, с таким неудержимым энтузиазмом требовали самых жестоких кар ни в чем не повинным людям.

Как отмечалось на процессе, нити заговора уходили далеко за пределы Бугуруслана.

— На чем всегда настаивал Смирнов в беседах с вами? — спрашивал прокурор у Сенгидевцева.

— Он говорил, что надо активнее вредить, помочь Бухарину и Рыкову свергнуть Советскую власть, — отвечал Сенгилевцев. Отвечал спокойно, глядя в глаза прокурору.

— В каких целях вы вредили? — задает вопрос прокурор подсудимому Назарову.

— Я помогал врагам народа Рыкову и Бухарину ликвидировать колхозы, вернуть в деревню помещиков и кулаков, — без запинки, заученно отвечает Назаров.

В Бугуруслан из областного центра привезли ответственного свидетеля — арестованного ранее уполномоченного комитета заготовок по Оренбургской области Семена Григорьевича Берсона.

Он подтверждает, что Смирнов, как руководитель Бугурусланской организации, входил в состав областной организации, которую возглавлял председатель облисполкома Константин Ефимович Васильев, и был ознакомлен с директивами, полученными от Рыкова и Бухарина.

— Рыков и Бухарин предупреждали нас (областной троцкистско-бухаринский центр. — В. А.), что нужно помочь фашистам Германии и Японии свергнуть Советскую власть, — говорит Берсон. — Поэтому правые в Оренбурге собирали единомышленников, вели вредительскую работу по подрыву сельского хозяйства...

Читаешь документы Бугурусланского процесса и невольно думаешь — не бред ли это, не кошмарный сон? Нет, именно так и было. Обвиняемые на суде с поразительным единодушием оговаривали себя, признавали себя виновными во всех, даже самых чудовищных обвинениях.

Точно так же сознались во всем «самые главные враги народа», так сказать, верховные руководители Оренбургской, Бугурусланской и многих других подпольных организаций, «обезвреженных» доблестными работниками НКВД: Николай Иванович Бухарин, Алексей Иванович Рыков, Николай Николаевич Крестинский — большевики из Ленинской когорты — и другие осужденные по мартовскому процессу 1938 года. Я читал стенографический отчет об этом потрясшем весь мир процессе — огромный том, 708 страниц. Обвиняемые признавались во всем: и в связях с иностранными разведками, в диверсиях, в убийстве Максима Горького, в организации кулацких восстаний и многом другом, чего не было.

Один только Николай Иванович Бухарин в заключительном слове решительно отверг целый ряд обвинений, в частности, причастность к подготовке убийства Владимира Ильича Ленина, которого он очень любил.

Теперь из многочисленных газетных и журнальных публикаций, из документальных книг мы знаем, как выбивались такие показания. Следователи НКВД, прекрасно знавшие до суда, что

подопечные будут расстреляны, убеждали их, что чистосердечным признанием во вредительской деятельности на суде они смогут облегчить свою участь. И те говорили все то, что им внушили в дни тяжелых бесконечных допросов, с применением жесточайшего физического воздействия.

В газетных материалах их называли фашистскими агентами, подлейшими террористами, ничтожествами, злейшими врагами народа, озверелыми кулацкими агентами, союзниками фашистских интервентов. На черные, злобные характеристики не скупились корреспонденты областной и районных газет, авторы многочисленных откликов. Благо было где развернуться — материалам из Бугуруслана отдавались целые полосы.

В чем же обвиняли бугурусланских руководителей конкретно?

В колхозах имени Ульянова, имени Кирова, «3-я большевистская весна», «Серп и молот», имени Калинина, «Колхозная правда», «Лобовка», «Коминтерн» сев был проведен некачественными семенами. Отмечались случаи «вредительски мелкой пахоты». Часть земель одного колхоза вклинивалась в территорию другого — вредительски проведено землеустройство. Такие факты отмечались в колхозах имени Ленина, имени Сакко и Ванцетти, «Заря», имени Карла Маркса, «16 лет Октября», в совхозе «Рабочий».

В 1937 году в МТС имени Кирова и Пилюгинской сорвали прополку картофеля и на 75 процентов проса. Не выполнили план сдачи государству сортового зерна, хотя и вывезли на элеватор в счет хлебозаготовок три с половиной тысячи центнеров семенной пшеницы. Отмечались случаи смешивания сортовых семян с рядовыми — конечно, вредительство — чтобы снизить урожайность. Пошли дожди, а потом сразу похолодало, морозы сковали землю, и зябь не допахали — враги сорвали план взмета зяби.

Осенью 1936 года «с вредительской целью» была сожжена вся солома в колхозах «Завет Ильича», «Ленинский комсомол», «Красные горы», «Украинка», «Новая жизнь», «Маяк», имени Ульянова, «Коминтерн», «13 лет Октября», «Колхозная правда». Солома была заражена клещом и ее полагалось уничтожить. Но, сделав это, враги оставили скот без кормов.

Были случаи, когда нарушались или не так строго, как положено, соблюдались карантинные требования по ящуру, бруцеллезу. В колхозе «Коминтерн» пало 14 коров, 15 лошадей, 20 овец — безусловно, поработала вражеская агентура. В колхозах «Пламя», имени Чапаева, «18 лет Октября», «Заря», «13 лет Октября», «Путь Ленина», имени Калинина, «Лобовка» были завышены планы посевных площадей. Вынуждены были распахивать выгоны. Вывод — это сделано умышленно, чтобы йодорвать животноводство.

Случались в Бугуруслане перебои с хлебом — вредительство.

Имелись претензии и к райфинотделу. Не отпускались средства на культурное строительство, допускались ошибки в налогообложении, значит, «бюджет был составлен вредительски». Вот такие обвинения. Недостатки в сельском хозяйстве района, факты халатности, нерадивости, безусловно, существовали. Их можно было без особых усилий и следствия найти в любом районе, так же, как и сейчас.

Но умышленного вредительства, конечно, не существовало, не было никакой и подпольной троцкистско-бухаринской контрреволюционной диверсионно-террористической организации. Все это состряпано следователями НКВД. Кстати, они сами так запутались в этом деле, что в ходе процесса называли «бугурусланское подполье» то «троцкистско-бухаринским», то «бухаринско-рыковским», то «рыковско-бухаринским».

Тяжело становится на душе, когда читаешь последние слова обвиняемых:

Подгорное: Я еще раз признаюсь в контрреволюционной деятельности. Прошу смягчить наказание.

Назаров: Я — разоблаченный враг народа. Требование государственного обвинителя о применении ко мне высшей меры наказания считаю правильным.

Сахаров: Я не имею права просить снисхождения от суда. Как член троцкистско-бухаринской организации пойман на месте.

Лабутин: 51 не прошу пощады у трибунала. Я — враг народа, изменник свободной Родины.

Разуваев: Пощады не прошу, жду от трибунала справедливого приговора.

Сенгипевцев: Прошу трибунал принять во внимание мое чистосердечное признание.

Смирнов: Я до конца разоблачил себя, а также вредительскую организацию, которой руководил. Речь прокурора сурова, но справедлива. Я готов принять любое решение от трибунала.

Они еще на что-то надеялись, ждали смягчения участи — ведь признавались во всем, как

того требовали, ничего не пытались оспаривать до последней минуты, не теряли веры в снисхождение.

Вечером 10 сентября был оглашен приговор. Вот выдержки из него: «Контрреволюционная группа систематически занималась вредительством в сельском хозяйстве и налоговой политике.,, терроризировала население Бугурусланского района, чем подрывала экономическую и политическую мощь Советского Союза и стремилась вызвать недовольство колхозников Советской властью...»

И самое страшное: «Военный трибунал приговорил Смирнова П. А., Сенгилевцева Н. И., Разуваева А. К., Назарова Т. И., Сахарова П. М., Аабутина А. И. к высшей мере наказания — расстрелу... Подгорнова А. Н. — к тюремному заключению сроком на 10 лет...»

Все они могли бы еще долго приносить пользу Родине. Старшему из них Тихону Ивановичу Назарову исполнилось 53 года, Николаю Ивановичу Сенгилевцеву — 34, остальным — от 39 до 43 лет. Все в расцвете сил, все немало сделали доброго, у каждого определенные заслуги перед Бугурусданским районом.

Как писали корреспонденты «Оренбургской коммуны», «решение суда о расстреле троцкистско-бухаринских псов было принято с небывалым воодушевлением. Зал устроил суду овацию».

На другой день в Бугуруслане на площади Революции состоялся многолюдный митинг, единодушно одобривший приговор.

«Мы, трудящиеся Бугурусланского района, выкурим из всех нор врагов народа, — говорилось в резолюции. — Пусть трепещут враги... Честь и хвала любимому стражу НКВД, славным нарковнудельцам во главе с их наркомом — верным сталинцем Ежовым».

Еще несколько дней захлебывались газеты. Не хватало места для гневных откликов, стали печатать «Поток одобрений» — длинные списки коллективов, приславших строки поддержки жестокому приговору. Читаешь пожелтевшие от давности подшивки 1937 года и невольно вспоминается та старуха, подбросившая дровишек в костер.

Дальше тяжелый маховик репрессий стал раскручиваться с еще большей силой. Теперь уже было не до процессов, как в Бугуруслане, сфальсифицированных от начала до конца. Отныне особые совещания, «тройки» списочно решали, кого казнить, а кого миловать — отправлять на каторжные работы в лагеря Колымы, Воркуты, Туруханска, других очень отдаленных суровых мест. Как писал один из узников сталинско-бериевских лагерей поэт Анатолий Жигулин:

В худых, заплатанных бушлатах,
В сугробах, на краю страны —
Здесь было мало виноватых,
Здесь больше было —
без вины...

После разгрома партийных органов в соседней Башкирии, в Уфе, главную роль в котором сыграл А. А. Жданов, этот преданнейший соратник Сталина и организатор массовых репрессий приехал в Оренбург. Еще и трех недель не прошло после окончания громкого Бугурусланского процесса, а тут новые установки. Речь Жданова на 3-м пленуме Оренбургского обкома ВКП(б), который проходил с 29 сентября по 1 октября 1937 года, не стенографировалась, так же, как и доклад начальника управления НКВД по Оренбургской области А. И. Успенского «О подрывной работе врагов народа в Оренбургской организации». Но уже в ходе пленума в зале не досчитались многих его участников.

В то жестокое время стали жертвами беззакония, были репрессированы первый секретарь Бугурусланского райкома ВКП(б) Анатолий Иванович Колбичев, бывший секретарь райкома Андрей Михайлович Субботин, избранный после ареста руководителей Орской парторганизации секретарем Орского горкома партии, председатель Бугурусланского горисполкома Андрей Григорьевич Экономов, управляющий бугурусланской конторой «Союзхлебокоопсбыт» Василий Алексеевич Власов, бывший редактор бугурусланской газеты «Колхозная правда», избранный секретарем Кваркенского райкома ВКП(б) А. И. Иванов, бывший заворготделом райкома партии Н. А. Сорокин, ставший заместителем председателя облисполкома и объявленный одним из руководителей «Оренбургской вредительской организации», директор совхоза «Пролетарская

культура» Лонцих, директор МТС имени Кирова Василий Иванович Киреев, директор татаро-башкирского педучилища Тариф Кунакович Габдуллин, секретарь райкома партии Петлинская, председатель колхоза имени Ильича Иван Васильевич Сбитнев, преподаватель учительского института Иван Петрович Иванов и многие другие.

И. П. Иванов был обвинен в подготовке террористического акта над И. В. Сталиным. Как он мог это сделать? Ведь «великий вождь и учитель» не был в Бугуруслане и не собирался посетить этот город. Оказывается, Иванов специально готовился к вступлению в партию, чтобы потом, будучи коммунистом, настолько войти в доверие — попасть в Москву на Первомайский праздник и совершить на Красной площади террористический акт над Сталиным и другими вождями.

В послевоенные годы, еще при жизни Сталина, мне доводилось бывать в праздничные дни на Красной площади, и я знаю, как сложно было оказаться на площади, как невозможно было сделать хотя бы шаг в сторону в своей колонне или опустить руки в карманы, а тем более приблизиться к Мавзолею. Но несмотря на всю абсурдность обвинения, Иванов был арестован и уничтожен.

Продолжались аресты и расправы и позднее. После аварии на скважине № 3 состоялось совещание стахановцев Бугуруслане кого нефтепромысла. На этом совещании стахановцы Залитко, Волков, Тощев и другие критиковали руководителей промысла за низкое качество тампонажного цемента и другие промахи в работе, которые привели к обводнению продуктивной скважины. Особенно резко критиковали старшего геолога С. Л. Герцрикена. Этого оказалось достаточно, чтобы обвинить его во враждебной деятельности. Герцрикен — один из первооткрывателей месторождения — был отстранен от работы и скоро исчез. Спустя несколько дней в «Оренбургской коммуне» появилась корреспонденция «Распутать дела в геологической службе». В ней говорилось: «На Бугурусланском нефтепромысле рабочими был разоблачен старший геолог Г., вредительски путавший сетку бурения скважин и скрывавший нефтяные горизонты». Газета призывала «распутать дела» и изгнать вредителей с промысла.

«Известно, что нефтепромыслы имеют оборонное значение, — говорил, выступая 26 мая 1938 года на 9-й районной партийной конференции начальник районного отделения НКВД П. С. Сметков. — Фашистская разведка засылала и будет засылать шпионов на нефтепромысел. В апреле месяце ликвидирована группа шпионов, окопавшихся на нефтепромысле, засланных японской разведкой». «Далее, — как отмечается в протоколе, — он знакомит конференцию о вредительской деятельности врагов народа Субботина, Петлинской, Нестерова, Рыбина».

Выступая 20 ноября 1937 года в Бугуруслане, кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, старший майор госбезопасности А. И. Успенский — этот палач, облеченный высокими полномочиями, — сказал: «Вот в одном районе мы изъяли группу вместе с врагом народа председателем райисполкома Поповым. Выводили из строя сельхозмашины: сшили себе специальные карманы для песка и подсыпали песок в подшипники тракторов и комбайнов». Вот так просто. И говорилось это вполне серьезно, с трибуны. Видимо, за заслуги в разгроме врагов в Оренбургской области Успенский пошел на повышение — в конце 1937 года он был назначен наркомом внутренних дел Украинской ССР, ему присвоили звание — комиссар госбезопасности 3-го ранга. Но к Успенского постигла участь его жертв — вскоре сработала созданная такими успенскими и их высокими покровителями система разоблачения врагов. Так же, как и «верный сталинец» Ежов, он был схвачен и расстрелян.

А жизнь в Бугуруслане, как, впрочем, и в других местах, во всей нашей стране шла своим чередом. И звучали над страной жизнерадостные песни. И улыбался с экрана, с газетных полос великий вождь и учитель. Еще было так далеко до XX съезда партии, до наших дней.

...По предложению Наркомата тяжелой промышленности «Главнефть» с 15 ноября 1937 года создает в Бугуруслане первый в Оренбургской области самостоятельный нефтяной промысел. Его контора обосновалась в слободке, в небольшом арендованном доме на улице Пионерской, недалеко от первой и третьей скважин.

16 марта 1938 года Совет Народных Комиссаров СССР и Центральный Комитет партии приняли постановление «О развитии новых нефтяных районов». Это был генеральный план создания мощной нефтяной индустрии в районах Урала и Поволжья. В частности, в Бугурусланском районе за пятилетие (1938–1942 годы) намечалось пробурить 25 тысяч метров скважин и добыть 80 тысяч тонн нефти.

Если подходить к этим цифрам с сегодняшней меркой, то они кажутся более чем скромными. Однако и эта задача была для тех лет очень сложной. Низкий уровень технического вооружения не позволял сделать больше. Да и опытных специалистов не хватало.

— Бурение осуществлялось тогда с помощью деревянных вышек, — вспоминал ветеран нефтяной промышленности Оренбуржья, видный инженер, шесть лет возглавлявший нефтепромысловое управление «Бугурусланнефть» Валентин Николаевич Сперанский. — Каждый раз их приходилось собирать заново. Спуск и подъем бурового инструмента производился двухскоростными лебедками, установленными на деревянных брусьях. Привод лебедок осуществлялся от паровой машины мощностью 150 лошадиных сил. В ходу еще были и ручные лебедки грузоподъемностью до трех тонн. В качестве тягловой силы использовались лошади и даже быки. На промысле работало всего лишь несколько грузовиков-полуторок. Зато был большой конный двор, свыше сотни лошадей, много быков, подвод и саней, кузница, шорная мастерская, обширный фуражный склад. В штате состояли конюхи, возчики, ветеринары.

Старожилы помнят, как 5 ноября 1938 года в канун 21-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции тысячи горожан с флагами и плакатами пришли на станцию Бугуруслан на митинг по случаю отправки первого нефтяного состава. Под звуки «Интернационала», который играл маленький оркестрик, самозабвенно пели бугурусланцы, поезд с первыми цистернами добытой на новом промысле нефти отправился со станции Бугуруслан на Сызранский крекинг-завод. На железной груди паровоза красовался гордый плакат: «Принимай, страна, первую нефть Бугуруслана!»

Это был большой праздник не только для малочисленного еще коллектива нефтяников, но и для всего старого города, который в эти дни словно переживал свое второе рождение.

С промысла приходили сообщения о первых успехах, о неустанном труде буровых мастеров Тимофея Осиповича Залитко, Павла Никитовича Тощева, Василия Петровича Волкова, вышкомонтажников Степана Андреевича Литвинова. Но так работали далеко не все. Промысел отставал по добыче нефти, эксплуатационному и разведочному бурению. Анализируя документы тех лет, можно сказать, что во многом здесь были повинны руководители и специалисты «Востокнефти», которых большая бугурусланская нефть застала врасплох.

Очень серьезные недостатки были допущены и в Бугуруслане. Простои оборудования, частые аварии, грубые нарушения технологического режима — все это тяжело отражалось на работе промысла.

По заданию правительства в Бугуруслан выехал вице-президент Академии наук СССР, академик Иван Михайлович Губкин. 6 и 7 августа 1938 года он детально, до мелочей знакомился с промыслом, с ходом разведки, внимательно рассматривал геологические документы. Академик побывал на каждой буровой, беседовал с рабочими и инженерами.

Затем Иван Михайлович провел совещание в тресте «Востокнефть». На совещание в Куйбышев приехали руководители Бугурусланского промысла. В своем выступлении Губкин отметил, что на Бугурусланском промысле уже дают нефть три горизонта. Есть она не только в Бугуруслане, но и в Елатомке, Красноярке, Степановке и в других местах. Он советовал смелее осваивать более глубокие горизонты.

«Отец второго Баку», как уважительно называли Губкина нефтяники, обратил внимание бугурусланцев на организационные неполадки, на необходимость заняться серьезной геологической работой, на усиление контроля за деятельностью всех служб.

— Недра не подведут, если не подведут дюди, — сказал Губкин. Он призывал бережно относиться к народному добру, учиться считать, экономить в большом и малом.

Вскоре после совещания в Куйбышеве в августе 1938 года по решению Совета Народных Комиссаров был создан самостоятельный трест «Бугурусланнефть». Его возглавил Михаил Павлович Сметанин. Директором конторы бурения стал Степан Иванович Кувыкин — молодой, но уже опытный нефтяник, ранее работавший в Баку, а затем в Башкирии. Начальником промысла была назначена молодой инженер Антонина Георгиевна Степанова.

23 октября 1938 года Нарком тяжелой промышленности СССР подписал приказ о премировании за открытие нового Бугурусданского нефтяного месторождения. Крупными премиями были отмечены геологи Я. С. Никитин и И. П. Соколов «за проектирование и обслуживание крелиусной разведки, которой были выявлены нефтеносные и газоносные горизонты в уфимских и казанских отложениях», и геофизик Г. Е. Диккенштейн «за руководство

электроразведочной съемкой, позволившей уточнить бугурусланскую структуру, расширить ее перспективы».

С каждым месяцем возрастали объемы проходки скважин. 8 ноября 1938 года была образована Бугурусланская контора бурения. Для треста «Бугурусланнефть» выделили одно из лучших зданий. Под мастерские приспособили бывшую царскую тюрьму, которая находилась в самом центре города. Соответствующие органы увеличили ассигнования на промышленное и гражданское строительство. Это дало возможность развернуть сооружение жизненно важных объектов на промысле, в городе, в поселке нефтяников — Александровке.

2 января 1939 года родилась партийная организация треста. В ее составе было тогда 46 членов и 16 кандидатов в члены ВКП(б). Секретарем партбюро избран Александр Михайлович Яковлев.

Спустя полгода после поездки в Бугуруслан, 8 февраля 1939 года, Иван Михайлович Губкин выступил в газете «Индустрия» со статьей «Волжско-уральская нефть». Говоря о Бугуруслане, академик писал: «Здесь промышленная нефть обнаружена в песчаниках уфимского яруса пермской системы, залегающих на глубине всего до 300 метров и в кунгурских отложениях той же системы. Притоки нефти из этих горизонтов составляют 5–10 тонн в сутки на скважину, что при неглубоком залегании нефтеносных горизонтов и громадных размерах площадей нефтеносности представляет весьма значительный интерес. Однако наиболее благоприятные перспективы здесь должны быть отнесены к тем же горизонтам среднего и нижнего карбона, которые показали такую высокую насыщенность нефтью в месторождениях Самарской Луки, но которые в Бугуруслане бурением еще не достигнуты».

Жизнь потом подтвердила прогнозы Губкина. Нефтяники Бугуруслана не ограничились только верхними отложениями. Они стали осваивать более глубокие горизонты. Месторождение оказалось «многоэтажным».

В марте 1939 года состоялся XVIII съезд партии. В докладе о третьем пятилетнем плане говорилось так: «Дело создания в районе между Волгой и Уралом новой нефтяной базы — «второго Баку» считать первостепенной и неотложной задачей». Под руководством местных партийных органов нефтяники Бугуруслана энергично взялись за решение поставленных съездом задач. Но совершенно неожиданно большая беда пришла на бугурусланские промыслы в майские дни 1939 года.

Очень многоснежной была зима. Резкое потепление привело к бурному таянию снега. Реки и речушки разлились одновременно, затопили огромные пространства. Необычно высок был паводок на Кинеле. Все действующие скважины, кроме одной, находящейся на склоне горы, многие буровые оказались под водой. Длительное время в журналах, в которых регистрировалась работа промысла, записывалась одна и та же фраза: «Остановка — 24 часа из-за наводнения». Тресту «Бугурусланнефть» был нанесен огромный ущерб. Как только спала вода, начались срочные работы по восстановлению промысла.

План добычи в 1939 году был выполнен только на 11 с половиной процентов — получили всего лишь 4665 тонн нефти. Но постепенно темпы работ стали нарастать.

Определенную роль в этом сыграло выделение Бугуруслана в самостоятельную административную единицу и создание городской партийной организации. В порядке исключения в Бугуруслане наряду с районным комитетом партии создали горком ВКП(б) и горком ВЛКСМ. Это было сделано в связи с открытием и интенсивным освоением крупного, перспективного месторождения нефти, для обеспечения более четкого и оперативного руководства развивающейся промышленностью и, прежде всего, главной — нефтяной отраслью.

11–12 мая 1939 года состоялось первое собрание коммунистов Бугуруслана, заложившее основу городской партийной организации. В его работе приняли участие 181 член и 89 кандидатов в члены ВКП(б). Коммунисты избрали городской комитет партии. Секретарем горкома стал Антон Яковлевич Новиков.

15 мая был образован городской комитет ВЛКСМ, который возглавил Иван Бурмистров.

Весной 1940 года, 2–4 марта, состоялась первая городская партийная конференция. Она окончательно закрепила создание Бугурусланской городской организации ВКП(б).

Городские партийный и комсомольский комитеты развернули работу по укреплению первичных организаций, повышению их роли в развитии нефтяной промышленности, развертыванию в коллективах нефтяников стахановского движения.

Вслед за Новостепановским участком на промысле стали осваивать Журавлевский и Калиновский. Уже в 1939 году начали внедрять турбобуры, скоростные буровые станки. Почти полностью перешли на металлические вышки. Тон в работе все больше задавали стахановцы.

Все это позволило и прирастить запасы нефти, и заметно увеличить добычу. В первом полугодии 1940 года нефтяники Бугуруслана, наконец, смогли перевыполнить план добычи нефти и газа, а 10 сентября доложили о завершении годового плана. Добыча составила 40 494 тонны нефти.

Высокую оценку промысловикам Оренбуржья дала «Правда». «Есть по кому равняться и нефтяникам молодого района — «второго Баку», — писала газета в передовой статье 27 октября 1940 года. — Здесь с большим успехом идет добыча нефти в Бугурусланском тресте». Многие рабочие, мастера, специалисты отличились в трудной борьбе за большую нефть степного края. Среди лучших из лучших работников тех лет можно назвать имена буровых мастеров: члена горкома партии Павла Никитовича Тощева, Василия Петровича Волкова, Тимофея Осиповича Залитко, Никифора Никитовича Зенкова, механика по монтажу бурового оборудования, депутата областного Совета Николая Ивановича Мурейко, бурильщиков Григория Артемьевича Бугаева, Тимофея Федоровича Калиничева, Алексея Герасимовича Авдошина, начальника вышкомонтажного цеха Степана Андреевича Литвинова, молодых инженеров Антонину Степанову и Алексея Сидоренко, которые в разное время возглавляли промысел, и многих, многих других нефтяников.

Весной 1941 года управляющим трестом «Бугурусланнефть» был назначен Степан Иванович Кувыкин — энергичный, талантливый инженер. Позднее он стал заместителем министра нефтяной промышленности СССР. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

С каждым годом, с каждым месяцем расширялись контуры месторождения. В 1941 году предполагалось «осветить» полосу нефтеносности на довольно большом протяжении. Начиналось бурение скважин в Нижнезаглядинском нефтеносном районе и на Султангуловском поднятии.

Перспективы были радужные, планы обширные, но летом пришлось их корректировать с учетом требований военного времени.

Долгие годы войны

В летний воскресный день в Бугуруслане продолжался начавшийся в субботу пленум районного комитета партии. Кроме членов райкома, присутствовали секретари первичных организаций, актив из райцентра. Всего, как зафиксировал протокол, 72 человека. Накануне обсудили организационные дела, другие важные вопросы.

Второй день работы пленума начался с доклада секретаря райкома партии Анны Афанасьевны Ефремовой об итогах приема новых членов в ВКП(б) с июля 1940 по 1 июня 1941 года.

Стали выступать коммунисты. Первый секретарь райкома партии Александр Михайлович Яковлев предоставил слово заместителю директора по политчасти Бугурусланской МТС Прахову.

— Докладчик товарищ Ефремова правильно отметила недостатки в работе по приему в партию, — сказал он. — Но она совсем не остановилась на том, как райком ВКП(б) оказывает помощь секретарям партийных организаций по воспитанию кандидатов. А надо было бы...

Многие и не обратили внимания на то, что к первому секретарю подошел дежурный и стал о чем-то говорить ему на ухо. Но вдруг Яковлев резко поднялся, подбежал к громкоговорителю, дотянулся до черного диска и крутанул до отказа колесико уровня звука. В зал сразу ворвался голос Москвы. С обращением к советскому народу выступал заместитель председателя Совнаркома СССР, народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов.

— Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда, — особенно гулко, побеждая шорохи и треск эфира, звучал в мертвой тишине голос наркома. — Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом...

Заканчивалась речь уверенными словами: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»

Солнце ярко светило в окна, но казалось, и оно померкло, и день сразу потускнел от

страшной беды, обрушившейся на нашу страну.

Несколько секунд еще в зале стояла настороженная, глухая тишина. Потом заговорили все разом. Коллективно сочинили резолюцию:

«Пленум призывает каждого партийного и непартийного большевика, рабочих, служащих и колхозников района, — говорилось в этом первом военном документе райкома, — удесятерить свою производственную энергию, честно и самоотверженно, как подобает гражданам Советского Союза, выполнять свой долг перед Родиной».

Прямо с пленума его участники отправились на предприятия и организации, во все села района. В этот день на промысле, на буровых, в городских коллективах, в колхозах и совхозах, в МТС прошли митинги. Люди уже знали, что на западной границе бушует война, говорили с негодованием и болью, заявляли о своей готовности встать в строй защитников Родины. Тут же на митингах многие рабочие и колхозники подавали заявления с просьбой направить в действующую армию, принять в партию, в комсомол.

Первыми уходили на фронт добровольцами коммунисты и комсомольцы. В начальные дни войны на защиту страны ушли более половины членов и кандидатов в члены ВКП(б). Из 33 членов горкома ВКП(б), избранных первой городской партийной конференцией, к маю 1943 года осталось 8 человек. Большинство выбыли в действующую армию.

С первыми командами комсомольцев — молодых рабочих и колхозников — ушли на фронт секретарь Бугурусланского горкома комсомола Иван Бурмистров, члены бюро Борис Жуков, Николай Переверзин, Василий Ронжин, Николай Скрипников, секретарь райкома ВЛКСМ Сергей Потапов, член бюро райкома Николай Мавринский (в послевоенные годы фронтовик Иван Бурмистров был избран первым секретарем Оренбургского обкома ВЛКСМ, а затем стал ответственным работником Центрального Комитета партии).

Дошло до того, что в составе бюро райкома комсомола осталось всего лишь два человека. Пришлось срочно созывать пленум, избирать новый состав бюро. В него вошли в основном девушки. Первым секретарем избрали Клавдию Смехнову. Но и девчата тоже уходили на фронт. В 1941–1942 годах стали в солдатский строй бугурусланские комсомолки: Шура Демина, Ольга Сульдякова, Фая Насырова, Эмилия Горбунова, Катя Катечкина, Галя Мавлютова, Ира Покровская, Нина Хлебнова, Лена Ерошева, Маша Демидова, Нина Осипова, Надя Мухина, Маша Наумова и многие другие.

С первых дней войны заметно поредели ряды промысловиков. А нефть надо было добывать и во все возрастающих размерах. На смену опытным работникам пришли женщины, юноши и девушки, выпускники ремесленного училища, школы ФЗО,

Как сообщал обком партии в Центральный Комитет ВКП(б) 10 июля 1941 года, «коллектив рабочих треста «Бугурусланнефть» после объявления войны значительно увеличил добычу нефти... На июнь план был установлен в 15600 тонн, добыто же 17 129 тонн, или 109,6 процента. В настоящее время добыча составляет 650 тонн в сутки, против 570 тонн средней добычи в июне».

Изо дня в день коллектив треста наращивал темпы своей работы, но план был увеличен так резко, что выполнение его шло трудно. Причины были объективные, связанные с войной. Она сразу, с первых дней, принесла дополнительные тяготы: только до конца 1941 года были мобилизованы в армию 1425 нефтяников. Отправлены грузовые автомобили и тракторы. Не раз случалось, когда в условиях осенней распутицы не на чем было перевезти оборудование на новый участок. Не стало хватать цистерн для транспортировки нефти. Резервуары заполнялись до предела, и порой приходилось приостанавливать или сокращать добычу. Начались перебои с поставкой топлива, тампонажного цемента, труб.

Но были причины и субъективные. Еще не везде и не все перестроились на работу по суровому режиму военного времени. Участились аварии. Во-первых, оборудование было изрядно изношено, а во-вторых, на смену нефтяникам, которых призвали в армию, в бурение и на промысел пришли молодые, не имеющие достаточного опыта люди. Если в 1940 году в тресте «Бугурусланнефть» было всего лишь 8 процентов молодежи, то в 1943-м она составляла уже третью часть, а в 1945 году — половину коллектива.

5 сентября 1941 года бюро областного комитета партии обсудило вопрос «Об увеличении нефтедобычи по тресту «Бугурусланнефть» и подготовке промысла к работе в зимних условиях». Докладывал С. И. Кувыкин. Бюро отметило, что несмотря на благоприятные возможности, темпы развития треста «Бугурусланнефть» остаются низкими. От роста добычи нефти резко отстает

обустройство промыслового хозяйства. Медленно и с низким качеством строятся объекты, лимитирующие работу промысла — нефтепровод, емкости, головные сооружения, дороги, а также жилые дома.

В принятом постановлении бюро обязало руководителей треста увеличить количество буровых установок, одновременно находящихся в работе, до 54. Организовать разведочное бурение на Аманакской, Яснополянской, Нижне-заглядинской, Красноярской, Султангуловской, Сосновской, Южнобугурусланской, Байтуганской структурах... Чтобы не допустить потерь и снижения уровня добычи, бюро предложило срочно подготовить «амбары», рассчитанные на временное хранение 15 тысяч тонн нефти.

В связи с обнадеживающими перспективами развития нефтедобычи в Бугурусланском районе, а также возникшими чуть ли не с первого дня войны большими трудностями, связанными с отгрузкой сырой нефти, бюро приняло постановление: «Просить ЦК ВКП(б) решить вопрос о постройке в Бугуруслане нефтеперерабатывающего завода».

15 сентября в утреннем сообщении «От Советского Информбюро» говорилось: «Растет число женщин, занятых на буровых работах в тресте «Бугурусланнефть». Буровой мастер товарищ Бузулуцкий организовал женскую буровую бригаду. Бригада успешно пробурила скважину № 437, которая уже дает нефть. Стахановскими темпами была пройдена и буровая № 409, сданная в эксплуатацию на 6 дней раньше срока. 20 бывших домохозяек — жен нефтяников оканчивают курсы мотористов, 25 женщин учатся на курсах кочегаров».

Нелегка профессия нефтяника и для мужчин, но в те трудные для Родины дни сотни женщин пришли на промысел и трудились самоотверженно. В женской буровой бригаде первыми бурильщиками были Анна Кузьминична Воробьева, Мария Кузьминична Киселева, Анастасия Ивановна Файер, Александра Давыдова, а дизелистами Наталья Бердяева и Анна Тихоновна Назарова. Верховыми рабочими и помощниками бурильщика работали Евгения Белинская и Валентина Трофимова. На промыслах, на буровых совсем еще молоденькими девчушками работали Анна Кузина, Вера Логачева, Вера Корина, Мария Михалько, Ирина Брюханова, Мария Никифорова, Агафья Мигунова, Анна Казаева, Нина Асилова, Александра Дегтярева, Анна и Галина Берняевы, Анна Сахарова, Мария Бурханова, Александра Чичулина, Клеопатра Грузинцева и многие другие.

Как отмечал директор промысла Алексей Сидорович Сидоренко, к середине 1942 года половину всех работавших здесь людей составляли женщины. Они смело взяли на себя тяжелую мужскую работу и выполняли ее не хуже, а порой и лучше промысловиков, ушедших на фронт. В годы войны количество женщин, работавших в тресте «Бугурусланнефть» увеличилось в двадцать раз и превысило две тысячи человек.

По примеру бурового мастера Н. Н. Зенкова на промысле стали активно внедряться вахты скоростного бурения. При задании 500 метров бригада Зенкова ежемесячно давала свыше тысячи метров проходки на станок.

Острая нехватка людей заставила бугурусланских нефтяников энергично взяться за совмещение профессий. Весной 1942 года — первой в Советском Союзе начала работать по новому методу бригада В. Д. Бузулуцкого. Вместо восемнадцати человек Василий Дмитриевич оставил в бригаде всего шесть — три вахты по два человека. Только при спуске кондуктора и цементаже работали всей бригадой. Теперь каждому приходилось выполнять задание за троих, хотя хлебную карточку каждый получал одну.

Передовые приемы работы бригады Бузулуцкого были подхвачены в других нефтяных районах. Но первыми их поддержали земляки-бугурусланцы.

В ногу с опытным мастером стремились идти и молодые рабочие, недавние выпускники ремесленного училища Александр Холдобин, Юрий Нюхтилин, Евгений Хмелев, Яков Перцев и многие их ровесники.

В первые военные годы в Оренбургскую область из прифронтовой полосы начало прибывать оборудование многих эвакуированных предприятий. В Бугуруслан перебазировался один из крупнейших на Кавказе трест «Азнефтегазстрой». В адрес треста «Бугурусланнефть» прибыло оборудование Ромене кой нефтеразведки. В полном составе прибыл сюда коллектив конторы бурения из Майкопа. Выгрузив с платформ все необходимое, буровики сразу же доставляли его на отведенные участки и приступали к бурению.

Если в 1940 году в городе было 36 предприятий, то теперь их стало 55.

Потребность в жилье для прибывших так возросла, что приходилось использовать все, что только можно было приспособить для расселения людей. Еще большие трудности возникли в 1942 году, когда в Бугуруслане надо было разместить тысячи прибывших с Кавказа нефтяников, строителей и членов их семей. Многих пришлось поселить в ближайших селах Асекеевского, Бугурусланского, Мордовско-Боклинского районов. В самом Бугуруслане в срочном порядке стали рыть землянки, строить саманные бараки.

В Бугуруслане разместили часть цехов Харьковского танкового завода, авиашколу, Московскую фабрику № 10, Молдавский пединститут, курсы руководящих работников ЦК ВКП(б) и Совнаркома Молдавской ССР, Центральное справочное бюро по розыску эвакуированных, переселенческое управление СССР, Государственный украинский театр имени Щепкина и другие организации, тысячи людей, приехавших из временно эвакуированных районов.

В город эвакуировалась семья прославленного партизана, Героя Советского Союза Константина Заслонова, мать снайпера Героя Советского Союза Натальи Ковшовой. По официальным данным, всего в Бугурусланском районе поселили 10 675 эвакуированных, в том числе в городе — 6489 человек. В Пилюгино и Коровино разместили два детских дома, эвакуированных из Белоруссии, и в Бугуруслане — детский дом № 1 и детский приемник.

Центральное справочное бюро, или как его сокращенно называли ЦСБ, — это особая страница в истории Бугуруслана. Не зря его называли «городом надежды».

Спасаясь от наступающих гитлеровских армий, миллионы людей оставляли родные места, уходили на восток. Многие в дороге под бомбежками теряли своих близких. Эвакуированные расселились по всей стране. Надо было срочно создать такую организацию, которая помогала бы людям разыскивать родных и близких. Так, в 1942 году в Бугуруслане обосновалось Центральное справочное бюро по розыску эвакуированных. Об этом сообщило Всесоюзное радио, написали центральные газеты. В публикациях назывался адрес ЦСБ: гор. Бугуруслан, ул. Комсомольская, 6.

В самый короткий срок для ЦСБ были выделены помещения. Главную картотеку разместили в здании на углу улиц Московской и Коммунистической. Возглавил Центральное справочное бюро полковник милиции Сергей Иванович Аксенов, он был тяжело ранен, ходил на костылях. Его заместителем назначен майор милиции Т. К. Стеблий.

В Бугуруслан поступали сведения об эвакуированных со всех концов страны. Сюда же отовсюду шли письма с просьбой помочь в розыске родственников, друзей, знакомых, потерянных в лихую годину войны. Письма приходили не только из советских городов и сел, но и из-за рубежа — из Канады, Австралии, Англии, Соединенных Штатов, Китая и других стран.

Почта возрастала с каждым днем. Настало время, когда в день стало поступать до 20 тысяч писем. Пришлось увеличивать штат ЦСБ почти до пятисот человек. Не жалея сил, не думая о времени, работали в ЦСБ девчонки из Бугуруслана: Надя Кириллова, Лена Михальченко, Аня Смехнова, Тамара Бороденкова, Аня Бадретдинова — и их подруги, приехавшие из западных районов страны: Клава Алексеева, Наташа Герасимова, Варя Казакова, Дуся Фадеева и другие. Комсомольская организация Центрального справочного бюро, которую возглавляла Анна Юфит, была одной из самых сильных в городе.

Многие тысячи людей ждали ответа из Бугуруслана, и нельзя было оставить непрочитанным ни одно письмо. Не успевали — приходилось удлинять рабочий день до 12, а порой и до 14–16 часов. Иные письма, написанные неразборчивым почерком, приходилось разгадывать, как замысловатые головоломки. А сколько было писем со словами благодарности!

«Дорогие товарищи! — писал боец А. Марченко. — Ваш ответ получил в своей фронтовой землянке. Невзирая на то, что сейчас третий час ночи, решил черкнуть вам, поблагодарить за помощь в розыске моей семьи».

Сколько тяжелейших человеческих судеб прошло через эти письма. Читали и плакали. Писали ответы и тоже плакали. Были слезы радости, когда удавалось помочь, были слезы горести, когда люди, которых настойчиво искали, как в воду канули.

В семье известного советского писателя Василия Гроссмана — автора знаменитого романа «Жизнь и судьба» — хранится письмо из Бугуруслана: «На Ваш запрос Центральное справочное бюро сообщает, что сведения о местонахождении гр. Гроссман Екатерины Савельевны еще не получены. Ваш запрос принят нами на контроль и по получении сведений адрес разыскиваемых Вами лиц сообщим дополнительно. В случае изменения Вашего адреса просим нас уведомить.

При переписке с нами обязательно ссылайтесь на наше письмо № Г-017597. 7.04.1942 г.»

Бугурусланцы искали мать писателя, запросы шли во все концы страны. Но только после освобождения Правобережной Украины стало известно о ее трагической судьбе. Не успев эвакуироваться, Екатерина Савельевна была схвачена фашистами и расстреляна вместе с тысячами других советских людей в Бердичеве в сентябре 1941 года.

За годы войны в Бугуруслан пришло 17 миллионов писем с запросами на 6,5 миллиона человек. Почти половину из них сумели отыскать скромные труженицы этого важного розыскного фронта. Сколько семей воссоединилось благодаря их помощи. Дети находили отцов и матерей, мужья, чаще всего фронтовики, — жен, братья — сестер.

Летом 1987 года Центральное телевидение транслировало передачу из Оренбурга «От всей души». Ведущая — народная артистка СССР Валентина Леонтьева — рассказала о великом гражданском подвиге сотрудников ЦСБ. На сцене — немногие бывшие сотрудницы бюро: Наталья Ивановна Герасимова и Клавдия Сергеевна Алексеева-Иванова приехали из Москвы, Евдокия Даниловна Фадеева-Носкова — из Куйбышева, Варвара Николаевна Казакова — из Оренбурга, Лидия Закиевна Субханкулова, Анна Григорьевна Бадретдинова, Тамара Михайловна Бороденкова — из Бугуруслана. Зал восторженно приветствовал женщин, которые в тяжелые военные годы доблестно несли свою нелегкую, но такую благородную службу.

Передачу из Оренбурга смотрела вся страна. И совершенно неожиданный резонанс — в Бугуруслан, на улицу Комсомольскую, 6, пошли сотни писем с просьбой... помочь найти родных, которых потеряли в военные годы и не смогли найти до сих пор. Но кончилась война, большинство эвакуированных вернулись в родные края. Выполнив свою благородную миссию, Центральное справочное бюро было расформировано в послевоенные годы.

Бугуруслан стал первым в области городом, в котором газификация началась еще во время войны — сначала на промышленных предприятиях треста, на хлебозаводе, мельнице, других объектах, а затем и в жилых домах.

В 1942 году на базе действующего нефтяного промысла создаются два: первый — Бугуруслан — Калиновка и второй — Бугуруслан — Заглядино. Энергичная разведка ведется в те дни на Заглядинской, Борисовской, Елатомской, Яснополянской площадях.

Героический труд бугурусланских нефтяников был замечен и по достоинству оценен. 6 февраля 1942 года «за образцовое выполнение заданий правительства по увеличению добычи нефти, производству оборонных нефтепродуктов и боеприпасов» была награждена орденами и медалями большая группа работников треста « Бугурусланнефть».

Орденом Ленина был отмечен труд лучшего бурового мастера Никифора Никитовича Зенкова и управляющего трестом Степана Ивановича Кувыкина. Орденом Трудового Красного Знамени награждены: кочегар паросилового цеха Анна Андреевна Кузина и главный геолог треста Александр Иванович Маренин. Ордена «Знак Почета» удостоены: бурильщик Хазби Ахметович Илаев, бригадир вышечников Николай Федорович Лебедев, главный инженер треста Анатолий Николаевич Лутков, мастер по добыче нефти Павел Иванович Никитин, начальник участка бурения Павел Никитович Тощев.

14 человек отмечены медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие». Среди них буровой мастер Василий Дмитриевич Бузулуцкий, бурильщица Анна Кузьминична Воробьева, начальник цеха вышкостроения Степан Андреевич Литвинов, бурильщик Григорий Артемьевич Бугаев, начальник паросилового цеха Андрей Егорович Крупчатников, кочегар Вера Александровна Логачева, механик конторы бурения Николай Иванович Мурейко.

В передовой статье «Трудовая доблесть нефтяников» 8 февраля 1942 года, отмечая достижения бакинцев и грозненцев, «Правда» писала: «Отлично поработали и нефтяники молодого Бугуруслана». Это было очень лестное признание. Нефтяники района, только начинающего свой путь, ставились в один почетный ряд с промысловиками всемирно известных Баку и Грозного.

6 августа 1942 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление о строительстве в Бугуруслане нефтеперегонного завода. Учитывая требования военного времени, а также выгодность расположения Бугуруслана по отношению к фронтам, потреблявшим огромное количество горючего, сроки строительства важного оборонного предприятия установили предельно жесткие — в конце 1943 года завод предстояло ввести в строй.

Недалеко от города подыскали так называемую «пятую площадку», на которой должно

было развернуться строительство крупного предприятия. Сюда пришли изыскатели. Параллельно для обеспечения завода теплом и электрической энергией началось сооружение турбинной электростанции (ТЭС).

27 августа 1942 года бюро областного комитета партии обсудило вопрос «О мерах по выполнению постановления ГКО об ускорении строительства нефтеперегонного завода в гор. Бугуруслане», на котором начальник Главнефтегаза Наркомнефтепрома СССР Боксерман сообщил о том, что подготовительные работы по строительству завода — сооружение складов, столярной и механической мастерских — начнутся не позднее 10 сентября.

Директором завода был назначен Семавин, главным инженером — кандидат технических наук Шпиглер. Определен генеральный подрядчик — трест «Азнефтегазстрой». Здесь в срочном порядке разрабатывали графики строительно-монтажных работ, готовили другую документацию. По указанию ГКО намечалась переброска в Бугуруслан крупных строительных и монтажных подразделений треста «Дальнефтегазстрой» — 1500 рабочих, инженеров и техников, 30 автомашин, 10 тракторов, 5 экскаваторов.

Как отмечалось в одном из документов тех дней, «трест «Азнефтегазстрой» должен не только построить в очень сжатые сроки завод, но и превратить Бугуруслан в крупный индустриальный центр области».

На станцию Бугуруслан стали прибывать из Красноводска составы с оборудованием для нефтезавода. Началась прокладка пятикилометровой железнодорожной ветки к строительной площадке. К концу 1942 года два километра пути были готовы к сдаче в эксплуатацию. В 1943 году предстояло освоить 76 миллионов рублей — огромный для того времени объем. В декабре 1942 года на стройке работали уже более тысячи человек.

Для строительства первоочередных объектов требовалось 500 тонн извести. В двух километрах от города был действующий карьер по добыче известкового камня — «Часовенный ключ», там были напольные печи для обжига извести. Добывался известковый камень и на Благодаровском карьере, в пяти километрах от города. На стройку пошла известь местного производства. Геологи искали месторождения бутового камня, гравия, песка.

В первые же месяцы строительства столкнулись с острой нехваткой квалифицированных строителей и монтажников, а также с недостатком металлических конструкций, труб, цемента, кабеля, других дефицитных материалов. Дополнительные трудности сложились в связи с резко ухудшившейся обстановкой на фронте, с ожесточенными боями на Кавказе, в районах Сталинграда.

В январе 1943 года Государственный Комитет Обороны по просьбе Наркомата нефтяной промышленности решил перенести начало строительства завода на четвертый квартал 1943 года. Вскоре, с согласия Наркомата, Куйбышевнефтекомбинат, которому тогда непосредственно подчинялся трест «Бугурусланнефть», распорядился передать Сызранскому заводу и другим предприятиям нефтеперегонные кубы, ректификационные колонны, теплообменники и другое оборудование. Его там быстро смонтировали. А когда подошел срок начала строительства в Бугуруслане, оказалось, что оборудования для завода нет и в ближайшие годы взять негде. Стройка была закрыта.

В те трудные военные дни особенно широкий размах на промыслах получило стахановское движение. Большинство бригад довело механическую скорость бурения до четырех метров в час. Бригада Н. Н. Зенкова, уплотняя рабочий день, экономя каждую минуту, сократила сроки бурения скважины до рекордных результатов — до трех суток.

На участок П. Н. Тощева из-за бездорожья, вызванного ливнями, несколько дней не могли пробиться ни тракторы, ни машины. Но мастер-коммунист сумел так сплотить коллектив, работавший под проливным дождем, что трудности были преодолены.

Несмотря на нехватку квалифицированных специалистов, на всякого рода трудности, трест «Бугурусланнефть» увеличивал добычу жидкого топлива. В 1942 году здесь действовало 270 скважин. В первый же военный год, по сравнению с предыдущим, добыча нефти возросла более чем в четыре раза, объем бурения — в полтора, эксплуатационный фонд скважин — почти в три раза.

В 1942 году сложилось очень трудное положение со снабжением топливом города Куйбышева. Этот крупнейший волжский индустриальный центр, ставший временно второй столицей страны (сюда были эвакуированы Совет Народных Комиссаров, многие наркоматы,

дипломатический корпус), сидел на голодном топливном пайке. Положение усугублялось тем, что в городе и окрестностях разворачивались мощные предприятия, эвакуированные из западных районов страны. А крупные запасы «голубого топлива» — природного газа были совсем неподалеку — всего в 144 километрах, под Бугурусланом.

И хотя в Советском Союзе еще не было опыта прокладки дальних газопроводов, Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве газовой магистрали от Бугуруслана до Куйбышева.

Для эксплуатации газовых месторождений и газопровода была создана Всесоюзная контора «Бугуруслангаз» (управляющий Ким Матвеевич Сульженко). В городе появилась контора строительства № 11.

Трубы для строительства пришлось добывать буквально из-под земли. Было решено разобрать бездействующий нефтепровод, который проложили еще в начале века от Баку до Батуми. Его в спешном порядке демонтировали. Трубы из Баку через Каспийское море доставлялись в Гурьев, а оттуда по железной дороге в район строительства. Трубы надо было привезти с демонтированного трубопровода из Ишимбаево, часть доставлялась из-за рубежа.

Тысячи рабочих из городов и колхозников из близлежащих сел были мобилизованы на оборонную стройку. Только Бугурусланский райисполком направил на трассу 350 человек, главным образом женщин, учащихся техникумов, школьников старших классов, и более 150 подвод с возчиками. 150 человек и 50 подвод работали на стройке из Мордовско-Боклинского района.

В архиве нефтегазодобывающего управления «Бугурусланнефть» хранится приказ наркома нефтяной промышленности СССР И. К. Седина, который выделял стройке... 500 ломов, 1500 кирок и другой инвентарь. Выделить землеройные машины у наркомата, видимо, просто не было возможности. 3000 лопат по заданию обкома партии изготовил для строительства Бузулукский завод имени Кирова. Промартели Бугуруслана получили срочный заказ сделать тачки, черенки для лопат, бочки, глиняные миски и ложки.

— Техники такой, как сейчас, тогда и в помине не было, — рассказывал мне один из старейших работников «Бугурусланнефти» Иван Александрович Скворцов, — не только траншею рыли, но и все другие работы — сварку труб, изоляцию, засыпку — выполняли вручную. Помню, на Бугурусланском участке работал один-единственный экскаватор небольшой мощности, но он больше стоял, чем копал — часто ломался, а запчастей к нему не было... А вот сварку труб, припоминаю, вели круглые сутки...

Сохранилась интересная фотография, сделанная в те дни на трассе недалеко от Бугуруслана. Таким же способом, как на обычных сельских колодцах, трубы на веревках спускаются в траншею. Чуть поодаль стоит верблюд, запряженный в телегу. Трубы, изоляционные материалы, электроды и другие грузы для стройки перевозили с железнодорожных станций на трассу в основном на лошадях, быках, верблюдах.

Неподалеку от Куйбышева в срочном порядке строилась газораспределительная станция, прокладывались отводы к предприятиям и в первую очередь — к Безымянской ТЭЦ. А на Новостепановском и Калиновском месторождениях около Бугуруслана тоже шла напряженная работа — группировались, готовились к транспортировке газа промысловые скважины, возводилась головная компрессорная станция.

Стальных труб не хватало на 30 километров трассы. И тогда по предложению начальника Главнефтегаза Ю. И. Боксермана и инженера И. В. Бородина руководители стройки приняли смелое и даже рискованное решение (прецедентов в мировой практике не было!): на конечном участке перед Куйбышевом вместо металлических уложить асбоцементные трубы, которые специально изготовили на Воскресенском заводе под Москвой. Для их испытания на перекачку нефти и газопроницаемость в промышленных условиях были созданы два опытных участка. По газу — недалеко от Бугуруслана. на базе скважины № 5, по нефти — в районе Журавлевки. Трубы блестяще выдержали нагрузку.

15 сентября 1943 года первый в стране крупный газопровод вступил в строй, началась регулярная подача газа предприятиям, а затем и в жилые дома Куйбышева. Проложенная в 1942–1943 годах подземная газовая магистраль действовала еще долго — обеспечивала дешевым топливом огромный город до конца войны и в послевоенные годы. Позднее Куйбышев, население которого превысило миллион человек, стал в достатке получать «голубое топливо» по мощному

газопроводу из Оренбурга.

В 1944 году в связи с большими трудностями в обеспечении топливом Оренбурга, обком партии обратился в Центральный Комитет ВКП(б) с ходатайством о строительстве газопровода от Бугуруслана до областного центра. Были приложены все необходимые обоснования и по запасам газа, и по двум вариантам трассы: один — 240 километров напрямую и второй — 340 километров от Бугуруслана через Бузулук, Сорочинск (чтобы газифицировать и эти города). Но из-за острой нехватки труб решить тогда эту сложную проблему не удалось.

Огонь памяти

На ровной площадке на склоне кинельского берега, у въезда в город с южной стороны, взметнулся в небо пятнадцатиметровый обелиск — это памятник бугурусланцам, не вернувшимся в родные края с полей сражений Великой Отечественной войны.

Когда страна готовилась к 50-летию Великого Октября, бугурусланцы решили достойно отметить память земляков, павших в боях за Родину — создать монумент Славы. На конкурсе лучшим признали проект бугурусланского художника А. Н. Остроумова. Многие горожане непосредственно участвовали в создании памятника.

С невысокого черного постамента вздымается вверх рука с факелом. Это работа В. А. Прохоровского. А большую алую звезду (расстояние между концами ее лучей один метр) изготовил работник училища гражданской авиации, участник Великой Отечественной войны коммунист Григорий Николаевич Кравец. Это была очень сложная и ответственная работа. Звезда должна была быть и изящной, и достаточно прочной, способной выдержать самые резкие порывы ветра. Целый месяц собирал Григорий Николаевич каркас звезды, закреплял детали из особо прочного красного стекла, которое раздобыли железнодорожники.

Работники горторга сумели разыскать мраморные плиты, станочники центральной базы производственного обслуживания выточили бронзовые гильзы, в которых покоится земля из Киева, Севастополя, Бреста, Минска и других городов-героев... Учащиеся школ, техникумов, училищ занимались благоустройством, озеленяли площадку. А «главными прорабами» называли главного инженера СУ-3 П. Е. Петрякова и секретаря горкома партии В. А. Крылова. Они координировали работу многих трудовых и учебных коллективов, сотен людей.

Второго ноября 1967 года над городом, над широкой поймой Кинеля прогремел артиллерийский салют. И в то же мгновение загорелась ярким алым светом звезда и вспыхнул факел. С тех пор бьется на ветру негасимое пламя священного огня Памяти.

Стойко сражались бугурусланцы за Родину на фронтах Великой Отечественной войны. В 1941–1945 годах более 15 тысяч рабочих, колхозников, служащих были мобилизованы в действующую армию. Девять тысяч из них не возвратились домой, навсегда остались на кладбищах, в братских могилах на огромных пространствах от Волги до Берлина, в горах Хингана, на сопках Маньчжурии.

Многим из бугурусланцев довелось служить в сформированной у нас в Оренбуржье 358-й стрелковой дивизии. Начав отсчет своего боевого пути в холодные январские дни 1942 года на Северо-Западном фронте в районе небольшого городка Осташкова, у истоков Волги, она в жестоких сражениях пронесла свои боевые знамена до белорусской земли. Потом по приказу Ставки Верховного Главнокомандования 358-я была переброшена на Ленинградский фронт. Тут пришлось воевать в лесах и болотах Карельского перешейка, штурмовать называвшиеся неприступными железобетонные твердыни «линии Маннергейма». Преодолев сложную систему могучих дотов, вечером 20 июня 1944 года полки дивизии ворвались на улицы Выборга.

За героизм, проявленный в боях, дивизия была награждена орденом Красного Знамени и получила почетное наименование Ленинградской, а ее стрелковые полки — Выборгских. 919-й артиллерийский полк был награжден орденом Красного Знамени.

Потом воины 358-й Краснознаменной Ленинградской освобождали города и села в северо-восточных районах Польши, громили гитлеровские гарнизоны в Восточной Пруссии, Особенно памятными были кровопролитные бои за города-крепости Инстербург и Кенигсберг.

Там, на прусской земле, встретили воины славной дивизии долгожданный день Победы. Но война для наших земляков на этом не закончилась. Летом 1945 года эшелоны с полками дивизии в обстановке особой секретности отправились на Дальний Восток. 9 августа, четко выполняя союзнический долг, дивизия в составе Забайкальского фронта вместе со многими другими

соединениями перешла границу и нанесла удар по японским империалистам. Несмотря на яростное сопротивление самураев, прославленные полки в непривычной обстановке — в горах Хингана — захватывали одну за другой сильно укрепленные вражеские позиции, «Орлами Хингана» назвали потом советских воинов, наступавших так стремительно, что противник не удержался на горных рубежах, не смог предпринять ни одной сколько-нибудь серьезной попытки пойти в контрнаступление.

Война была короткой. Не выдержав могучих ударов советских войск, японское командование капитулировало. А 358-я стала называться Краснознаменной, ордена Суворова второй степени Ленинградско-Хинганской дивизией.

Но не только в прославленной дивизии воевали бугурусланцы. Их можно было встретить на всех участках огромного фронта, в разных родах войск. Многим пришлось сражаться и в тылу врага — в партизанских отрядах. Целое созвездие Героев Советского Союза вырастила бугурусланская земля.

В годы Великой Отечественной войны первым из бугурусланцев был удостоен высокого звания Героя Советского Союза уроженец села Турхановка (он родился 9 февраля 1913 года) бывший работник межрайонной конторы «Заготскот» старший сержант Иван Абрамович Казаев.

...Позади были бои на Воронежском фронте, смертельные схватки величайших сражений на Курской дуге. В ночь с 21 на 22 сентября полки дивизии, в которой служил командир отделения конной разведки Иван Казаев, вышли к Днепру южнее Киева.

Потерпев тяжелое поражение на курских полях, гитлеровцы рассчитывали надежно укрыться за широкой водной гладью Днепра, создали мощный оборонительный рубеж на крутых берегах реки.

Темной осенней ночью Иван Казаев и его товарищи-разведчики под огнем противника переправились на рыбацкой лодке через Днепр у села Зарубинцы Каневского района Черкасской области. Правее уже перебрались на ту сторону мотострелки, и там шел жестокий бой.

Отделение Казаева, выйдя по камышам к самой крутизне высокого берега, ринулось наверх. Гранатами сбили пулеметчиков. А потом яростная рукопашная. Выбили гитлеровский заслон из окопа, стали готовиться к отражению контратак. Все вооружение — ручной пулемет «дегтярь», противотанковые ружья, автоматы, гранаты. Поэтому старались побольше взять боеприпасов. А враг наседал все ожесточеннее. Их бомбили, обстреливали из минометов и орудий. Отбивали атаку за атакой.

Шесть раз пытались гитлеровцы сбросить советских воинов в воды Днепра. Но Казаев так организовал оборону, что несмотря на гибель почти половины разведчиков, они держались стойко. Так продолжалось более суток. А на рассвете в туманной дымке увидели силуэты сотен идущих к их рубежу людей, изготовились к последней схватке. Но это были свои — роты полка, переправившиеся на завоеванный ими небольшой плацдарм. Скоро из таких ценой большой крови завоеванных на правом берегу клочков земли сложился знаменитый Букринский плацдарм, с которого вместе с северным — Лютежским началось и освобождение Киева, и путь к нашей границе.

23 октября 1943 года Ивану Абрамовичу Казаеву было присвоено звание Героя Советского Союза... После тяжелого ранения, после долгих недель госпитальной жизни учился в танковой школе, стал механиком-водителем, прошел «в броне» еще сотни верст по фронтовым дорогам. Вернулся в Бугуруслан только летом 1946 года. Работал ветеринарным врачом до ухода на пенсию. Но и поныне Иван Абрамович в строю, даже тяжело больной он активно ведет общественную работу, встречается, беседует с молодежью, которая приходит к нему домой.

...Сергей Аниканович Долженков родился в селе Наумовка 18 сентября 1912 года. Когда умер отец, пришлось девятилетнему мальчонке испытать нелегкую судьбу батрака. В 1921 году семья переехала в Бугуруслан. Тут он работал до призыва в армию. В 1937 году, когда заметно поредели ряды комсостава, Долженкова послали на курсы подготовки кадров, он стал младшим лейтенантом.

Война для него началась почти с первого часа на земле Бессарабии. Уже 9 июля 1941 года был тяжело ранен, потом в сентябре — вторично. Из госпиталя вышел только весной 1942 года.

Дивизия, в которой капитан Сергей Долженков командовал батальоном, вела наступательные бои. Однажды наступление застопорилось. На пути была высота, с которой простреливалось большое пространство. Ночью с группой добровольцев Долженков скрытно

обошел высоту и нанес удар с тыла. Бой был выигран, а на груди комбата засиял орден Красного Знамени. За успешное форсирование Северского Донца его наградили орденом Александра Невского.

Когда, развивая наступление, наши части вышли к Днепру, батальон Долженкова одним из первых под покровом ночи 27 сентября 1943 года переправился у села Сошиновка Днепропетровской области на правый берег, захватил плацдарм и, несмотря на почти непрерывные атаки гитлеровцев, не только удержал, но и расширил его. Сюда перебрались и с ходу пошли в наступление полки 31-й дивизии. 29 октября 1943 года комбат Долженков был тяжело ранен и теперь уже навсегда выбыл из армейского строя.

22 февраля 1944 года Сергею Аникановичу Долженкову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вернувшись в Бугуруслан после долгих месяцев лечения в госпиталях, С. А. Долженков работал в партийных органах, был заведующим военным отделом Бугурусланского горкома ВКП(б). Всего лишь три месяца не дожил Герой до 40-летия Победы.

...В северо-восточном углу Бугурусланского района стоит сравнительно небольшое седо Старые Узели. Здесь в крестьянской семье в 1912 году родился Даниил Прытков. С малолетства помогал отцу по хозяйству. Учился в школе крестьянской молодежи в селе Нижне-пазлушкине. Семь километров до школы ходил вместе со сверстниками пешком. Нередко почти все это расстояние мальчишки пробегали бегом от начала до конца. Рос крепким, закаленным. Но начался голод, и, чтобы спасти семью, отец согласился эвакуироваться в Сибирь. Обосновались в Томской губернии, в небольшом городе Новониколаевске (сейчас Новосибирск). Это спасло Прытковым, как и другим бугурусланским семьям, жизнь.

В марте 1942 года Даниил Алексеевич Прытков был призван в армию. Короткие недели учебы — и вот он уже красноармеец 1241-го стрелкового полка. Через несколько месяцев Прытков стал одним из опытнейших разведчиков полка, а затем и дивизии.

В августе 1942 года, возвращаясь из разведки, Прытков попал в засаду. Он понял, что враги хотят взять его живым, подпустил поближе, бросил в ноги гитлеровцам гранату, а сам укрылся за деревом. Оставшихся в живых сразил автоматными очередями. Но, как оказалось, не всех. Сбоку на него бросился офицер с тесаком. Резкий удар в живот, фашист падает. Уничтожив пятнадцать солдат и трех офицеров, он вернулся к своим и доложил о результатах разведки.

В том же августе, пробираясь через лесную чащобу, уже почти у опушки услышал выстрел чуть ли не над головой. Второй прогремел чуть дальше, но тоже откуда-то сверху. Осторожно огляделся: «кукушки» — немецкие снайперы, — замаскировавшись среди ветвей, вели прицельный огонь, стараясь уничтожать командиров, пулеметчиков и просто рядовых бойцов. Прытков тоже начал охоту и перестрелял всех трех «кукушек».

В боях за Ржев Прыткоз уничтожил охрану и захватил склад боеприпасов. Но во время минометного обстрела стали рваться снаряды. Взрывной волной его отшвырнуло в сторону. С тяжелой контузией Прыткова доставили в госпиталь.

После выздоровления он снова в своем полку, но теперь уже не на Западном, а на Центральном фронте. И тут о нем ходят легенды как о дерзком, удачливом разведчике, добывающем ценнейшие сведения в самых невероятных ситуациях.

Первым на бревне Даниил Прытков переправился через Десну, ворвался в траншею противника, уничтожил офицера и нескольких солдат, захватил пулемет и стал прикрывать огнем переправу своих боевых товарищей.

3 июня 1944 года за отвагу и мужество, проявленные в боях за город Ржев, и уничтожение 65 вражеских солдат и офицеров красноармейцу Прыткову Даниилу Алексеевичу присвоено звание Героя Советского Союза.

В послевоенные годы Д. А. Прытков жил в Оренбурге, потом уехал на Украину.

...В черноморском городе Николаеве стоит памятник 68 Героям Советского Союза — отважным десантникам. Под командованием старшего лейтенанта Константина Ольшанского, пройдя на лодках в темноте ночи несколько километров вдоль берега, занятого врагами, они проникли в город, захватили район порта и элеватора и удержали их до подхода основных сил.

На памятнике высечены имена Героев. И среди множества фамилий есть и имя нашего земляка — уроженца села Мордовская Бокла (он родился в 1924 году) комсомольца Акрена Мингазовича Хайрутдинова.

Против небольшой группы морских пехотинцев фашисты бросили три батальона, танки, артиллерию, шестиствольные минометы. Их бомбили «юнкерсы», жгли огнеметами, выкуривали газом. Но как только гитлеровцы поднимались в атаку, немногие оставшиеся в живых десантники встречали врага яростным огнем из всех стволов. Очередями ручного пулемета Акрен Хайрутдинов прижимал вражеских солдат к земле, расстреливал с верхней точки, не давал им идти вперед.

До последнего своего часа сражался Акрен рядом с командиром. Они и погибли вместе — краснофлотец Акрен Хайрутдинов и офицер Константин Ольшанский, погибли 27 марта 1944 года, когда наши войска уже завязали бой за город.

Десантники отразили восемнадцать ожесточенных атак, уничтожили более семисот гитлеровцев. Они погибли почти все. Но ценой жизни спасли Николаевский порт от разрушения, отвлекли на себя значительные силы противника, облегчили взятие города.

20 апреля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР всем бойцам Николаевского десанта было присвоено звание Героев Советского Союза.

...Самым старшим по возрасту Героем Советского Союза из бугурусланцев стал Георгий Владимирович Комаров. Он родился 3 февраля 1896 года в селе Завьяловка. Когда подрос, уехал наниматься на работу на станцию Абдулино. Поступил в вагонное депо и проработал там до начала войны. Отсюда ушел на фронт.

Воевать пришлось на Центральном, а затем на 1-м Белорусском фронте. Парторг роты 470-го стрелкового полка ефрейтор Комаров участвовал в прорыве вражеской обороны в Гомельской области, в районе города Рогачева и одним из первых вместе с другими бойцами форсировал Днепр. Дальше были жестокие бои за города и села Белоруссии, дерзкие переправы через реки Шара и Нарев, выход на границу с Польшей. 4 сентября 1944 года Георгий Владимирович был ранен в руку, но не ушел из строя, поднял бойцов в атаку.

В дни боев на подступах к Варшаве разведгруппа Георгия Комарова ушла в разведку. Несколько дней радист передавал в штаб добытые разведчиками данные. Связь прервалась, когда уже возвращались к своим. Через несколько дней вышел только радист с разбитой рацией.

Только при наступлении Комарова нашли убитым на опушке леса, южнее польского города Ружан. Вокруг отважного воина валялись трупы тридцати семи гитлеровских солдат. Дорогой ценой заплатили враги за гибель советского разведчика.

24 марта 1945 года Георгию Владимировичу Комарову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

...Самым молодым по возрасту из бугурусланцев Героем Советского Союза стал Георгий Антонович Кузнецов. Он родился 2 октября 1922 года в Бугуруслане, в семье кустаря. Семья переехала в Асекеевский район, в село Троицкое. После окончания средней школы, в 1940 году, Георгий был призван в армию. Учился в Черниговском военно-инженерном училище. В связи с началом войны выпущен досрочно.

С декабря 1941 года лейтенант Георгий Кузнецов на фронте. Назначен полковым инженером 229-го стрелкового полка 7-й гвардейской армии.

В ночь на 25 сентября 1943 года при форсировании Днепра у села Бородаевка Верхнеднепровского района гвардии старший лейтенант Кузнецов с группой саперов захватил плацдарм и умело организовал переправу полка на правый берег. Туда потом устремились другие полки дивизии.

Звание Героя Георгию Антоновичу Кузнецову было присвоено 26 октября 1943 года.

В 1945 году Г. А. Кузнецов окончил Московскую высшую офицерскую инженерно-минную школу, а в 1955 году — Военно-инженерную академию имени В. В. Куйбышева. Был оставлен там на преподавательской работе. С 1976 года полковник Г. А. Кузнецов в запасе. Живет в Москве. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями.

...Есть в Бугуруслане улица Сергея Еамбурова. Названа она так в память об одном из первых в Оренбургской области Героев Советского Союза Сергее Никаноровиче Бамбурове. Далеко от здешних мест в дальневосточной тайге, его имя носят поселок и станция. А у Вечного огня на склоне крутого кинельского берега, у памятника Славы в Бугуруслане, хранится горстка земли с его могилы. Командир полка подполковник Бамбуров погиб в бою за небольшой польский город Гнезно, похоронен на легендарной земле крепости-героя Бреста.

А Золотую Звезду Героя Сергей Бамбуров получил более полувека назад, еще в 1938 году.

Родился он 23 сентября 1914 года в большой крестьянской семье в Бугурусланском уезде в селе Осокине (ныне село Октябрьское Северного района). В 1936 году призван в армию. Служить ему довелось на дальневосточной границе в районе Владивостока.

Когда 31 июля 1938 года, оттеснив пограничников у озера Хасан, японцы захватили сопки Заозерную и Безымянную, по приказу командующего Особой Дальневосточной армией В. К. Блюхера регулярные части вступили в бой, чтобы вышвырнуть захватчиков за пределы нашей страны,

Многие воины отличились тогда в первой схватке с японскими империалистами. И среди них молодой политрук Сергей Бамбуров. Окруженный врагами с группой из четырех бойцов, он бил японцев из ручного пулемета. Когда кончились патроны, повел красноармейцев в рукопашную схватку, бил самураев прикладом «дегтяря». Погибли все бойцы, а политработника, как видно, хотели захватить живым. Выбрав удачный момент, Бамбуров последней гранатой разорвал кольцо окружения и вырвался к своим с тремя пулевыми и штыковыми ранами.

25 октября 1938 года Сергею Никаноровичу Бамбурову было присвоено звание Героя Советского Союза. Сердечно встретили Бамбурова в Бугуруслане и в родном селе. В 1939 году он стал слушателем Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Но доучиться не удалось. Со второго курса добровольцем ушел в действующую армию. Пришлось испытать и горечь отступления, и радость побед. Полк Сергея Никаноровича Бамбурова одним из первых вышел к государственной границе. С боями прошли по польской земле, освобождая города и села от фашистской неволи. До Берлина оставалось менее трехсот километров, а до Победы — чуть больше трех месяцев, когда в бою за город Гнезно 6 февраля 1945 года сразила Героя вражеская пуля.

Среди людей, отмеченных боевыми наградами, не часто встретишь тех, у кого на груди ордена Славы всех трех степеней. Их называют полными кавалерами солдатского ордена Славы, и отдаются им такие же почести, как и Героям Советского Союза.

Орденами Славы первой, второй и третьей степеней отмечен уроженец Бугуруслана Юрий Васильевич Калашников. Родился он в 1924 году в рабочей семье. Когда исполнилось восемнадцать лет, в трудном 1942 году ушел добровольцем в армию, был направлен в военно-инженерное училище.

В саперном батальоне подрывника Калашникова называли «мостовиком». Никто другой не умел так дерзко взорвать тщательно охраняемый вражеский мост или, наоборот, под огнем разминировать и захватить мост, обеспечить переправу своих подразделений. Так было не раз на правом фланге гигантского фронта в Карелии, так было потом и на самой южной оконечности левого фланга, в Венгрии и Австрии.

Последний бой на улицах Вены. Ночью 12 апреля 1945 года штурмовая группа саперов, которую возглавлял Юрий Калашников, захватила несколько зданий, разминировала улицы, обеспечила проходы для атакующей пехоты. Грудь сапера еще летом 1944 года украсил орден Славы III степени, затем — II и весной сорок пятого года — высшей, I степени. Но об этой последней награде он и не знал. Высокая награда нашла героя лишь спустя двадцать лет после Победы — в 1965 году.

Символично, что сапер-подрывник стал строителем. Работал мастером, прорабом, начальником строительного управления на прокладке одного из первых дальних газопроводов от бухарских месторождений до промышленных центров Урала. Рядом с боевыми орденами появились трудовые. Теперь Юрий Васильевич Калашников живет в Казахстане.

Бугурусланцы считают земляками, чтят тех Героев Советского Союза, чья судьба связана с городом годами жизни или учебы.

...Михаил Афанасьевич Золотухин родился в 1918 году в соседнем Асекеевском районе. Окончил семилетку, а затем два курса Бугурусланского сельскохозяйственного техникума. Отсюда был призван в армию. Во многих боях отличился комбат Золотухин, но особенно под Херсоном. Днепр здесь особенно широк. Воспользовавшись нависшим над рекой туманом, Золотухин отправил на правый берег на четырех рыбацких лодках два взвода со станковыми пулеметами. Они захватили плацдарм, и туда сразу рота за ротой перебрался весь батальон. Создав штурмовые отряды, Золотухин повел их к Херсону, Батальон прорвал линию обороны на окраине города, стал развивать наступление. Боясь окружения, гитлеровцы бежали из Херсона.

3 июня 1944 года Михаилу Афанасьевичу Золотухину присвоено звание Героя Советского

Союза. После войны он жил и работал в Златоусте. Умер в 1969 году.

...Выпускник Пилюшнской семилетки Степан Никитович Калинин (родился он в 1923 году в Абдулинском районе) был призван в Красную Армию а ноябре 1941 года.

14 июля 1944 года отделение, которым командовал сержант Калинин, одним из первых форсировало реку Неман. 12 раз атаковали гитлеровцы защитников небольшого плацдарма. В самый тяжелый момент Калинин вызвал огонь на себя. Был ранен, но остался в строю. Под прикрытием артиллерии на плацдарм, расширяя его с каждым часом, переправился весь полк.

Звание Героя Советского Союза Степану Никитовичу Калинину присвоено 24 марта 1945 года. В послевоенные годы жил в Куйбышеве. Окончил авиационный техникум и работал по специальности. Умер в 1987 году.

После окончания Пензенского сельскохозяйственного техникума в Бугурусланский район приехал молодой агроном Анатолий Краснов (он родился в Пензе в 1906 году). На действительную военную службу призван Бугурусланским райвоенкоматом. Окончил командные курсы и принимал участие в советско-финляндской войне.

27 февраля 1940 года батальон под командованием лейтенанта Краснова по льду Финского зализа под огнем противника преодолел трудное полутора километровое расстояние. При поддержке артиллерии бойцы пробились через ледяной вал и захватили остров Ханнуккалонсари и сильно укрепленный населенный пункт Ханнуккала.

21 марта 1940 года комбат Анатолий Андреевич Краснов был удостоен звания Героя Советского Союза.

С первого и до последнего дня Великой Отечественной войны А. А. Краснов на фронте, участвовал во многих сражениях как командир полка. Был отозван с фронта и окончил ускоренный курс Военной академии Генштаба. Стал командовать дивизией. В послевоенные годы продолжал военную службу. С 1961 года был заместителем командующего Туркестанским военным округом. Умер в 1967 году. Похоронен в Ташкенте.

...С декабря 1941 года до последнего дня войны продолжалась армейская служба уроженца Днепропетровской области Ивана Назаровича Кудина (родился он в 1923 году).

В боях за город Борисов в конце июня 1944 года под огнем противника командир взвода Кудин установил орудие на прямую наводку и уничтожил три огневые точки врага. Одним из первых на подручных средствах форсировал Березину и, корректируя огонь орудий, обеспечил переправу подразделений полка и захват плацдарма на правом берегу реки.

24 марта 1945 года Ивану Назаровичу Кудину присвоено звание Героя Советского Союза. Уволившись в запас, он с 1946 года жил и работал в Бугуруслане.

...Свою фронтовую биографию уроженец Пензенской области Семен Иванович Никин (родился в 1914 году) начал еще зимой 1939–1940 годов в дни советско-финляндской войны. Участвовал в прорыве «линии Маннергейма».

С июля 1941 года и до дня Победы воевал Семен Иванович на фронтах Великой Отечественной войны. Могучим ударом батальон гвардии майора Никина прорвал линию обороны противника на левом берегу реки Одер, захватил двадцать пять орудий, три самоходки, семьдесят девять грузовиков, пятнадцать складов с боеприпасами и военным снаряжением.

23 апреля 1945 года бойцы комбата Никина одними из первых ворвались в Берлин. Отразив пятнадцать ожесточенных контратак, они захватывали дом за домом, штурмом взяли важный опорный пункт гитлеровцев — Штеттинский вокзал, уничтожили много солдат и офицеров противника, захватили большое количество военной техники.

Звание Героя Советского Союза Семену Ивановичу Никину было присвоено 31 мая 1945 года. В послевоенные годы С. И. Никин жил в Бугуруслане.

...Уроженец города Абдулино Константин Константинович Рыков (родился в 1908 году) окончил Бугурусланскую профессионально-техническую школу. В 1929 году вступил в партию. Тридцать три года продолжалась его армейская служба.

В 1929 году Константин Рыков окончил школу летчиков, а в 1935 году — Высшую летно-тактическую школу ВВС. Еще в предвоенные годы стал летчиком-испытателем. Когда началась Великая Отечественная война, сражался в рядах знаменитого авиаполка, сформированного из добровольцев — летчиков-испытателей.

Был отозван с фронта на авиационный завод, испытывал новую летную технику. За доблесть и мужество, проявленные при испытаниях реактивных боевых самолетов, уже в мирные

дни, 1 мая 1957 года, полковнику Константину Рыкову присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден тремя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета», многими медалями. Живет в Куйбышеве.

...Трижды пришлось воевать Тимофею Петровичу Сафронову в тридцатые и сороковые годы: на Хасане в 1938 году, на Халхин-Голе — в 1939-м и на большой войне — Великой Отечественной. Он родился в 1916 году в Асекеевском районе, в крестьянской семье.

Особенно отличился в боях за Прагу, правобережное предместье Варшавы. Находясь в боевых порядках пехоты, Сафронов — командир отделения артиллерийской разведки — выявлял пулеметные гнезда, батареи противника, которые тут же подавлялись огнем наших гаубиц. 10 сентября 1944 года, когда наступление нашего батальона было остановлено плотным пулеметным огнем из трехамбразурного дота, он сам встал у орудия и метким огнем уничтожил мощную огневую точку.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 21 февраля 1945 года Тимофею Петровичу Сафронову было присвоено звание Героя Советского Союза.

После демобилизации Т. П. Сафронов жил и работал в Бугуруслане. Умер в 1979 году. В селе Асекеево у Вечного огня установлен бюст Героя.

Где только не пришлось воевать бугурусланцам, в какие только ситуации они не попадали. И надо сказать, чем больше лет нас отделяет от времен войны, тем больше тепла отдают ее участникам благодарные современники.

В глубоком, казалось бы, тылу довелось принять жестокий бой батарее береговой обороны, которой командовал бугурусланец лейтенант Николай Михайлович Корняков. Две с лишним тысячи километров отделяли линию фронта от острова Диксон, подходы к которому охраняла батарея Корнякова. Здесь находился важный участок Северного морского пути, по которому через ледяные поля шли суда с военными грузами.

Именно сюда, в Карское море, был нацелен удар гитлеровского тяжелого крейсера «Адмирал Шеер». Он отправился в рейд по-пиратски, обогнув с севера Новую Землю, глухими путями вышел на трассу Севморпути. 25 августа 1942 года крейсер-пират в неравном бою потопил пароход «Сибиряков», а 27 августа появился на подступах к Диксону. Гитлеровцы готовились высадить тут десант и под прикрытием орудий крейсера уничтожить портовые сооружения и мощную радиостанцию.

Батарея лейтенанта Корнякова открыла такой плотный огонь, что, получив повреждения и отстрелявшись для самоуспокоения, «Адмирал Шеер» убрался восвояси. После этого хорошего урока гитлеровцы больше ни разу не рискнули осаждать Диксон.

...Лейтенант Александр Дятлов, уроженец села Васильевка, что под Бугурусланом, свое первое боевое крещение получил еще в небе над монгольскими степями, в районе Халхин-Гола. Когда началась Великая Отечественная война, он служил в авиаполку дальнего действия. На тихоходных «ТБ-3» он и его товарищи летали бомбить железнодорожные станции и мосты, переправы на Днепре.

Однажды, когда бомбили станцию Волчанск, самолет попал в скрещение лучей прожекторов. И в то же мгновение услышали треск — снопы трассирующих пуль прошили машину в нескольких местах. Вышел из строя один двигатель, самолет стал гореть, терять высоту. Умолкла рация. Дотянули до своего аэродрома, как пели в популярной песне тех лет, «на честном слове и на одном крыле».

Самолет нуждался в основательном ремонте. Вскоре после возвращения командир полка вызвал летчика Ивана Матвеева и бортмеханика Александра Дятлова. В тот же день экипаж вылетел под Москву принимать новую технику. И какова была радость гвардии старшего лейтенанта Дятлова, когда на одном из новеньких дальних бомбардировщиков «ДБ-ЗФ» увидел надпись: «Бугурусланский пчеловод». Вспоминая о первой встрече с этим самолетом, Александр Никитович говорил мне: «Знаете, словно дома в отпуске побывал».

Вместе с самолетом получили письмо, из которого узнали, что летом 1943 года пчеловоды шести колхозов Бугурусланского района: Г. К. Соколов («Первое мая»), Ф. А. Ааврухин («12 декабря»), Д. П. Полфунтиков («20 лет Октября»), А. С. Инютин (им. Калинина), И. Я. Шестеркин («Третья большевистская весна») и Д. П. Хоменко (имени Свердлова) — встретились на районном совещании и договорились сообща купить бомбардировщик. Вместе пришли в райком партии,

рассказали о своем замысле. Их поддержали. На другой день они внесли на особый счет госбанка 120 тысяч рублей. В письме в Государственный Комитет Обороны просили вручить боевую машину земляку, военному летчику Александру Дятлову.

На подаренном бугурусланскими пчеловодами бомбардировщике улетели на Ленинградский фронт. Перед самым прорывом блокады совершили три боевых вылета под Красное Село — бомбили позиции вражеских дальнобойных орудий, обстреливающих Ленинград.

Потом фронт стал продвигаться на запад, и все дальше от родных мест уходили полевые аэродромы. 20 апреля вместе с другими экипажами военные летчики обрушили бомбовый удар на Берлин. И потом не раз еще бомбили фашистскую столицу.

После войны Дятлов учился в Ленинградской военно-инженерной академии имени Можайского. Много лет инженер-полковник Александр Никитович Дятлов учил будущих летчиков как старший преподаватель Бугурусланского училища гражданской авиации. Шесть боевых орденов и более десятка полученных им медалей — награды за мужество...

...В Бугуруслане родился и вырос, работал в уездном комитете комсомола, а затем в укоме партии Константин Федоровский. В 1923 году по комсомольской путевке поступил в военное училище. От командира взвода до командира дивизии — таков путь Константина Степановича Федоровского. Начав войну на Северо-Западном фронте, под Старой Руссой, он довел свои полки от Воронежа до Чехословакии. 29 декабря 1944 года генерал-майор Федоровский погиб в бою.

...Особым мужеством отличились осенью сорок первого года защитники полуострова Ханко, или, как они гордо называли себя по-старинному, «гангутцы». Среди них был солдат из Бугуруслана Михаил Максимов. Он служил в одном полку с Михаилом Дудиным, который стал потом одним из лучших советских поэтов. Когда нашим войскам пришлось оставить окруженный со всех сторон белофиннами полуостров, была сформирована группа коммунистов из семидесяти человек, которая прикрывала отход защитников Гангута. В ее составе сражался и бугурусланец Михаил Иванович Максимов. После войны Максимов был на партийной работе, а потом много лет мастером на нефтепромысле.

...В механических мастерских треста «Бугурусланнефть» в предвоенные годы работал слесарем Борис Жуков. За плечами у него была уже служба в армии, несколько парашютных прыжков. С первого дня войны он просил направить его на фронт. В августе 1941 года пришел и его черед. Жукова направили в знаменитую отдельную мотострелковую бригаду особого назначения, которая прославилась своими подвигами в тылу врага. В 1943 году, выполняя специальное задание командования, лейтенант Борис Иванович Жуков погиб в схватке с карателями.

...Необычная военная биография была у Агриппины Федоровны Степановой. Она служила пекарем на полевом автохлебозаводе. Так же, как без оружия, солдат не мог воевать без хлеба. Вместе с подругами Груня выпекала буханки, сушила сухари, обеспечивала питанием фронтовиков. Не раз попадала под бомбежку — гитлеровские летчики охотились не только за огневыми точками и переправами, но и старательно сбрасывали бомбы на фронтовые пищеблоки. С полками 1-го Украинского фронта Агриппина Федоровна дошла до Эльбы. Там, в центре Европы, и закончилась ее армейская служба.

...Вспоминаю встречу двадцатилетней давности. Невысокая, по-девичьи стройная женщина в форменном костюме гражданского воздушного флота вошла в класс.

— Встать! Смирно! — курсанты дружно поднялись, приветствуя преподавателя.

— На занятиях присутствует двадцать четвертое отделение в количестве двадцати семи человек, — четко отрапортовал дежурный курсант Василий Тихонов.

— Здравствуйте, товарищи курсанты!

— Здравия желаем, товарищ преподаватель! — отчеканили парни в ответ.

— Вольно! Сегодня мы будем изучать тему: «Руководство движением самолетов в районе аэропорта...»

В одном из классов Бугурусланского училища гражданской авиации началось обычное занятие. И мало кто из курсантов знал тогда, что их преподаватель Прасковья Федоровна Горбань, кареглазая женщина с обильно посеребренными сединой волосами, в годы войны была разведчицей, партизанской радисткой, не раз прыгала с парашютом в черноту ночи в глубоком тылу врага, выполняя особые задания командования.

...Преодолев на большой высоте линию фронта, самолет шел на запад, прокладывая курс в

стороне от крупных населенных пунктов. Через несколько часов полета внизу в кромешной темноте мелькнули огоньки. По их расположению, обусловленному заранее, поняли — вышли к цели. Спустя минуту под куполом парашюта разведчица приближалась к родной украинской земле. Но сейчас там, внизу, хозяйничают фашисты, и кто знает — встретят ее свои или враги. Каждый такой прыжок был испытанием воли и мужества. Костры служили своеобразным паролем, по которому определяли место приземления. Но случалось всякое. Гитлеровцы иногда зажигали ложные огни, чтобы заманить наши самолеты, летящие к партизанам. Бывало и так, что враги нападали на партизан, когда они встречали самолет с Большой земли.

У нее не было оружия. Одета так, как одеваются женщины на Ровенщине — старая телогрейка, поношенная юбка, платок. Во внутреннем кармане, заколотом булавкой, — аусвайс — удостоверение личности, введенное немецкой администрацией в оккупированных районах. Перед вылетом освоила особенности говора тех мест, тщательно изучала подробную карту района. Словом, местная жительница Пелагея Соколова. Но это, если удачно приземлится, уничтожит парашют, спрячет рацию. На этот раз все обошлось благополучно — встретили партизанские разведчики из отряда товарища С. (она и поныне не знает его настоящего имени). Потянулись партизанские будни. По ускоренной программе обучала радистку Наташу, в определенное время выходила на связь с Центром, передавала сообщения о боевых делах отряда, разведданные.

Она могла уже возвращаться, но Москва передала шифровку: Соколовой отправиться в село Кременцы, дождаться там связного из Ровно и, возвратясь в отряд, немедленно передать доставленные им сведения. Они были настолько важными, что связной мог передать их только человеку, которого знает в лицо. Ей сообщили пароль. И тогда она вспомнила, о ком шла речь. Их познакомили в Москве за месяц до ее вылета. Чтобы лучше запомнить друг друга, они целый день провели вместе, бродили по улицам столицы, сходили в кино. Ночью Борис исчез. И вот теперь она шла на встречу с ним.

Пришла в дом, который указали ей партизаны, познакомилась с хозяйкой Верой Петровной. Эта пожилая женщина не раз укрывала партизанских связных и очень за них переживала. Село стояло на большой дороге, и тут всегда полно было гитлеровцев. Тем более, что на главной улице красовался бар для немецкого воинства.

Прожила день, другой, третий... Связной не приходил. Дальше жить просто так, без работы, было опасно. Хозяйка разузнала, что можно устроиться только официанткой в бар. Выбора не было.

Проворная и аккуратная, она пришлась по душе и хозяину бара, и посетителям. Лихо носилась по залу с подносами, особенно быстро обслуживала господ офицеров.

Однажды вечером она почувствовала, что за ней пристально наблюдает сидящий у окна эсэсовец.

— Скажите, фрейлейн, где я мог вас видеть? — обратился он к ней на чистейшем русском языке.

— Возможно, здесь? — стараясь ничем не выдать волнения, ответила она. А в душе похолодело. Сразу подумала о Маше — родной сестре, с которой они были так похожи, что их путали даже хорошо знающие люди. Машу забросили в тыл несколько месяцев назад, и с тех пор она как в воду канула. Неужели попала к ним в лапы?

— Нет, не здесь...

— А больше мы нигде не могли встретиться, — мило улыбнувшись фашисту, сказала она и, как всегда, быстро и беспечно понеслась с посудой на кухню.

В коридоре к ней подскочил шофер Курт. Еще в отряде ее предупредили, что это «свой парень». В случае чего он может помочь. Путая русские и немецкие слова, он зашептал:

— Уходи, Польди, сейчас, шнелль, шнелль, — и он легонько подтолкнул девушку к двери.

Она поставила на стол посуду и спокойно вышла через кухню из бара. Сердце стучало так громко, что, казалось, его могут услышать даже там, в зале, откуда доносится гул пьяных голосов. Перешла улицу, вторую, по огородам стала пробираться к околице, где была резервная явка. Смертельно уставшая от трудного пути, а еще больше от нервного напряжения, она в ту же ночь добралась до отряда. А спустя несколько дней другой связной привел к партизанам Бориса. И с особым наслаждением заработала она ключом, посылая в эфир точки, тире, точки, сложные комбинации цифр, которые там, в Москве, складывались в очень нужные, бесценные для фронта слова.

Задание было выполнено. И с первым же самолетом, прилетевшим в партизанские края, ее вместе с ранеными вывезли на Большую землю. Было только досадно, когда узнала,, что ее лучший друг Николай Горбань, встречи с которым она ждала, только вчера улетел. А куда — об этом он не мог говорить никому, даже ей, любимой. Так надо было. Война не считалась ни с чем.

И снова дежурства там, куда сходились невидимые, строго законспирированные нити связи с разведывательными группами, подпольными организациями, партизанскими отрядами. Эфир полон звуков, и непосвященному человеку кажется, что в этом хаосе писков морзянки и атмосферных разрядов вообще невозможно разобраться. Но в том и состоит мастерство радиста-разведчика, чтобы из тысячи звуков узнать по почерку, по манере работы своего подшефного, обменяться с ним позывными и паролями, принять от него сообщение, передать задание. И она, обладавшая отличным слухом, порой ночи напролет просиживала у аппарата, вслушиваясь в тревожный шум эфира, и ухитрялась иногда найти затухающий голос тех, чей след уже, казалось, безнадежно потерян...

Очень запомнился ей еще один ночной прыжок.

Получила задание: добраться в отряд Комарова, действовавший под Смоленском, обучить радиста и вернуться. Снова, как и под Ровно, вышли на партизанские костры, но то ли запоздала с прыжком, то ли ветер снес далеко в сторону, но ее никто не встретил. А тут еще при посадке повредила ногу. Разорвала в клочья парашют, зарыла обрывки в землю, хорошо приметив место, спрятала рацию. Когда стало светать, осмотрелась: место опасное — невысокий кустарник и редколесье. Не то, что недавно под Ровно. Надо бы пробраться в лес, темнеющий вдали, но нога распухла и болела так, что идти не могла. Холодно, слякотно — стоял конец марта. Только на третий день увидела человека. Он прошел недалеко. Паша внимательно следила за ним, но открыться не решилась. Потом он вернулся. У него было простое русское лицо; пожилой, уже почти старик.

— Дедушка, — крикнула она вдогонку, — как мне в Ивановку попасть?

— А ты откуда тут взялась? — удивленно спросил тот.

— Шла из Колемятино, да оступилась, ногу подвернула, не могу теперь двинуться... Он недоверчиво оглядел ее и сказал:

— Подожди маленько, я женщин позову, они тебе помогут, а я не могу, ты уж не обессудь — по важному делу тороплюсь...

Паша стала ждать. На этот раз по аусвайсу она значилась Пелагеей Воронцовой. На всякий случай спряталась под кучей хвороста, прихватив для обороны лопатку — кто знает, кого этот старик пришлет. Но действительно пришла старушка, назвалась Зинаидой Ивановной Борисенко. Переждали они, пока стемнеет, и пошли в село. Труден был путь: очень нога распухла и так разболелась — ступить нельзя. Можно сказать, на одной ноге допрыгала.

Только успели зайти в избу, как в дверь постучали.

— Лезь в печь, — шепнула хозяйка.

Залезла, закрылась заслонкой. В избу вошли двое — староста и немецкий солдат.

— Кто к тебе сейчас заходил? — спрашивает староста.

— Фрося, сестра была, ушла вот только, — отвечает хозяйка.

— Врешь, Зинаида, сама с кем-то шла.

— Не веришь, смотри...

Пошарили они по избе, все закоулки осмотрели. Уходя потребовали тут же старосту известить, если кто появится.

Погасила Зинаида Ивановна свет, выпустила Пашу из заточения. А та чуть жива. Печь днем топилась и толком остыть не успела. Семь потов с девушки сошло, за все три дня отогрелась. Думала, что если еще с минуту-две придется сидеть — потеряет сознание. К тому же страху натерпелась, пока избу обыскивали — ведь они даже на печь забирались, а вдруг бы додумались внутрь заглянуть.

Легли спать вместе с хозяйкой. Перед рассветом кто-то осторожно трижды постучал в окно. Паша снова в печь собралась лезть. Но это пришел посыльный из отряда — оказывается, старик — местный лесник дядя Дмитрий — предупредил партизан.

— Ну и теплынь стоит, прямо лето, — сказал связной пароль.

— Да нет, весна еще, — отзывом ответила радистка.

Вместе ушли они в лес. Партизанский врач полечил ее. Обучила она тут радистскому

мастерству молодого партизана Николая и снова вернулась на Большую землю. Немало еще было в боевой биографии разведчицы таких тяжелых ситуаций, когда жизнь ее висела на волоске.

Отгремела война. Николай Горбань тоже вернулся из последнего рейда в тыл врага живым и невредимым. Прасковья Федоровна и Николай Лукич поселились в Бугуруслане, долгие годы работали в училище гражданской авиации, передавали свои знания будущим летчикам.

Память часто возвращает их в военные годы. Вспоминаются самолеты, уходящие ночью за линию фронта, прыжки в неизвестность, полные испытаний дни, проведенные во вражеском тылу во имя Великой Победы.

...Все военные годы с особой самоотверженностью трудились для фронта тысячи бугурусланцев. Работали за двоих, за троих, питались по скудным нормам продовольственных карточек, испытывали массу других невзгод и все же с честью несли нелегкую трудовую вахту.

Чтобы давать стране все больше жидкого топлива и газа, нефтяники не жалели ни времени, ни сил. В 1942 году по сравнению с 1941-м бугурусланцы увеличили добычу нефти в два раза. Себестоимость добычи одной тонны снизили на одиннадцать процентов. Среднесуточная добыча возросла до 1650 тонн. Годовой план выполнили досрочно, еще 26 декабря.

Высокий трудовой подъем обеспечил победу во Всесоюзном социалистическом соревновании. В июне 1942 года трест «Бугурусланнефть» первым среди предприятий «второго Баку» и первым в области завоевал переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны.

23 июля 1942 года в Бугуруслане на площади Революции состоялся митинг. Представитель ВЦСПС, председатель ЦК профсоюза нефтяников тов. Бакалдин, вручил нефтяникам Красное знамя ГКО. Принимая высокую награду, директор промысла Алексей Сидорович Сидоренко заверил, что бугурусланцы все сделают для того, чтобы давать фронту больше горючего.

Свое слово бугурусланские добытчики жидкого топлива держали твердо. До конца войны Красное знамя Государственного Комитета Обороны присуждалось им еще не раз.

Особенно возросла роль «второго Баку», в том числе наиболее выгодно расположенных промыслов треста «Бугурусланнефть», в дни тяжелой осени 1942 года. Гитлеровцам удалось захватить тогда нефтепромыслы Майкопа и Хадыженска, вплотную приблизиться к Грозному, создать угрозу прорыва немецко-фашистских войск к Баку.

Вступая в 1943 год, промысловики Бугуруслана дали слово вдвое увеличить добычу жидкого топлива по сравнению с 1942 годом. Фактически добыча возросла в 2,2 раза. Страна получила от бугурусланцев 240 300 тонн нефти. Годовой план был выполнен значительно раньше срока — 16 ноября. До конца года с промыслов Бугуруслана было отправлено 46 эшелонов сверхпланового жидкого топлива.

Жизнь давала множество примеров трудовой доблести. За досрочное освоение каждой скважины, буквально за каждый час, приближающий ее ввод в строй, боролась бригада Ивана Николаевича Гусарова. Задания по ремонту и освоению скважин она перевыполняла до 170 процентов. Заранее, задолго до окончания бурения скважины, бригада подготавливала арматуру, трубы, инструмент, чтобы без промедлений приступить к работе.

После школы ФЗО в бригаду Гусарова пришли 16–17-летние девчонки. Фрося Кабанова, Шура Столярова, Шура Кацыбина стали операторами подземного ремонта скважин, а Стеша Николаева и Соня Пастушенко — машинистами. У «подземников» никогда не было простой и легкой работы. Любая и трудна и сложна, не для девчоночьих рук. Сегодня надо поднять и заменить вышедший из строя глубинный насос, завтра — зацепить и вытащить оборвавшуюся штангу, послезавтра — промыть скважину, и так изо дня в день, из месяца в месяц.

— Работали мы на самодельном оборудовании, на так называемой «трехножке», — рассказывала Ефросинья Тимофеевна Кабанова. — Трубы тяжелые. Сколько трудов стоило установить эту «трехножку». На одной из труб были приварены небольшие перекладинки — это была «лестница». При монтаже, перекинув через плечо конец талевого каната, надо было подняться к вершине «трехножки» и пропустить его через блок. Лезешь вверх, а трос тянет тебя вниз. Это было и трудно и опасно — забираться-то надо было почти на высоту трехэтажного дома...

Однажды, когда я поднялась уже почти доверху, нога соскользнула с перекладины и, заорав что было мочи, я повисла на руках... Как ни пыталась попасть ногой на перекладину, ничего не получалось...

— Фрося, держись! — крикнул Гусаров и стал подниматься на помощь. — Я потом с трудом разжала пальцы, казалось, что они намертво «припаялись» к трубе...

До станции ходили из города пешком — три километра. Чтобы не опоздать на рабочий поезд, надо было вставать в 5–6 часов. В военные годы смены продолжались по 12, а когда и по 16 часов. Особенно тяжелыми были ночные вахты. Выходных дней не было, об отпусках не могло быть и речи.

Во время ремонта скважины выделяли нефть и газ. К концу смены угорали так, что возвращались домой, как пьяные. Но это первое время, а потом вроде привыкли. Одежда была пропитана нефтью, ходили замазученные. И вот так пришлось работать почти пять лет.

Когда пришла долгожданная победа, стали давать выходные дни и даже отпуска появились. Помню, сколько радости было, когда получила первый в жизни трудовой отпуск. Но потом посидела несколько дней, отоспалась, переделала все домашние дела и стало невмоготу. Пошла к мастеру и со слезами стала просить, чтобы разрешили вернуться в бригаду — так устала от отпуска.

Как рассказала газета «Бугурусланская правда», через много-много лет Ефросинья Тимофеевна побывала в бригаде «подземников». Поехала посмотреть, как теперь работают ребята.

— Порадовалась за них, — рассказывала она. — Хорошо оснащен подъемник. Операторам не приходится поднимать большие тяжести, карабкаться по опасным самодельным лестницам. Есть в бригаде культбудка, инструменталка. Не приходится им купаться в нефти и дышать газом — скважины промываются и задавливаются специальной техникой.

Славилась в Бугуруслане бригада слесарей, которую возглавлял самый молодой пятнадцатилетний бригадир Ваня Фомин. У ребят был твердый порядок — не уходи домой, пока не выполнишь фронтовое задание.

«Эшелонами нефти, добытой сверх плана, поддерживают нефтяники Бугуруслана победоносное наступление Красной Армии», — писала в те дни областная газета.

В октябре 1943 года в Восточной Степановке, где было открыто перспективное месторождение нефти, обосновался еще один — третий промысел. Здесь давали нефть первые высокодебитные скважины, энергично велось бурение новых. Ввод в строй Восточно-Степановского участка дал возможность увеличить в 1944 году суточную добычу на 370 тонн.

Немалую роль в решении сложных задач, стоящих перед нефтяниками, сыграли тогда молодежные коллективы. Бугурусланский горком и комитет комсомола треста, комсорги ЦК ВЛКСМ на промыслах постоянно поддерживали высокий дух соревнования между ними. Одной из самых лучших по праву считалась бригада Василия Дмитриевича Бузулуцкого. Она стала победительницей в соревновании комсомольско-молодежных бригад страны. Ее опыт был обобщен на Всесоюзном совещании бригадиров фронтовых бригад, которое Центральный Комитет ВЛКСМ провел в январе 1944 года. Всего в годы Великой Отечественной войны в Бугуруслане работало 135 комсомольско-молодежных бригад, в том числе 80 — у нефтяников.

Отлично трудились молодые нефтяники из бригад Ивана Михайловича Кондакова, Алексея Климченко, Игнатия Петрова, Петра Новикова, Алексея Полякова и других молодежных коллективов.

Поистине трудовой героизм проявляла в соревновании бригада по монтажу промысловых сооружений Ивана Павловича Дудукалова, которая энергично вела работу на нефтесборных узлах, трубопроводах и групповых приводах. Когда на промысловом участке мастера Игнатия Петрова вышел из строя насос и создалась угроза длительного простоя, на место аварии, на участок Волчьи Ямы, немедленно отправились бригада Дудукалова и начальник паросилового цеха Андрей Егорович Крупчатников. Целые сутки без перерыва работали слесарь Юрий Нюхтилин, сварщик Василий Родионов и другие монтажники, пока не собрали новую насосную установку, обеспечили бесперебойную добычу нефти. Коммунист Крупчатников не только квалифицированно руководил ликвидацией аварии, но и сам работал наравне со всеми.

В сильный буран работали операторы Александра Ивановна Гундова и ее напарница Раиса Ивановна Агафонова. От скважины № 404 резко упало поступление нефти. Немедленно закрыли задвижки и ушли в снежную круговерть по трассе. Киркой и лопатой всю ночь долбили мерзлую землю, пока нашли место порыва. В тяжелейших условиях они ликвидировали аварию. При этом не забывали следить за работой других скважин.

По-фронтовому трудился стахановец кузнец Михаил Моисеев. Его можно было увидеть у

горна в любое время суток. Когда была срочная работа, его нередко вызывали в кузницу глубокой ночью, и он спешил туда, чтобы не подвести товарищей. Ежедневно Моисеев выполнял от двух до двух с половиной норм.

Помощник оператора комсомолка Нина Мартова, заменившая бойца, ушедшего на фронт, несла ночную вахту. Мороз был за двадцать градусов. У одного из мерников вырвало крышку люка. Нефть хлынула на землю. Несмотря на лютый холод, Нина смело пошла под струю и с большим трудом закрыла задвижку. Промокла насквозь, мороз сковал одежду, но Мартова достояла вахту до конца. Задание по добыче нефти было перевыполнено.

Стуликовы работали целой семьей. Отец Иван Григорьевич, как сейчас сказали бы, глава трудовой династии, был плотником, старший сын Дмитрий — оператором по добыче нефти, позднее его наградили орденом Ленина, младший, Александр, после окончания ремесленного училища работал электромонтером, потом стал мастером, воспитал не один десяток хороших специалистов.

Отлично трудились молодые нефтяники из комсомольско-молодежной бригады мастера, секретаря комитета ВЛКСМ промысла Алексея Климченко, работающей на Журавлевском участке. Бригада, в которой было 40 человек, в основном девушек, суточный план выполняла на 120–125 процентов, давала больше половины всей нефти промысла. Только за 1943 год она сверх плана получила более 30 тысяч тонн жидкого топлива. Обком ВЛКСМ присудил ей переходящее Красное знамя, в честь 25-летия комсомола занес в областную Книгу почета. Позднее передовому коллективу было присвоено звание фронтовой бригады имени Героя Советского Союза Зои Космодемьянской.

Самоотверженно работали на своих постах старший оператор Вера Решетникова, техник по учету нефти Анисья Колтушкина и многие другие молодые нефтяники. Стахановка, комсомолка Евдокия Бондаренко, когда не хватало людей, несколько дней подряд работала по 16 часов. Когда на скважине № 16 произошла авария, первой, рискуя жизнью, туда бросилась Дуся Бондаренко, за ней Таня Дмитриева. В труднейших условиях они ликвидировали аварию, сберегли много тонн нефти.

На котельной № 6 насос прекратил подачу воды. Дежуривший в то время комсомолец Василий Катков побежал вдоль линии. В колодце накопилась вода. Не задумываясь, Василий опустился туда, открыл, прочистил забитое мусором отверстие, снова завернул задвижку. Насос заработал. Удалось предотвратить остановку нескольких скважин.

Несмотря на уплотненные до предела рабочие дни, на нехватку людей, транспорта, бугурусланские нефтяники оказывали солидную помощь колхозам подшефных МТС в уборке урожая и хлебозаготовках.

Когда началось освобождение районов, которые были оккупированны захватчиками, предприятия Бугуруслана отправляли в Ставропольский край и в Витебскую область Белоруссии оборудование, инструменты и материалы. Летом 1943 года из Бугуруслана в Сталинград ушли вагоны с полным набором мебели, оборудования, постельного белья, одежды для детского сада на 60 человек и два вагона с очень дорогим для того голодного времени даром — картофелем.

Более тысячи рабочих, инженеров, техников выехали из Бугуруслана в Грозный, Майкоп, Хадыженск, чтобы помочь в восстановлении промыслов, в увеличении добычи нефти.

В суровые военные годы нефтяники Бугуруслана не только успешно справлялись с очень напряженными заданиями Государственного Комитета Обороны, но и находили возможность давать «черное золото» сверх плана. Своим героическим трудом они внесли посильный вклад в великое дело Победы.

За годы Великой Отечественной войны добыча нефти в Бугуруслане возросла почти в семь раз: с 40 тысяч тонн в 1940 году до 275, 1 тысячи в 1945 году. За время войны страна получила от бугурусланцев огромное для тех лет количество — почти миллион тонн нефти, в том числе 117 эшелонов дополнительно к плану.

Это был коллективный подвиг людей, работавших самоотверженно в невероятно тяжелых условиях военного времени. Около тысячи бугурусланских нефтяников были награждены орденами и медалями СССР. Только медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» получили 808 человек.

В знак признания особых заслуг бугурусланских нефтяников Красное знамя Государственного Комитета Обороны, которое они завоевывали неоднократно, было передано им

на вечное хранение.

...Глубокой осенью 1941 года в Бугуруслан были эвакуированы цехи Харьковского танкового завода. И уже спустя несколько месяцев сюда стали поступать с фронта на ремонт подбитые, поврежденные в боях танки. В механо-ремонтной конторе рядом с городской поликлиникой был организован выпуск запчастей, кое-что получали с других уральских заводов, а там, где сейчас виадук через железнодорожные пути, находилась автотракторная контора треста «Бугурусланнефть», обосновался сборочный цех. Отсюда выходили «тридцатьчетверки» и, прогромыхав по окраинным улицам, направлялись на полигон между Бугурусланом и Похвистнево. После испытаний экипажи принимали танки, грузили на платформы и шли на фронт.

Вместе со сравнительно небольшой группой кадровых рабочих, эвакуированных с заводом из Харькова, здесь различные операции выполняли сотни бугурусланских женщин, подростков 15–16 лет, таких, как Николай Тихомиров и Николай Ганичкин. Работали по 12 часов, уставали страшно, но как радовались, когда открывались ворота «сборки» и с грохотом уходила на танкодром еще одна грозная боевая машина.

Когда в 1943 году был окончательно освобожден Харьков, завод вернулся в родные края, поближе к фронту. Но и поныне с гордостью вспоминает известный в Бугуруслане вышкомонтажник Николай Иванович Тихомиров тогдашние тяжелые рабочие смены на танковом заводе.

В те трудные дни в городе всего не хватало. Но люди искали и находили выход из, казалось бы, безвыходных положений. Один из старейших нефтяников Бугуруслана Юрий Петрович Нюхтилин рассказывал мне, как в городе научились добывать поваренную соль, хотя никаких месторождений тут не было:

— Соль в городе стала большим дефицитом, особенно в те дни, когда начиналась массовая засолка овощей. Люди просто бедствовали... Без соли так же, как и без хлеба, не проживешь. А скважины, пробуренные геологами, открыли соляную залежь. Одна из них фонтанировала настоящим, сильно насыщенным раствором соли. Лабораторный анализ показал, что он не содержит никаких вредных примесей, вполне пригоден для получения пищевого продукта. Вот тогда и было решено организовать солеварню и выпаривать соль из пластовой воды. Сделали плоские резервуары вроде противней, заливали раствор, а внизу горел огонь. Вода испарялась и оставалась чистая, белая, мелкая, как порошок, соль. Помню, как благодарны были люди тем умельцам, кто это придумал. Жаль только, что не знаю имена тех людей.

Или вот, — продолжал рассказ Юрий Петрович, — добывали сотни тысяч тонн нефти, из которой на заводах получали бензин и керосин, а сами испытывали огромные трудности с горючим. Создали тогда свои простейшие бензогонки, были такие и в Степановке, и в Калиновке. Около котельной установили мерники, а внутри поставили змеевики. Нефть нагревалась, и легкие фракции (в частности бензин) текли в бочку. Конечно, это горючее было не высшего качества, но машины заправляли им, и они работали...

Не стало спичек, приходилось высекать огонь с помощью кремня. Тогда в небольшом помещении на углу улиц Фрунзе и Крестьянской наладили их выпуск. На базе этого небольшого цеха горпромкомбинат создал потом фабрику, которая выпускала в день до 60 ящиков спичек.

Очень не хватало обуви. И артель «Красные бойцы» наладила выпуск ботинок с брезентовым верхом и деревянной подошвой.

Тяжелейшее положение сложилось в сельском хозяйстве. В селах почти не осталось мужчин. Из МТС выходили на поля старые колесные тракторы и изрядно поношенные комбайны. Вся тяжесть работы на земле и фермах, где тогда не было совершенно никакой механизации, легла на плечи стариков, женщин, подростков. Прав был Федор Абрамов, когда сказал, что второй фронт первыми открыли женщины. Именно они кормили страну хлебом, держали на своих хрупких плечах сельское хозяйство. За военные годы Бугурусланский район дал государству зерна 579 тысяч центнеров, мяса 18 тысяч и молока свыше 40 тысяч, много других продуктов полеводства и животноводства.

В колхозе имени Чапаева живет мать-героиня Федора Евдокимовна Вдовина. В первые дни войны проводила она на фронт мужа. А зимой в разгар тяжелых боев под Москвой получила похоронку. Осталась Федора с детьми, десять их было. Всю войну с первого до последнего дня и долго еще в послевоенные не менее тяжелые годы работала она в колхозе. Подрастали дети и тоже

один за другим приходили на помощь матери. Ордена Трудового Красного Знамени и «Мать-героиня», медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» — высокие награды за жизненный подвиг колхозницы.

В этом же хозяйстве осенью 1943 года Клавдия Илингина и девять ее подруг-комсомолок решили к 25-летию ВЛКСМ вспахать конными плугами 120 гектаров зяби. Ходить за плугом — не женская работа, испокон веку пахарями были мужчины. Но девчонки выстояли. Они падали от усталости, когда возвращались с поля, но слово свое сдержали.

Тогда в районе было двадцать комсомольско-молодежных тракторных бригад. В основном работали тут мальчишки и девчонки 15–17 лет. Отличилась бригада механизаторов из колхоза «Заветы Ленина». Бригадир Иван Моисеев так организовал работу, что молодежный коллектив вышел на одно из первых мест в стране. Бригада была награждена Почетной грамотой Центрального Комитета комсомола, а каждый из юных механизаторов памятным знаком Наркомата земледелия СССР «Лучший тракторист МТС».

Бывший первый секретарь райкома комсомола военных лет, а ныне персональный пенсионер Клавдия Семеновна Фомина (Смехнова), вспоминает, что почетными грамотами ЦК ВЛКСМ были отмечены тогда молодые трактористки: Катя Алексеева из МТС имени Кирова, Лида Пахомова — из Пилюгинской. Любашенко — из Бугурусланской МТС.

Комсомолки Ольга Арефьева и Анна Бочкарева из колхоза «20 лет Октября» вязали по 550 — 600 снопов при норме 450. Лиза Абаева из колхоза имени Леваневского — более 500, а четырнадцатилетняя Валя Гусева из этого же колхоза почти выходила на взрослую норму.

В те дни отличались многие молодые трактористки: Шура Борисенкова, сестры Анисья, Ксения и Екатерина Алексеевы, Зоя Догаева, Тоня Борисова, Мария Камскова, Клавдия Маркелова, Шура Ефимова, Ксения и Анастасия Кадысевы, Таисья Кистанова и многие другие. Очень тяжел был труд трактористок, надрывались девчонки, но фронт требовал много хлеба, и они работали изо всех сил.

Невероятные испытания выпали на долю механизаторов: машины были изношены, запчастей взять негде. Но как ни тяжело приходилось, ремонтники из машинно-тракторных мастерских старались сократить простои техники до предела. В МТС имени Кирова по две-три нормы выполняли подростки: медники А. Тарасов и П. Дмитриев, токари Н. Поваляев и Т. Забегалов. Такие примеры жизнь давала ежедневно во всех колхозах, совхозах и МТС района.

На большом трансконтинентальном пути стоит станция Бугуруслан. Еще в 1926 году на участке Кротовка — Абдулино были уложены вторые пути. И теперь движение поездов через Бугуруслан с каждым годом становилось все интенсивнее. Когда началась война, на запад в дни героической битвы за Москву пошли эшелоны с сибирскими дивизиями, составы с танками, орудиями, самолетами, боеприпасами, горючим с уральских заводов, а на восток — поезда с эвакуированными людьми и оборудованием, выхваченными почти из-под огня заводов.

На станции Бугуруслан загружались наливные составы, доставляющие сырую нефть на перерабатывающие заводы Урала и Поволжья. В военные годы по сравнению с 1940-м погрузка по станции увеличилась в пять раз.

Транспорт тогда работал в военном режиме. Железнодорожники считались мобилизованными. Надо сказать, что они с честью справились с труднейшими задачами — ведь поезда шли в те годы буквально друг за другом. И очень непросто удавалось выкроить время на «окна» для ремонта путей, станционного хозяйства.

Позднее, уже в послевоенные годы, дорога была электрифицирована. Участок от Бугуруслана до Абдулино стал первым в нашей области, где поезда водили электровозы.

Город вместе со всей страной работал на победу, город и лечил раненых. Уже в августе 1941 года в школе имени Калинина разместился эвакогоспиталь 1659-й. Чуть позднее в Бугуруслане развернули еще два эвакогоспиталя — 1660-й и 3316-й.

Главным хирургом в госпитале 3316-м стал известный в Бугуруслане врач Виктор Константинович Фиалков, начальником медицинской части — капитан медицинской службы Нина Моисеевна Фишман, начальником первого медицинского отделения — чапаевец Евгений Васильевич Волженский.

Около десяти тысяч операций, среди которых немало было очень сложных, сделал Виктор Константинович Фиалков. И когда за трудовую доблесть он был награжден орденом Ленина, его тепло поздравили и коллеги, и сотни выздоравливающих, которых добрые руки хирурга вернули в

строй.

Все годы войны работала в госпитале Татьяна Фоминична Бегушева. И одновременно она была донором, сдала 16 литров крови. В этом благородном деле не составляла исключение. От создания госпиталя на улице Куйбышевской, в бывшем здании учительского института, до его расформирования после войны работала там Елена Петровна Прокудина — выпускница Бугурусланского медучилища. Как лучшему донору ей вручили в подарок патефон.

— Очень холодной была зима сорок первого года, — вспоминает Нина Моисеевна Фишман, — особенно трудно приходилось, когда надо было перевозить раненых бойцов и командиров с вокзала в госпиталь на Комсомольскую улицу. Специальных машин не хватало, приходилось везти на санях, ехать по часу, а то и больше. Накрывали вновь поступивших тулупами, одеялами, закутывали потеплее. Дорога была разбита, вся в колдобинах. Толчки очень беспокоили раненых. При разгрузке на помощь приходили работники станции. И, конечно, очень помогали нам бугурусланцы — и взрослые, и школьники. Они дежурили у постелей, приносили домашнюю еду, хотя сами питались по жестким нормам карточек, выступали в палатах с концертами художественной самодеятельности. Школьники собирали лекарственные травы, мох, который использовался при перевязках...

Эвакогоспиталь 1660-й возглавлял бывший директор детского санатория, заслуженный врач РСФСР Федор Дементьевич Большаков.

— Трудности были неимоверные, — рассказывал Федор Дементьевич. — В помещениях, выделенных под госпитали, можно было разместить по 150–200 коек. А фактически приходилось ставить до 400, их собирали по городу. Койки устанавливали и в коридорах, даже на лестничных площадках. Не хватало врачей, транспорта. Медперсонал заготавливал дрова в лесу, овощи, фураж. Трудно было обеспечивать своевременную стирку белья и обмундирования, небольшие прачечные не справлялись. Раздавали все это жителям города и платили за стирку зарплату. Но как ни было трудно, персонал работал поистине самоотверженно, оперировали днем и ночью. Все делали для того, чтобы как можно скорее поставить раненых на ноги...

В городе действовали еще два госпиталя: 4511-й и 255-й. Всего одновременно в госпиталях Бугуруслана находились на лечении более полутора тысяч бойцов и командиров Красной Армии. А за время войны — многие тысячи. Большинство из них возвращались в строй.

В те трудные годы в области пришлось разместить несколько новых детских домов, в которых воспитывались осиротевшие ребятишки. Один из них обосновался в Бугуруслане. Тут жили более трехсот мальчиков и девочек. Настоящими мамами для них стали директор детдома Ксения Прокофьевна Лапина, завуч Нелли Филатова и многие воспитательницы. Подросшие детдомовцы старших возрастов уходили добровольцами на фронт. Как в родной дом присылали они письма в Бугуруслан. «Спасибо вам, родные, за воспитание, которое вы мне дали, — писал Борис Калмыков. — Вам за меня не придется краснеть. Несмотря на ранения, я продолжаю сражаться за Родину. Принят в партию по боевой характеристике. Награжден орденом Красного Знамени, медалями «За оборону Одессы» и «За оборону Севастополя».

Миллионы рублей собрали бугурусланцы на строительство первой и второй танковых колонн имени Чкалова, на боевые самолеты. В областном партийном архиве хранится папка с банковскими документами. Это выписки лицевых счетов, по которым можно установить, сколько от какой организации поступило средств на нужды обороны. Люди вносили эти деньги добровольно, кто сколько мог... От совета женщин треста «Бугурусланнефть» на эскадрилью самолетов «Боевая подруга» поступило 2500 рублей, от сотрудников госпиталя 3316-го и раненых бойцов и командиров — 9500, от школ и других учебных заведений — 59 527, от нефтяников — 166516, от городского театра — 16 174, от музея — 42 рубля 50 копеек, от детсада № 7 — 317 рублей, от книжного магазина — 26... Сотни документов. А когда подсчитали все собранное в Фонд обороны за годы войны (в городе и районе), учли все займы и лотереи, оказалась очень крупная сумма — 25 миллионов 459 тысяч рублей. И, кроме того, отправлено на фронт 15 тысяч посылок, 12 тысяч теплых вещей.

Когда комсомольцы Халиловского района предложили накопить деньги для изготовления звена катеров «Морской охотник», в это дело активно включились молодые рабочие и колхозники Бугурусланского района. Молодежь области собрала огромную сумму — более пяти миллионов рублей, и на 385 тысяч рублей выкупила облигаций государственных займов. Боевые катера были построены. Для их передачи подшефному подразделению Краснознаменного Балтийского флота в

Ленинград выехала делегация молодежи нашей области. В ее состав вошла и секретарь Бугурусланского райкома комсомола Клавдия Смехнова.

В дни войны не гасла культурная жизнь города. В одном из документов областного отдела искусства отмечалось, что «возросла идейная весомость и культура исполнения и в Бугурусланском театре имени Гоголя, где заслуженным успехом пользуется спектакль «Секретарь райкома», показывающий зрителям, как руководители партийных организаций личным примером вдохновляют советских людей на борьбу с подлым врагом... Молодая актриса Бугурусланского театра тов. Соколова нашла яркие краски для обрисовки трогательного образа советской патриотки Талановой в пьесе «Нашествие».

Большой удачей театра стал спектакль по пьесе Константина Симонова «Русские люди».

Не было у театра своего транспорта, но актеры добирались в села, выступали в колхозах и совхозах, были желанными гостями в госпиталях. Не раз давали шефские спектакли и концерты в фонд помощи фронту, семьям воинов. С 1939 года работал в театре один из старейших актеров Константин Иванович Путилов. Воевал, был ранен, вернулся в свой коллектив. Десятилетия проработали на бугурусланской сцене Зинаида Васильевна Казанли, Василий Иванович Поляков и другие артисты, чьи имена благодарно вспоминают зрители.

Если в 1940 году спектакли Бугурусланского театра посмотрела 61 тысяча зрителей, то в 1942-м — 102, а в 1943-м — 172 тысячи человек.

Плодотворно работал на бугурусланской земле и Украинский театр имени Щепкина.

Только за первый год деятельности в эвакуации артисты дали 22 спектакля и 82 концерта, в том числе 69 — в госпиталях.

В мирные дни

В первый же год после окончания Великой Отечественной войны бугурусланские геологи приступили к поискам нефти на больших глубинах, на горизонтах девона. Удача пришла летом 1952 года. В солнечный день 16 июля на Султангуловской площади из скважины № 100, которую пробурила бригада опытного мастера Александра Ивановича Холдобина, с глубины 2290–2294 метра ударил мощный фонтан. Это была первая девонская нефть Оренбуржья. Сотая скважина действует до сих пор и дала около 700 тысяч тонн жидкого топлива.

Потом к девонским отложениям пробились бригады И. Ф. Кузина, А. Е. Мартьянова, А. И. Матюнина, М. П. Черкасова, И. Н. Подиканова и других мастеров. Богатые девонские залежи были открыты на Красноярском, Заглядинском, Тарханском и других месторождениях.

В 1956 году в Бугуруслане обосновался крупный геолого-разведочный трест «Оренбургнефтегазразведка». Это дало возможность заметно ускорить темпы поисков новых нефтеносных районов, значительно расширить зону разведки. Буровые бригады вышли за рамки Бугуруслана и его окрестностей. Разведочное бурение охватило всю западную и северо-западную часть области. Были открыты новые нефтяные и газовые месторождения: Ефремо-Зыковское, Пономаревское, Ероховское, Покровское, Родинское, Никольское и другие.

С самого начала организации нефтедобычи Бугуруслан стал готовить квалифицированных рабочих разных профессий не только для своего треста, но и для других нефтяных районов страны. За годы существования учебно-курсового комбината здесь подготовили около 40 тысяч операторов, бурильщиков, буровых мастеров, сварщиков, трактористов, машинистов.

Весной 1945 года областной комитет партии обратился в Наркомат нефтяной промышленности с просьбой создать в Бугуруслане техникум, который помог бы решить проблему подготовки специалистов со средним образованием. 23 мая 1945 года замнаркома М. А. Евсеенко ответил: «Открытие нефтяного техникума в Бугуруслане с контингентом приема учащихся 150 человек народный комиссариат нефтяной промышленности считает целесообразным».

Так, сорок с лишним лет назад в Бугуруслане появилось специальное учебное заведение. Занятия начались 1 сентября 1946 года. На первый и второй курсы поступили 300 учащихся на отделения: техников по бурению нефтяных и газовых скважин, по эксплуатационному оборудованию.

В 1968 году, к началу первого семестра, было завершено строительство учебного корпуса, и техникум, наконец, разместился не в приспособленном, а в специально построенном здании на вершине горы, откуда виден весь город.

За долгие годы в техникуме получили путевки в жизнь более десяти тысяч специалистов. Здесь учились буровой мастер, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР А. А. Жуков, лауреат премии Ленинского комсомола, начальник цеха № 1 управления «Бузулукнефть» А. С. Прокаев и другие мастера нефтяных дел. Стали известными учеными в прошлом выпускники техникума доктора наук А. Т. Горбунов, Г. Е. Малофеев, Я. М. Коган, кандидаты технических наук П. А. Ежов, К. В. Степанов.

В наше время в аудитории, учебные кабинеты, мастерские Бугурусланского нефтяного техникума ежедневно приходят более тысячи человек (750 учащихся занимаются на дневном отделении и 250 нефтяников из разных районов страны — на курсах повышения квалификации). Кроме того, 530 человек получают здесь среднее специальное образование заочно.

Осваивать азы профессии, получать настоящую практику помогают опытные нефтяники. В первые годы после окончания Великой Отечественной войны уверенно вышла в ряды передовых бригада бурового мастера Андрея Евдокимовича Мартьянова. Свою трудовую биографию он начинал в Баку сначала рабочим, позже стал бурильщиком. В 1942 году приехал в Бугуруслан. После учебы на курсах его назначили буровым мастером. Когда в 1951 году в дни подготовки к выборам в Верховный Совет РСФСР Андрей Евдокимович Мартьянов был выдвинут кандидатом в депутаты, его кандидатуру горячо поддержали трудящиеся всего Бугурусланского округа, в который входили северные районы области. Андрей Евдокимович стал первым рабочим-депутатом высшего органа государственной власти Российской Федерации от нефтяников Оренбуржья и выполнял депутатские обязанности в течение трех созывов.

Первую послевоенную пятилетку бугурусланские нефтяники выполнили досрочно — за четыре года и восемь месяцев. Страна получила около двух миллионов тонн жидкого топлива. Это было одно из главных сообщений в первом номере газеты «Голос нефтяника», которая начала выходить в Бугуруслане со 2 сентября 1950 года.

В первое послевоенное время в Бугуруслане трудился крупный коллектив нефтяников — четыре с половиной тысячи человек. В городе действовало около тридцати организаций, связанных с добычей нефти.

Еще в довоенную пору в Бугуруслане стали складываться свои, местные кадры. Среди них Алексей Герасимович Авдошин. После окончания школы ФЗО он работал модельщиком. Но уже в 1939 году, когда в городе развернулась новая отрасль и профессия нефтяника все больше становилась популярной, пришел Алексей в контору бурения. Других вакансий не было, и пришлось начинать табельщиком. Но скоро он понял, что конторская работа не для него. Поступил на курсы бурильщиков. Постепенно, но настойчиво осваивал он сложное дело. Пришел в бригаду буровым рабочим. Потом стал помощником бурильщика, а со временем и бурильщиком. А когда в совершенстве овладел трудной и интересной профессией, Авдошин попросил направить его на курсы буровых мастеров.

Вскоре после войны, в 1946 году, ему доверили бригаду. Не сразу все ладилось, мастерство приходило с годами. И настало время, когда о бригаде коммуниста Авдошина заговорили как об одной из лучших в конторе бурения.

В 1957 году бригада Алексея Герасимовича пробурила 12 120 метров, намного перевыполнив задание. На следующий год взяли обязательство довести проходку до 15 тысяч 500 метров.

Узнав о том, что в 1958 году на Красноярской площади предстоит пробурить 31 тысячу метров эксплуатационных скважин, Авдошин пришел к директору конторы бурения Ивану Васильевичу Чумакову.

— Доверьте Красноярку нам с Жуковым, — сказал он. — Мы с Иваном Евстафьевичем посоветовались, прикинули и пришли к выводу, что двумя бригадами пройдем в срок все скважины. Только помогите нам в одном деле...

— В каком? — уже догадываясь, о чем пойдет речь, спросил директор.

— Нужно ликвидировать «окна».

«Окна» — давняя боль и забота буровиков. Сколько времени теряется между окончанием бурения одной скважины и началом проходки другой — жди пока монтажники поставят и подготовят буровую на новой точке.

— Идея хорошая. Надо подумать.

Чумаков встретился с буровыми бригадами, побеседовал с людьми, посоветовался со

специалистами. Предложение Авдошина было заманчивым — обещало большую экономию.

— Ваши предложения принимаются, — сообщил Чумаков Авдошину и Жукову. — Мы все сделаем, чтобы «окон» не было. Дело теперь за вами.

— А за нами, Иван Васильевич, дело не станет, — в тон ему ответил Авдошин, — не сомневайтесь.

Каждой бригаде выделили по два буровых станка. Пока работали на одной скважине, монтажники готовили вышку и оборудование на другой. И так весь год почти бесперебойно. Буровой мастер лично следил за успехами монтажников и в ходе сборки в случае необходимости заставлял их исправлять недоделки, чтобы потом не простаивать.

— Беспокойный ты мужик, Алексей Герасимович, — говорили ему монтажники, когда он вступал в споры с ними, — своими бы руководил, а ты все в чужое дело вникаешь...

А «беспокойный мужик» не только «вникал», но и, когда требовалось, до партбюро и до руководителей треста доходил и настаивал на своем, требовал, чтобы буровая сдавалась, как говорится, «под ключ» — полностью готовой к работе.

Изо дня в день искал Алексей Герасимович малейшие возможности для того, чтобы форсировать режимы бурения. И удалось сделать немало.

Тот, кто бывал на буровых, знает, как много времени даже при хорошо организованном труде отнимают спуско-подъемные операции. И чем глубже становится скважина, тем больше объем работы — монотонной и однообразной. Надо поднимать всю колонну бурильных труб, а длина ее уходит за многие сотни метров, а то и за километры, разъединять ее на отдельные «свечи», менять долото или турбобур. Потом снова соединять, наращивать колонну, спускать в забой.

В бригаде развернулась борьба не за минуты, а за секунды, за ускорение спуско-подъемных операций, замены бурильного инструмента. С каждым днем все больше отрабатывали приемы работы. И в итоге выполнение норм на спуске-подъеме довели до очень высоких показателей — почти до 160 процентов. Каждая сэкономленная секунда дала большой выигрыш во времени, и бригада пробурила за год 16 100 метров. Все десять скважин бригады Авдошина дали нефть. Удалось на 22 процента снизить себестоимость метра проходки. Только за один год бригада сэкономила 135 тонн труб и 160 тонн тампонажного цемента, а в денежном выражении это составляло более миллиона рублей.

О высоком мастерстве Авдошина и возглавляемой им бригады знали теперь не только в области. В декабре 1958 года Алексея Герасимовича пригласили в Оренбург, на бюро областного комитета партии. Очень волновался он, а потом взял себя в руки, обстоятельно рассказал, за счет чего добивается бригада отличных результатов. Состоялся взаимно заинтересованный разговор. По достоинству оценив трудовые успехи коллектива, бюро постановило распространить передовой опыт бригады А. Г. Авдошина среди всех буровых бригад области.

Когда Центральный комитет отраслевого профсоюза подводил итоги социалистического соревнования за 1958 год, оказалось, что самые высокие показатели по Уральской зоне в бригаде Авдошина. Ей было присуждено первое место и первая премия. Родина щедро оценила трудовой подвиг бурового мастера. Указом Президиума Верховного Совета СССР Алексею Герасимовичу Авдошину — первому из нефтяников Оренбуржья — было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот».

Потом такое высокое звание завоевал буровой мастер Бугурусланского управления буровых работ Алексей Никитович Сакадин. Бессменный член парткома управления, он принимал живейшее участие в жизни партийной организации. Коммунисты Оренбуржья избрали его своим делегатом на XXIII съезд партии.

Когда Алексей Никитович вернулся из Москвы, пришел в партком и сообщил о своем решении создать молодежную бригаду и не только передать свой опыт начинающим буровикам, но и заняться их воспитанием, вырастить не просто квалифицированных рабочих, а людей высоких нравственных качеств, партком горячо поддержал Сакадина. Такая бригада была сформирована. В помощь мастеру в молодежный коллектив направили еще нескольких коммунистов.

Вместе с ними Сакадин энергично взялся за дело. В бригаде постепенно сложилась обстановка не только строгой требовательности друг к другу, но и товарищеской взаимопомощи. С первых дней Сакадин стал добиваться, чтобы каждый член молодежного коллектива в

обязательном порядке освоил одну-две смежные профессии. Спустя два года в бригаде уже была полная взаимозаменяемость. Навсегда изжили прогулы, другие нарушения трудовой дисциплины. Стали работать безаварийно. Все это не замедлило сказаться на результатах бурения.

Задания девятой пятилетки бригада Алексея Никитовича Сакадина выполнила одной из первых, еще 10 сентября 1975 года. При плане 48 400 метров буровики прошли более 50 тысяч, получив солидную экономию — свыше 700 тысяч рублей. Производительное время в коллективе составило 80 процентов — самое высокое в то время в бугурусланском управлении.

Постоянно заботясь о росте добычи на своих промыслах, нефтяники Бугуруслана помогали становлению новой отрасли в соседней Татарии. Туда было командировано несколько бригад со своими буровыми станками. Посланцы Бугуруслана немало сделали для освоения огромных нефтяных богатств братской республики.

Позднее, когда на оренбургской земле появились новые нефтяные районы и были созданы еще три новых нефтегазодобывающих управления, туда уехали многие бугурусланцы — опытные, в совершенстве знающие дело специалисты, особенно представители старейшей в области конторы бурения № 1, выросшей в крупное управление буровых работ. На базе этого предприятия были созданы Акбулакская (ныне Переволоцкая), Бузулукская, Сорочинская, Предуральская, Больше-Кинельская (Саракташская) экспедиции глубокого бурения.

Еще в 1949 году бугурусланцы намечали выйти на уровень добычи одного миллиона тонн нефти в год. Но «миллионерами» впервые стали только спустя десять лет — в 1959 году, когда на счет «Бугурусланнефти» впервые были записаны 1086 тысяч тонн жидкого топлива.

В 1970 году бугурусланские нефтяники достигли высшего уровня добычи — около 3 миллионов 300 тысяч тонн нефти.

Были и другие вехи. Скажем, добыча 100-миллионной тонны продукции. Ее вела победитель Соревнования — самая крупная районная инженерно-технологическая служба № 3, которую возглавлял инженер Альберт Макарович Белицкий. В этом огромном объеме полученного за долгие годы жидкого топлива почти половину составляла нефть, добытая бугурусланцами.

После ударной вахты, когда сосуды с нефтью из юбилейной тонны заняли почетное место в комнатах трудовой славы, мы беседовали с Альбертом Макаровичем Белицким.

— У нашей инженерно-технологической службы, — рассказывал он, — огромная территория — из конца в конец около ста пятидесяти километров. Добычу ведем в четырех районах области. На этой площади действует более ста семидесяти скважин. Такая разбросанность создает нам очень большие трудности и с организацией работ, и с обслуживанием. Преодолевать их очень помогает настойчивая работа наших ветеранов производства: Александра Даниловича Яковлева, Николая Михайловича Мязина, Яхьи Мингазовича Нуриева, Михаила Афанасьевича Селиверстова и других старейших нефтяников.

200-миллионную тонну добывали 12 ноября 1984 года. Накануне в северо-западных районах прошли обильные снегопады. Это затруднило работу нефтяников. Но мощные вездеходы доставили людей на все участки. В объединении «Оренбургнефть» за право добыть юбилейную тонну соревновались 420 трудовых коллективов. Среди пятнадцати лучших из лучших были бригады из Бугуруслана, которые возглавляли опытные мастера Николай Пантелеевич Еремеев и Юрий Александрович Сидоров. Вечером после ударной вахты нефтяники чествовали победителей.

Теперь взят курс на 300-миллионную тонну. Ее предстоит добыть до конца XX века. И так же до конца нынешнего столетия должно произойти событие, особенно дорогое для промысловиков Бугуруслана, ведущих добычу уже более полувека. Будет добыта 100-миллионная тонна своей, бугурусланской, нефти. Это в старом районе, где давно уже началось и продолжается естественное падение уровня добычи, истощаются месторождения с многолетней эксплуатацией.

В поиске новых месторождений, в бурении, освоении скважин, эксплуатации особая роль принадлежит штурманам нефтяного дела, людям трудной, хоть и романтической профессии — геологам. Имена многих из них сохранились не только в архивных документах, но и в благодарной памяти, в сердцах людей. Это Константин Романович Чепиков, ставший потом членом-корреспондентом Академии наук СССР, автором многих книг по геологии нефти, Михаил Федорович Свищев — доктор геолого-минералогических наук, написавший капитальный труд «Геологическое строение и нефтеносность Оренбургской области», первооткрыватели

бугурусланских месторождений Яков Семенович Никитин, Семен Львович Герцрикен, Григорий Александрович Кузнецов, Иван Петрович Соколов, главный геолог треста «Бугурусланнефть» в военные годы Александр Иванович Марения, Леонид Митрофанович Креме, Сергей Тарасович Хоришко, Алексей Георгиевич Татаринов, Александра Васильевна Шатунова, Анатолий Семенович Сапега, геолог и летописец Михаил Яковлевич Никитин (его корреспонденции по истории бугурусланских промыслов, о делах и людях нефтяного района постоянно публикуются в газетах «Голос нефтяника», «Бугурусланская правда», «Южный Урал») и многие другие.

...В послевоенные годы в Бугуруслане появились и стали набирать силу новые предприятия.

3 августа 1949 года в бывшем здании дизельной электростанции на Гвардейской улице открылись авторемонтные мастерские треста «Бугурусланнефть». Возглавил новое предприятие энергичный руководитель, участник Великой Отечественной войны Михаил Яковлевич Огольцов. Было тут всего лишь три токарных станка и по одному фрезерному, револьверному и шлифовальному. Начинали маленьким коллективом — 10 человек. С каждым годом мастерская увеличивала объем производства. Были построены новые сборочный, инструментальный, электроцех. Уже в 1953 году мастерские реорганизовали в авторемзавод. Спустя два года его переименовали в «Автозапчасть». Тогда же в городе появилось небольшое предприятие по изготовлению масляных радиаторов для тракторов Минского завода. В 1959 году по постановлению Оренбургского совнархоза завод «Автозапчасть» был выведен из подчинения нефтяникам. К нему присоединили завод «Радиатор». Новое предприятие специализировалось на выпуске запасных частей для тракторов и автомашин и масляных радиаторов. Запчасти всегда были дефицитными, и продукция завода шла, как говорится, нарасхват, часть ее пошла на экспорт.

Потом снова прошла переспециализация. В 1965 году основной продукцией стали масляные радиаторы, а производство запчастей передали одному из киевских заводов. Спустя несколько лет, в 1971 году, завод вошел в состав крупной фирмы «Радиатор» с головным предприятием в Оренбурге и филиалами в Бугуруслане, Бузулуке, О реке и Свердловске.

На заводе началась реконструкция старых цехов и строительство новых — в южной части города, на оживленной транспортной магистрали Бугуруслан — Бузулук — Оренбург.

Продукция бугурусланцев — масляные радиаторы — идут ко всем дизельным двигателям на Алтайский, Волгоградский, Харьковский, Минский, Павлодарский, Кишиневский, Челябинский и другие тракторные заводы, а медно-паянные — для Чебоксарского завода промышленных тракторов и завода «Гомсельмаш» — для самоходных сенокосилок. Радиаторы из Бугуруслана устанавливаются также на комбайнах «Нива», «Колос», «Сибиряк», «Дон-1500». Кроме того, на заводе делают отопители для кабин тракторов. Всего в Бугуруслане выпускают 23 модели радиаторов и отопителей, которые поступают во все области, края, республики. На карте мира сотни адресов, по которым идет продукция Бугурусланского завода. Кроме советских потребителей ее получают более чем в 50 странах мира — во всех государствах Совета Экономической Взаимопомощи, в Англии, Франции, Соединенных Штатах, Канаде, Швеции, Италии, Греции...

Когда в Соединенные Штаты была продана крупная партия тракторов «Беларусь», из Нового Орлеана пришел ответственный заказ на радиаторы к ним. Такие же заказы поступили из канадского города Торонто, потом из других стран. Чтобы выполнить их, пришлось расширять производство. Уже к 1974 году экспортный цех увеличил выпуск радиаторов в полтора раза.

Бугурусланский завод «Радиатор» — единственное в области предприятие, освоившее выпуск молочных сепараторов. Теперь они — незаменимые помощники не только сельских тружеников Оренбуржья, но и многих соседних областей.

По программе производства товаров народного потребления завод «Радиатор» ежегодно выпускает до 170 тысяч молочных сепараторов.

...Расписные деревянные ложки, пиалы, половники, чашки, шкатулки — еще одна продукция Бугуруслана. Покупателей ее привлекает яркая золотистая роспись, напоминающая изделия всемирно известной хохломы. Но это не хохломская работа. Такие красивые изделия выпускает бугурусланский завод «Радиатор». В 1972 году здесь был создан небольшой цех товаров народного потребления. Тогда в заводском штатном расписании впервые появилась необычная для здешнего предприятия профессия — живописец. Начинали с небольшой группы художников — из хохломских краев, из города Семенова, приехала семья Ивановых. Потом

непростое искусство росписи «под хохлому» освоили местные живописцы.

С годами пришло мастерство. Престиж бугурусланских мастеров особенно возрос, когда им было предоставлено право изготовить большую партию сувенирных изделий с олимпийской символикой. Бугурусланские сувенирные наборы охотно покупали москвичи и гости столицы с 1978 по 1981 год и особенно в дни Олимпийских игр 1980 года. Когда на ВДНХ СССР работала выставка, посвященная Оренбуржью, там экспонировались и сувениры из Бугуруслана. А столяр Михаил Федорович Иванов и художница Вера Георгиевна Кувшинова на глазах у посетителей демонстрировали, как из бруска осины получаются красивые сувенирные ложки.

Много лет работают тут живописцы Лидия Михайловна Пичкурева, Галина Михайловна Смирнова, Валентина Владимировна Комарова, Антонина Петровна Пинетова, токарь Якфар Алеевич Даянов, старший мастер сувенирного цеха Алексей Николаевич Ревин и другие искусные мастера.

На бугурусланском заводе «Радиатор» выпускают за год товаров народного потребления на 4,5 миллиона рублей, в том числе 50 тысяч рублей дает сувенирный цех. На 1 рубль зарплаты на заводе получается на 1 рубль 16 копеек товаров народного потребления. Таких хороших примеров в области, к сожалению, немного.

Еще в предвоенные годы появился в Бугуруслане так называемый цех массового пошива. Здесь шили самую разнообразную одежду и для горожан, и для сельских жителей района. В годы войны этот цех работал на оборону. Отсюда отправлялись на фронт шинели, ватники, армейские брюки. Этот сравнительно небольшой цех стал родоначальником швейной фабрики. Она стоит на улице Транспортной, недалеко от того места, где речка Тарханка впадает в Кинель.

Недавно здесь завершена реконструкция. В двухэтажной пристройке разместили подготовительный участок, агрегатно-групповой поток по пошиву мужских сорочек и склад готовой продукции, улучшили условия труда.

С 1987 года коллектив фабрики работает на самофинансировании и самоокупаемости. Переход на полный хозрасчет был серьезным испытанием для бугурусланских швейников. Но они успешно справились с этим делом. В коллективе швейников выросли работники высокой квалификации, люди, пользующиеся особым уважением. Это старший мастер Валентина Александровна Бурова, бригадир Тамара Георгиевна Кускова, раскройщик Александр Алексеевич Иванов, сменные мастера Анна Алексеевна Иванова, Ирина Викторовна Куркина, Тамара Семеновна Егорова, многие другие.

Теперь на фабрике ведется настойчивая борьба за высокое качество продукции. Пока еще бывают рекламации, приходится платить штрафы. А это в условиях хозрасчета сказывается на экономике предприятия. Поэтому стремление выше поднять честь фабричной марки — главное направление в работе.

С 1950 года в Бугуруслане действует молочный комбинат. Он выпускает в год почти на 15 миллионов рублей самой разнообразной молочной продукции. Но с ростом города мощности комбината оказались недостаточными. И теперь намечено построить новое, более крупное, современное предприятие, которое будет вырабатывать каждую смену 25 тонн молочной продукции и 10 тонн сливочного масла. А число работающих с 330 человек возрастет до 450.

Все северные районы области — почти 150 колхозов, совхозов, откормочных площадок — обслуживает Бугурусланский мясокомбинат, который действует с 1968 года. Ежегодно он дает продукции на 30 с лишним миллионов рублей. В последние годы, в связи с ростом поставок скота, комбинат работает, как говорится, на пределе. Особенно трудно приходится в последние месяцы года, когда наступает пора массовой переработки скота. Производство сдерживает маломощный холодильник. Намечена полная реконструкция комбината, оснащение его современным оборудованием, которое позволит сократить долю ручного труда, а она тут еще очень велика. Будут решены и многие социальные проблемы.

В 1981 году начали давать, продукцию хлебокомбинат и комбинат хлебопродуктов. Несмотря на схожесть названий, продукция у них разная. Если первый обеспечивает город и район печеным хлебом и хлебобулочными изделиями (ежегодный выпуск более 8 тысяч тонн), то второй вырабатывает в год около 80 тысяч тонн муки и около ста тысяч тонн комбикормов. В связи с тем, что мощности хлебокомбината исчерпаны, а потребность в пищевых продуктах возрастает, в Бугуруслане строится новое предприятие с прогрессивной технологией, рассчитанное на выпуск до 20 тысяч тонн хлебобулочных изделий.

Разнообразную продукцию дает бугурусланцам городской пищекомбинат — это кондитерские и макаронные изделия, безалкогольные напитки.

Большим спросом пользуется продукция Бугурусланской мебельной фабрики. Отделанные светлым пластиком гарнитуры кухонной мебели — столы с табуретками, шкафы настенные с декоративной панелью, часами и таймером, столы с мойкой и разделочные — и другие очень нужные хозяйкам предметы быта пользуются большим спросом покупателя.

У фабрики большая и интересная история. В 1927 году в Бугуруслане возникла промысловая артель «Красный канат». Чего только она не выпускала — канаты, веревки, шпагат, ложки, сани, полозья, бочки, диваны, пружинные матрацы и многое другое. Когда началась Великая Отечественная война, артель получила ответственное задание — срочно освоить выпуск миноискателей. Промысловики с этим заданием справились. В послевоенные годы артель стала выпускать в основном мебель и получила название «Мебельщик». Потом, когда артели были упразднены, предприятие сменило наименование — деревообрабатывающий завод. А тридцать лет назад он был преобразован в Бугурусланскую мебельную фабрику. Со временем она специализировалась на производстве кухонной мебели.

В дни основания фабрики после окончания института сюда приехала Зоя Мамыкина. Молодого специалиста поддержали в коллективе. И теперь уже почти два десятилетия возглавляет Зоя Павловна Мамыкина это предприятие, дающее очень нужную народу продукцию.

На фабрике работает немало ветеранов: отделочницы Галимба Мингалеевна Тагирова, Тамара Сергеевна Чекмаева, станочница Галина Федоровна Кабанкова, конструктор Владимир Адамович Ненштиль, станочник Амир Абдуллович Калимуллин, прессовщица Элла Давыдовна Курышкина, старший технолог Людмила Павловна Чулиндина и многие другие.

Фабрика долгие годы работала в старых приспособленных помещениях. Условия труда были тяжелыми. Провели реконструкцию. Теперь в цехах хорошая вентиляция, заметно снижен уровень шума, налажено питание, в том числе и диетическое. Открыли на фабрике медицинский пункт, физиотерапевтический и массажный кабинеты. Дети дошкольного возраста обеспечены местами в яслях и детских садах. Все это помогло улучшить настроение рабочих и специалистов, снизить заболеваемость.

Серьезные перемены произошли на фабрике в 1989 году. Трудовой коллектив взял фабрику в аренду; сделав еще один крупный шаг вперед по сравнению со второй моделью хозрасчета.

Есть в Бугуруслане и завод металлоизделий. Его продукция — современные автофургоны службы быта и даже конные подводы на резиновом ходу. Когда-то в колхозах и совхозах почти на нет свели конское поголовье. Все стали возить на машинах, даже бидон молока, несколько буханок хлеба. И лишь много лет спустя поняли, как это дорого и неразумно. Теперь в хозяйства стали возвращаться лошади. И отныне растет спрос на подводы, тем более на резиновом ходу. А недавно на заводе появился новый цех товаров народного потребления, в котором делают незаменимую в условиях холодной зимы Оренбуржья обувь — валенки. Годовая производительность цеха — 40 тысяч пар.

Растет этажами город

Даже в тяжелейшие военные годы в Бугуруслане ни на один день не прекращалось строительство. В 1941–1945 годах были построены жилые дома общей площадью четыре с половиной тысячи квадратных метров, больница на 80 коек, поликлиника, детсады и ясли на 370 мест, баня, механическая прачечная.

Заметно стал изменяться, приобретать современный облик старинный город в годы послевоенных пятилеток. У известного советского поэта Роберта Рождественского есть стихи, которые очень подходят к Бугуруслану, готовящемуся отметить свое 250-летие:

В городе сотни дорог,
Вечность в себе таящих.
Город всегда диалог
Прошлого с настоящим...

В Бугуруслане этот «диалог» ведут современные многоэтажки, новые учреждения культуры, построенные с учетом удивительно удобного рельефа, как будто специально

приготовленного природой для городского поселения, и старые улочки, где немало добротно сработанных особнячков с изумительным кружевом резьбы по дереву. Идешь и залюбуешься творениями самобытных зодчих: резными подзорами, узорчатыми оконными наличниками, воротами, украшенными замысловатыми завитушками, самыми разнообразными декоративными элементами. Таких теремов, с любовью срубленных и прихорошенных чаще всего безвестными теперь мастерами, немало на улицах Чапаевской, Фрунзе, Транспортной и других городских магистралях.

Около полувека назад, в военную пору, в Бугуруслане было создано строительное управление № 3 треста «Востокнефтестрой». Первыми объектами были нефтяной товарный парк на станции Бугуруслан, газовая компрессорная в Заглядино, опытно-промышленная установка в Султангулово.

Тогда же строили первые двухэтажные дома в поселке Энергетик, на улицах Рабочей и Гвардейской.

Уже в первой послевоенной пятилетке строительство жилья в Бугуруслане выросло в два с половиной раза. Потом, в пятидесятые годы, были возведены целые кварталы пятиэтажных домов со школами, детскими садами, магазинами. Позднее, в 1974 году, вырос первый в городе высотный дом. Одна за другой вдоль крутого берега Кинеля поднялись девятиэтажки башенного типа. Видные издалека, они определяют сегодня высотный силуэт города, хорошо вписываются в окрестный пейзаж с уремным лесом речной поймы. А за ними поднимаются в гору старые и новые пятиэтажки, административные здания. Городу тесно стало в распадке между горами; и здания нефтяного техникума, жилого микрорайона, больничного городка поднялись на плоскогорье, у самой кромки леса. Возводились новые дома и в южной части города, где завершилось формирование второго микрорайона. Здесь построен корпус строительного училища.

Говорят, что ни город, то норов. Как и у людей, у каждого своя судьба, свой характер, свое лицо. Много лет соревнуются Бугуруслан с Бузулуком. Именно бугурусланцы открыли богатые нефтяные залежи в окрестностях Бузулука, помогли освоить их, отдали мастеров — рабочих и специалистов. Старая нефтяная «столица» всемерно способствовала становлению молодой. Бузулук по росту добычи обошел Бугуруслан с его менее продуктивными промыслами. В жизни этих нефтяных городов, в их делах много общего. Но в их застройке немало принципиальных различий. В Бузулуке поселок нефтяников создавался на свободных территориях за городом. Сейчас тут крупный многоэтажный массив со всеми необходимыми культурно-бытовыми службами. А вот центр города от этого проиграл, остался в основном одноэтажным. И только в перспективе здесь начнется строительство многоквартирных домов.

В Бугуруслане решительно пошли на ломку старых, обветшалых одноэтажных домов. И теперь здесь почти сформировался настоящий городской центр с Домом культуры «Юбилейный», зданием управления буровых работ и нефтегазодобывающего управления «Бугурусланнефть», домами быта, связи, гостиницей, кинотеатром «Родина», многоэтажными типовыми домами, у которых оригинально оформлены фасады. И город от этого выиграл.

В центре Бугуруслана в аллее из многолетних елей, ведущей к зданию городского Совета, установлен белокаменный памятный знак, на котором два герба города — старинный и новый, разработанный с учетом больших изменений, которые произошли в советские годы. На рисунке герба нашли художественное воплощение с учетом требований геральдики символы Бугуруслана наших дней. Надо отметить, что разработанный бугурусланцами герб в очень лаконичной форме дает подробную информацию о городе. Здесь красное (червленое) поле, олицетворяющее цвет флага нашей страны, зеленое поле — от старого герба — связь с прошлым и символ богатства окружающей природы. Символы основных отраслей промышленности города: шестеренка — машиностроение и буровая вышка — нефтяная промышленность, черная разделяющая полоса — символ нефти, «черного золота». Эти элементы охвачены стилизованными колосьями в знак того, что Бугуруслан является центром сельскохозяйственного района. Нашлось тут место для эмблемы Аэрофлота на голубом поле — напоминание об авиационном училище — и для красного трехлепесткового цветка. Сразу в памяти встает аксаковский «Аленький цветочек» — сказка, записанная Сергеем Тимофеевичем от ключницы Пелагеи на земле Бугурусланского уезда. Несмотря на обилие деталей, герб не кажется перегруженным, так компактно и целесообразно все тут размещено. В городе много елей — и голубых, и серебристых; они не только в главной аллее, но и в саду имени Ленина, у памятника великому вождю, перед зданием горкома партии и

медицинского училища, просто на улицах. История их такая.

Три десятилетия назад после окончания Куйбышевского инженерно-лесомелиоративного училища приехала в Бугуруслан Александра Кондраткова. Молодому специалисту поручили заниматься озеленением города. Росли тогда в центре его карагачи да клены — деревья, стойко переносящие и зимнюю стужу, и летнюю жару. Слишком уж бедным показался лесному инженеру зеленый наряд. Захотелось ей украсить городские улицы елочками.

Стала писать во все концы, просить саженцы. И отовсюду отказ. В Москве на ВДНХ ей подсказали — есть совхоз декоративных культур в Кабардино-Балкарии, под Нальчиком. Там попытались отмахнуться — столицам, крупным городам не хватает, а тут какой-то Бугуруслан. Но Александра Константиновна сумела убедить, что городу нефтяников ели, может быть, нужнее, чем другим именитым городам. Сколько радости было, когда привезла первые саженцы! Потом еще и еще... Но это было только начало — много лет шла борьба за выживание. Сколько лет растили их с соратницей — мастером зеленого хозяйства Раисой Григорьевной Байковой. Прижились деревца, стали могучими взрослыми елями. И кто бы ни приехал в Бугуруслан, все любуются ими — зелеными стройными красавицами.

В последние годы было в Бугуруслане 13 строительных организаций. Самые крупные из них — строительное управление № 3 «Востокнефтестроя» и передвижная механизированная колонна треста «Оренбургтяжстрой». Они в основном ведут строительные и монтажные работы в городе и в селах района. Есть тут строительная организация «Облагропромстрой» и даже участок «Авиастроя». Развивается в Бугуруслане промышленность строительных материалов. Действуют завод железобетонных изделий треста «Востокнефтестрой» и завод сборного железобетона треста «Железобетон». Сооружается строительный комбинат «Агропромстроя». С вводом на полную мощность он будет давать ежегодно до 50 тысяч кубометров железобетонных изделий и до 25 миллионов штук кирпича. Для лучшего обеспечения строек квалифицированными рабочими в 1974 году на базе «Востокнефтестроя» в городе создано среднее профессионально-техническое училище № 19. Здесь готовят строителей самых разнообразных профессий: каменщиков, газо- и электросварщиков, монтажников, маляров, штукатуров, слесарей-сантехников, столяров, плотников, электромонтеров, крановщиков. На строительных площадках работают уже более трех с половиной тысяч выпускников Бугурусланского училища.

Несколько лет на примыкающей к Карповскому лесу северной окраине Бугуруслана строители возводили комплекс зданий больничного городка. И в 1984 году настал день, когда жители получили современную многопрофильную больницу на 450 коек, оснащенную новейшим оборудованием, и поликлинику на 600 посещений в смену. Тогда же, в годы одиннадцатой пятилетки, вступила в строй стоматологическая поликлиника, терапевтический корпус медсанчасти нефтегазодобывающего управления на 120 коек. Организована единая станция «Скорой помощи». Она полностью радиофицирована, это дает возможность быстрее реагировать на вызовы. С учетом пожеланий бугурусланцев поликлиники переведены на новый режим работы, чтобы нуждающиеся в медицинской помощи могли получить ее после трудового дня. В Бугуруслане создан первый в области дневной стационар в женской консультации центральной районной больницы.

Были введены в строй Дом быта, здание районного узла связи, библиотека. Бугурусланцы получили 95 тысяч квадратных метров жилья, в том числе почти 39 тысяч в селах района.

Архитектурную службу города возглавляет член Союза архитекторов СССР Александр Вениаминович Сидоров — человек с творческой жилкой, немало сделавший для того, чтобы хорошел Бугуруслан. По его инициативе городская газета «Бугурусланская правда» регулярно публикует «Архитектурные страницы». Архитекторы ведут разговор о том, каким будет Бугуруслан по генеральному плану, который утвержден облисполкомом 12 июня 1985 года, о зданиях, которые намечается построить в ближайшие годы, где они встанут, как будут выглядеть (каждая страница с иллюстрациями), о наметках, планах, предложениях. И пошли письма и в редакцию газеты и главному архитектору.

Еще по генеральному плану 1970 года намечалось построить здание Дома Советов на центральной площади. Но при этом пришлось бы снести чуть ли не половину сада имени Ленина, который на многолюдных субботниках создавали сами горожане. А для того, чтобы перед Домом Советов сформировалась площадь, предлагалось снести кинотеатр «Звездочка» и интернат. Против такого проекта решительно восстали бугурусланцы. Архитекторам пришлось рассмотреть

немало вариантов, прежде чем нашли приемлемый. И теперь в новом генеральном плане предусмотрено создать площадь на завершении улицы Коммунистической с ориентацией на улицу Комсомольскую и набережную реки Кинель.

Обстоятельно обсуждался вопрос о строительстве городского театра. Деревянное ветхое здание Гоголевской аудитории, построенное на рубеже веков, пришло в такое состояние, что эксплуатировать его дальше было невозможно. Место для новой постройки отвели «с размахом». Для нее предстояло снести целый квартал по улице Революционной. А тут, рядом с отжившими свое домами, были еще добротные двухэтажные здания. Сносить их при острой нехватке жилья — непозволительная роскошь. Но иначе театр не разместить, так как существующие проекты предусматривали зал на 800–1000 мест — не меньше. Ветераны настаивали на строительстве здания на месте старого, помнившего революционные годы, пламенную речь М. В. Фрунзе, спектакли чапаевского театра. А нужна ли городу с населением в 50–60 тысяч человек, а в перспективе до 75 тысяч такая дорогостоящая культурная махина?

После споров и раздумий пришли к выводу — оставить театр на старом месте, в самом центре города, но найти подходящий проектный вариант. Не без труда добились разрешения Госстроя РСФСР и Министерства культуры Российской Федерации на разработку индивидуального проекта районного Дома культуры с залом на 400 мест, со сценой и подсобными помещениями, рассчитанными на полноценные театральные представления. Такой экономичный, разумный вариант был принят, и теперь по соседству с Домом культуры «Юбилейный» возводится новое здание, в котором в недалеком будущем станет работать Бугурусланский театр имени Гоголя.

Проект застройки центральной части Бугуруслана привлек внимание архитектурной общественности. По решению Госстроя и Союза архитекторов России в городе проведен выездной конкурс-семинар, в котором участвовали зодчие из Москвы, Новосибирска, Костромы, Куйбышева, Оренбурга. Гостей заинтересовал своеобразный облик старинного города; они призвали беречь творения народных умельцев, украсивших свои дома деревянными кружевами, декоративной резьбой, возрождать незаслуженно забывающееся искусство деревянного зодчества, советовали не увлекаться многоэтажностью, бережно хранить памятники истории и архитектуры.

Шестидесятые годы — пора энергичного развития в области телевизионного вещания. Уже действовал радиотелецентр в Оренбурге, ретрансляторы в Орске и Бузулуке. В Бугуруслане сооружение ретранслятора задерживалось из-за отсутствия телевизионной мачты, которые в то время были очень дефицитны.

— Тогда решили соорудить мачту своими силами, — вспоминает начальник областного управления связи Александр Николаевич Зиновьев, работавший тогда в Бугуруслане, — раздобыли нужный металл. По просьбе связистов вышкомонтажники разработали конструкцию мачты. Кстати, она получилась уникальной — такой телескопической нет не только в нашей области, но и в Союзе. Нижняя часть ее — как обычная буровая вышка высотой 53 метра. А верхняя — выдвижная. С помощью лебедки она выдвигается изнутри и закрепляется. Во весь рост получилось 109 метров. Сами готовили конструкции, сваривали. Еще одна особенность — мачта без фундамента. Ее смонтировали на металлических санях. С большими предосторожностями вышку втащили на вершину невысокой горы Шихан, выдвинули верхнюю часть с антенной, закрепили растяжками от ранее заготовленных фундаментных блоков. Подключили оборудование. В 1965 году в домах бугурусланцев, наконец, зажглись экраны телевизоров. Первую московскую программу брали от Куйбышевского радиотелецентра. Но сказалось расстояние — 180 километров. Сигнал был слабый, ретрансляционная станция не могла гарантировать уверенный прием передач.

Стали искать другие варианты. Решили ориентироваться на Лениногорск — молодой центр нефтедобычи в Татарии, в котором недавно вступил в строй мощный телецентр, до него около ста километров. Но между Бугурусланом и Лениногорском была горная гряда, которая наглухо закрывала телецентр. Надо было установить вышку в Бугуруслане на более высоком месте. Такую точку нашли в северо-восточной части города, в двух километрах от той горы, на которой стояла вышка.

Однако на демонтаж, перевозку конструкции и сборку на новом месте, наладку оборудования уйдет несколько месяцев, чуть ли не полгода. Так долго оставаться без телевидения? И тогда приняли довольно смелое решение — перевезти стальную махину целиком.

Создали специальный штаб. В него вошли председатель горисполкома И. В. Ильин, начальник узла связи Н. Я. Чечулин, специалисты из вышкомонтажного цеха Болыпе-Кинельской экспедиции.

Бугурусланские вышкомонтажники — люди в стране известные. Горожане и те, кто живет в районах нефтяных месторождений, уже привыкли к тому, что монтажники, не разбирая, перевозят буровые вышки на новые площадки, порой за многие километры, но такое им доводилось увидеть впервые. На огромных санях, которые тащили и поддерживали почти два десятка мощных тракторов «С-100», чуть покачиваясь, двигалась в гору по окраинной улице стальная вышка телевизионного ретранслятора.

Это было в феврале 1968 года. Как готовилась и проводилась такая сложная и очень ответственная операция? Об этом рассказал мне прораб вышкомонтажного цеха Андрей Каспарович Маркердт, который руководил передвижкой.

— Прежде всего внимательно изучили трассу, — говорит Андрей Каспарович. — Было два наиболее трудных участка: спуск с горы с уклоном более тридцати градусов (при таком уклоне спуск и подъем запрещается) и переход через Коськин овраг — довольно широкий и очень глубокий, с крутыми берегами. Там пришлось делать широкую снежную дамбу. Навозили туда огромное количество снега, трамбовали, поливали водой. Морозы стояли сильные. Дамба получилась ледяной, прочной, способной выдержать огромную нагрузку.

Бульдозеры расчистили трассу. На первом участке предстояло двигаться по улице, рядом была жилые дома. Всех жителей из них временно выселили. Но в отдалении собрались сотни людей. Всем было интересно увидеть, как это будет. Высказывались опасения, что вышка упадет, переломится и тому подобное. Мы спокойно начали подготовку к перевозке. Опустили телескопическую антенну, стандартные оттяжки отсоединили от фундаментов, закрепили на четырех тракторах. Чтобы сани не вязли в снегу, не проваливались, подняли домкратами 40-тонную вышку, подвели под полозья широкие стальные лыжи. В упряжку впряглись еще восемь мощных тракторов. Четыре трактора стояли «на задержке» — страховали вышку сзади. Проверив нашу готовность, члены штаба разрешили начинать передвижку. Бригадир Перекоп Кондратьевич Горбунов, вышкомонтажники Михаил Зарипов, Роман Мустафитдинов, Александр Мурзин, Густав Бенгардт заняли свои места.

И вот могуче загудели два десятка моторов — две тысячи лошадиных сил. Синхронно двинулись тракторы, натянулись стальные тросы. Вышка дрогнула и стала, покачиваясь, медленно спускаться к склону. Двигались на первой скорости, на самых малых оборотах. Все облегченно вздохнули, когда стальная громадина опустилась на ровную площадку. А дальше был пологий подъем. Впереди шли четыре бульдозера, расчищали дорогу — предстояло обходить лесок, а потом потихоньку спускаться к оврагу. На другой день еще один сложный переход — по ледовой дамбе через Коськин овраг. И тут все прошло благополучно. Теперь снова сравнительно пологий подъем. Два дня метр за метром ехала вышка на виду у города. И, наконец, новая точка — на 85 метров выше прежней.

— Остановка!

Глаза засветились радостью — операция завершена успешно. Мастерство бугурусланских вышкомонтажников получило еще одно достойное подтверждение. Закрепили мачту растяжками, подняли телескопическую антенну. Связисты стали подключать оборудование, приступили к его настройке.

И вновь засветились голубые экраны в квартирах бугурусланцев, на промыслах, в окрестных селах. Теперь не только улучшилось качество вещания, но и значительно расширена зона уверенного приема. Сэкономлено время, сбережены сотни тысяч рублей.

Потом, позднее, к Бугуруслану проложили радиорелейную линию. Перегружать старую вышку было рискованно. И неподалеку смонтировали другую. Так, в 1985 году в Бугуруслан пришла вторая программа Центрального телевидения, а с нею и оренбургская областная.

Много забот у Бугурусланского горисполкома. Одна из них — надежное водоснабжение вытянувшегося с севера на юг города. Строители сдали в эксплуатацию насосную станцию с общим дебитом три с половиной тысячи кубометров воды в сутки. Построен тринадцатикилометровый водовод от насосной станции до первого микрорайона. Для обеспечения надежного водоснабжения его закольцевали с водоводом второго микрорайона. Введена в строй скважина с дебитом 1200 кубических метров воды в сутки. Завершено строительство

Кармальского водовода с обвязкой пяти скважин и коллектором длиной семь километров.

В канун 1989 года Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил почетное звание «Заслуженный строитель РСФСР» бригадиру штукатуров-маляров Тамаре Владимировне Пирожковой. Эту замечательную труженицу, руководителя комсомольско-молодежной бригады отделочниц имени XX съезда ВЛКСМ из СУ-3 хорошо знает весь город. Долго пришлось бы перечислять дома, в которых вела отделочные работы бригада депутата городского Совета народных депутатов Пирожковой. И отделываются квартиры на совесть.

Таких честных тружеников, болеющих за свое дело, много среди бугурусланских строителей. Это бригадир каменщиков Мария Петровна Гузинова, награжденная орденами Трудовой Славы III и II степеней, бригадир плотников Владимир Михайлович Тарасов, главный механик СУ-3 Абрам Петрович Вине, плотник Владимир Фадеевич Полиенко, Нина Владимировна Сафиуллина и многие другие.

Городской комитет партии и горисполком не раз ставили вопрос о создании в Бугуруслане на базе подразделений территориального объединения «Оренбургстрой» единой строительной организации, обладающей солидной производственной базой, способной выполнять крупные объемы строительно-монтажных работ.

В последние дни 1988 года этот наболевший вопрос был, наконец, решен. Приказом по территориальному объединению в Бугуруслане создан самостоятельный трест «Западстрой».

Бугурусланские вечера

В стране родилась благороднейшая традиция — в первые дни июня, когда отмечались очередные годовщины со дня рождения великого поэта, проводить ежегодно Пушкинские праздники поэзии. Начались с благословения замечательного человека Семена Степановича Гейченко в Михайловском, охватили весь Пушкинский заповедник. Потом в орбиту праздника вошли Ленинград, Москва, Одесса, Кишинев, Болдино, Оренбург, многие другие места, где успел побывать по своей или чужой воле неугомонный, легкий на подъем поэт. Пришел Пушкинский праздник и на аксаковскую землю — в Бугуруслан. Как и в областной центр, сюда стали приезжать гости праздника — столичные и оренбургские литераторы.

«Расскажу... о том, как не так уж близко от Москвы, на краю Оренбургской области, в районном Бугуруслане, местная художественная интеллигенция после литературного вечера в клубе пригласила на чашку чая в музыкальную школу интеллигенцию, приехавшую на Пушкинский ежегодный праздник, — писал в своих заметках, опубликованных в «Литературной России» известный советский писатель, автор нескольких романов Сергей Есин, — Талантливые, доброжелательные и, видимо, бесстрашные люди стояли за кулисами этой встречи. Бог ты мой, такое организовать в школе, в госучреждении!

...Когда-нибудь я организую свой собственный сюжет вокруг того памятного мне вечера. Будет тот же сыгранный в четыре руки отрывок из «Евгения Онегина» и романс Свиридова для виолончели, и преподаватель местного летного училища ГВФ прочтет свои стихи. Мир по-настоящему интеллигентного человека бесконечен. Оказалось, что директор музыкальной школы Юрий Дмитриевич Гришин еще и знаменитый кинолюбитель, и самодеятельная студия тут же, в зале музшколы, снимала фильм о Пушкине в Лицее. И есть в городе свой композитор...

...Нам всем, приехавшим, вдруг показалось, что мы намертво забыли о чуде «живой», не записанной музыки, о домашнем музицировании. Как, оказывается, несуетное общение распрямляет дух...

...И все же не только эти размышления посещали меня во время памятного чаепития. Во всех сложностях его культурных навыков и связей вставал город. Город, повернутый к человеку, к его запросам, к его душе...»

Да простится мне столь пространная цитата. Приятно, что так высоко оценил культурную жизнь Бугуруслана писатель, чье имя хорошо известно читающей России. И должен заметить, что он ничего не приукрашивал... Знаю об увлечениях бугурусланцев, о богатой культурной жизни города не понаслышке.

Четверть века назад познакомился с Юрием Гришиным, тогда еще молодым преподавателем музыкальной школы, писал о нем. Очерк «Человек с кинокамерой» опубликовала газета «Южный Урал». Потом не раз приходилось рассказывать о бугурусланских кинопремьерах.

...Еще в школьные годы он сам делал рисованные фильмы и показывал их своим

сверстникам через фильмоскоп. Но это было не единственное увлечение Юрия Гришина. Он играл на многих инструментах, выступал на сцене в спектаклях школьного драмкружка. Пересилила музыка. Поступил в Оренбургское музыкальное училище.

Вместе с дипломом увез полный чемодан кукол. Сам научился их мастерить и разыгрывать с ними забавные сценки. Особенно удавались сатирические куплеты, которые он исполнял с куклами, а также эстрадные монологи «под Райкина». Был отмечен дипломом на областном фестивале. Неплохо фотографировал. Но фотография не давала удовлетворения — на снимках жизнь застывала, останавливалась. То ли дело в кино!

Юрий решил сам сделать киносъемочный аппарат. Провозился долго, не раз приходилось переделывать; но все же кинокамера, хоть и невзрачная, примитивная, была в руках. Сколько радости испытал, когда отснял первые Документальные сюжеты!

Потом, когда уже стал директором Бугурусланской музыкальной школы, приобрел настоящую камеру «Кварц». А вскоре к ней прибавилась осветительная аппаратура, все необходимое для проявления пленки.

Вот тогда и пришла в голову дерзкая мысль — поставить и снять художественный фильм с декорациями и артистами. Но что ставить? Самому написать сценарий? Это не так-то просто. Нет, лучше начать с экранизации. Остановился на Чехове. Во-первых, это его любимый писатель, а во-вторых, его новеллы невелики по размеру, с яркими образами, массой мыслей, или, как говорят кинематографисты, с богатым игровым материалом.

На стол легло «Беззаконие». Читал, набрасывал режиссерский сценарий, подбирал костюмы, места для натурных съемок. Сложнее оказалось подобрать исполнителей. Одни не верили в его затею, другие стеснялись играть б гриме прямо на улице. Но все-таки энтузиасты нашлись. Это были преподаватели городских школ: Евдокия Ивановна Баркова, Валерий Васильевич Демидов и другие. Главную роль коллежского асессора Мигуева взял на себя.

И начались съемки. С первого же кадра самодеятельная студия столкнулась с неимоверными трудностями. То «актер» плохо вживался в образ, то подводила погода, то не могли найти костюмов чеховских времен. А самому постановщику приходилось быть одновременно и режиссером, и актером, и оператором, и осветителем, и декоратором, и гримером. К тому же надо было проявлять отснятые сотни метров пленки, думать о том, как лучше смонтировать и озвучить фильм. Три месяца работали Гришин и его друзья над своей первой кинолентой.

И вот в маленьком зале музыкальной школы актеры и немногочисленные зрители на кинопремьере. И сам постановщик, и актеры увидели на экране свои недостатки, но фильм был принят восторженно.

Потом были сняты художественные фильмы по чеховским новеллам: «Неудача», «Злой мальчик», «Дочь Альбиона», «Цветы запоздалые».

Над фильмом «На даче» Юрий Дмитриевич и его соратники работали около года. Натурные съемки велись на улицах Бугуруслана, в городском парке, на берегах Кинеля. А павильонные — в квартире адвоката и самодеятельного композитора Юрия Владимировича Соколова. Сам Юрий Владимирович, его жена Вера Николаевна, дочь Елена — люди, влюбленные в искусство, — не только охотно предоставляли для съемок квартиру, обставленную старинной мебелью, но и сами принимали участие в создании фильмов.

Своим любимым делом Гришин увлек многих бугурусланцев. В работе студии участвуют учителя В. И. Новичкова, Ю. Г. Белокозов, адвокат А. М. Кизерова, студент музыкального училища Б. Степанов, бухгалтер почтамта М. С. Решетникова и ее муж — нефтяник М. М. Решетников, летчик-инструктор, бугурусланский поэт А. К. Шиперов и многие другие.

От фильма к фильму крепло мастерство любительской киностудии. На первом Всероссийском смотре любительских фильмов о гришинской ленте «Неудача» тепло отозвался известный кинорежиссер Григорий Рошаль. На втором фестивале показали киноновеллу бугурусланцев «На даче». И на этот раз председатель жюри народный артист СССР Григорий Рошаль вручил Юрию Дмитриевичу диплом первой степени и отличную кинокамеру «Адмирра-16». За фильм «Цветы запоздалые» бугурусланцы получили комплект киносъемочной аппаратуры. В Чехословакии демонстрировался фильм из Бугуруслана «Аптекарша». Удачи окрыляли.

Самый большой зал Бугуруслана «Юбилейный» не смог вместить всех тех, кто пришел на премьеру художественного фильма «Полинька Сакс», поставленного по повести русского

писателя XIX века Александра Дружинина.

Два года продолжалась работа над первым полнометражным звуковым фильмом. Сложности были на каждом шагу. Непросто без материальных затрат воссоздать в условиях Бугуруслана обстановку Петербурга начала прошлого столетия. Нелегко написать сценарий по повести в письмах. А где взять костюмы той эпохи? Снова и снова рылись в книгах, изучали этнографические материалы. Обращались за помощью в музеи и театры. Сколько было радости, когда Ленинградский театр оперы и балета имени Кирова и Оренбургский театр музыкальной комедии прислали костюмы, другие реквизиты. Над фильмом работали более 50 человек.

Натурные съемки вели не только в Бугуруслане, но и в Москве, Ленинграде, на берегу Черного моря, в селе Рычково Северного района, где сохранился старый, заросший помещичий парк.

Много хлопот было у режиссера-постановщика Юрия Гришина, но ему очень помогли соратники. Так, реквизит, например, помогали готовить десятиклассник школы имени Калинина Женя Богатырев (теперь студент Московского института культуры), воспитательница детского сада Алла Новаш, учащийся педагогического училища Женя Тихонов.

В ролях Полиньки Сакс и князя Галицкого снимались журналисты Валентина и Геннадий Филипповы. Сакса играл Юрий Гришин. «Киноартистами» стали воспитательница детского сада Лидия Ефимова, директор районного Дома культуры Виктор Чернышев и другие любители.

Серьезным экзаменом стал фильм и для операторов, которыми стали работники училища гражданской авиации Александр Шиперов и Дома техники «Юбилейный» Виктор Меркулов. Они его выдержали.

Закончились съемки, и началась не менее кропотливая и напряженная работа — надо было проявить пленку, смонтировать и озвучить фильм. Главный режиссер Бугурусланского театра Лев Житницкий, артисты помогли в озвучивании.

И вот премьера. В зале гремели аплодисменты. Это была большая награда авторам фильма, отдавшим ему частицу своей души. Любительская киностудия создает документальные ленты о Бугуруслане, о земляках — интересных людях. Герои одного из таких фильмов — творцы сувенирных изделий с хохломской росписью. Юрий Гришин рассказал о том, как зародился в Бугуруслане совершенно новый для города промысел, в котором слились воедино труд и искусство живописцев, показал замечательные творения мастериц, чьи произведения получили высокую оценку Советского Олимпийского комитета.

Другой фильм «Мы играем и поем» посвящался самым маленьким артистам — ребятам из музыкальной группы детского сада № 5, которые принимали участие в программе Центрального телевидения «Веселые нотки». Оценку выступлениям детей давали телезрители, и они признали бугурусланский ансамбль «Малыш» одним из лучших. Вернулись ребятишки в родной город призерами Центрального телевидения. Можно было снять ребят просто на сцене. Гришин нашел свой сюжетный ход. Весь фильм снимался на фоне самых красивых мест города. От такого сочетания получился фильм-песня о юных музыкантах и о старом, но очень интересном городе.

С особым чувством ответственности принимался Гришин за картину о Викторе Александровиче Мосине. Это человек, страстно влюбленный в жизнь, бывший директор музыкальной школы, художник и композитор. Однажды он приехал на экскурсию в Болдино и застрял там надолго. Так началось увлечение пушкинской темой. Сделаны сотни этюдов, набросков. Потом началась многолетняя кропотливая работа. Читал и перечитывал стихи великого поэта, побывал в музеях А. С. Пушкина в Москве, Ленинграде, Михайловском. «Пушкин в Болдино» — так называется картина Мосина, над которой он работал почти двадцать лет. Более ста работ художника экспонировалось в Бугуруслане. Среди них — «Пушкин у Пскова», «Болдинский пруд», «Александр Сергеевич на прогулке», бугурусланские пейзажи и многие другие. Почти три десятка своих картин и этюдов подарил художник Бугурусланскому музею. Увлеченно работал Мосин над циклом картин о местах, связанных с жизнью В. И. Ленина. Обо всем этом с большой любовью к своему учителю и старшему другу поведал Гришин в этом фильме.

С годами пришло новое увлечение — спектакли слайд-театра при музыкальной школе № 1. На этот раз драматургическую основу составили произведения К. Г. Паустовского. Восторженно встретили в городе премьеру спектакля «Прерванная песня». С интересом смотрели земляки спектакли слайд-театра «Старый повар» и «Корзина с еловыми шишками» по одноименным

рассказам Паустовского.

Но кино — главное творческое устремление Ю. Д. Гришина. На областном конкурсе любительских фильмов кинолента «Воспоминание в Лицее», посвященная Пушкину, завоевала первое место.

Одна из знаменательных работ — фильм о великом Бетховене «Последний визит». Как сказал сам Гришин — это воплощение его давней мечты. В роли композитора выступил Юрий Дмитриевич, ученицы Бетховена Луизы — сотрудница местного радиовещания Светлана Федоровна Лисогор. И подлинной героиней стала прекрасная музыка Бетховена. Кинооператор — работник летного училища Борис Александрович Сирюлев. Кстати, в фильме «Прерванная песня» он создал запоминающийся образ купца-хищника Трощенко, а в роли Петра Ильича Чайковского снимался завуч музыкальной школы Сергей Иванович Чесноков.

Музыкальная школа № 1, слайд-театр, киностудия «Бугурусланфильм» — одни из ведущих центров городской культуры. Активисты находят все новые и новые возможности приобщения горожан к миру искусства. Совместно с центральной библиотекой они организовали музыкально-литературный клуб, в котором интересно проходят вечера, посвященные музыкантам, композиторам, писателям. В таких вечерах участвуют не только преподаватели гришинской музыкальной школы, других учебных заведений, работники библиотеки, но и местные композиторы и литераторы. На одной из литературно-музыкальных встреч прозвучали произведения для фортепьяно, виолончели, скрипки Юрия Владимировича Соколова, «Сказ о Пугачеве», написанный для хора и оркестра Виктором Александровичем Мосиным. Читал свои стихи Валерий Левановский — учитель, журналист, член Союза писателей СССР, автор нескольких поэтических книг. Знакомил со своими стихами Александр Шиперов. Он часто пишет о своих друзьях-летчиках, о городе.

Любят бугурусланцы и свой театр. Его актеры — настоящие подвижники. Работать только в сравнительно небольшом городе им трудно. Поэтому у бугурусланских артистов и режиссеров крепкие связи с землей, с сельскими районами северного Оренбуржья. Ежегодно они дают в селах сотни спектаклей. «Союзом серпа и лиры» назвали это содружество журналисты.

Нелегок гастрольный быт. В любую погоду на машинах перебираются актеры со своим театральным скарбом из района в район, из села в село, чтобы показать хлеборобам новые спектакли, доставить людям радость.

Вместе с молодыми актерами тяготы гастрольных поездок самоотверженно разделяли артисты старшего поколения, такие популярные актеры, как Зинаида Васильевна Казанли, Константин Иванович Путилов, неизменно выходившие на сцену несколько десятилетий, Федор Ильич Самборский, Николай Павлович Кедровский.

Выезжают бугурусланцы и далеко за пределы области. Последние гастроли были в Татарии — в Нижнекамске, Набережных Челнах, Елабуге, Менделеевске.

Особые трудности у театра в последние годы. Старое здание разобрали, а новое пополнило ряды областных долгостроев. Театр без сцены — сплошная мука. Приходится арендовать зал в Доме техники «Юбилейный». Но и там не всегда удается выкроить для театра 2–3 дня в неделю.

Коллектив театра постоянно заботится о репертуаре, находит хорошие пьесы и интересных авторов, разумно сочетает спектакли на актуальные современные темы и классику.

Из наиболее удачных работ последнего сезона критика особо отметила моноспектакль «Авдотьин взгляд» по пьесе И. Гладких. Образ простой крестьянки, которая не получила образования, но пронесла через всю жизнь высокий дух нравственности, народного здравого смысла, с большим мастерством создала талантливая актриса Альбина Казанцева.

Есть в городе и еще один крупный центр культурного притяжения. Это Дом техники нефтяников «Юбилейный». По размерам зрительного зала и сцены, акустическим свойствам, отделке интерьеров он не уступает театральному зданию. Здесь охотно выступают известные театральные и филармонические коллективы. Работают в «Юбилейном» люди творческие. Они постоянно ищут и находят самые разнообразные формы общения с бугурусланцами.

Ежегодно в конце мая проводится всеобщий праздник — день города; для его проведения объединяются усилия всех культурных учреждений, творческой интеллигенции. Нестандартно проходят массовые праздники — день молодежи, проводы русской зимы, выставки цветов и плодов, детского рисунка. Весело прошли праздник русской гармошки, парад старых автомобилей, «Бугурусланские игрища» — день фольклорных коллективов. И такие, можно

сказать, интимные: в канун Дня Победы собираются «на огонек» в «Юбилейном» ветераны Великой Отечественной войны, в один из дней собираются на свой слет солдатские матери. Работает клуб любителей поэзии, традиционными стали Аксаковские чтения, Пушкинский праздник. Особая любовь у бугурусланцев к смотру.

Постоянно много зрителей и участников собирают летние спортивные игры «Золотой колос Бугуруслана».

Нет еще в городе выставочного зала. Но есть художники, которым хочется познакомить земляков со своими работами. И хоть не без труда, но помещение находится. Помню одну из таких выставок в просторном спортивном зале медицинского училища. Тут были широко представлены и живопись, и графика, и скульптурные работы, и декоративно-прикладное искусство. Очень различны зрительские симпатии. И все же многие хорошо отозвались о произведениях художников-любителей инженера А. А. Темникова, пенсионера А. В. Григорьева, преподавателя педучилища П. Н. Харченко, архитектора А. В. Сидорова, преподавателя сельхозтехникума Г. Г. Шоха и других.

Стали традиционными небольшие персональные выставки самодеятельных художников. В краеведческом музее экспонировались офорты Петра Николаевича Харченко, в здании управления «Бугурусланнефть» — рисунки Александра Алексеевича Темникова (более ста работ он подарил районной больнице, краеведческому музею, молодежному общежитию), в педагогическом училище — иллюстрации к произведениям А. С, Пушкина Едены Шатохиной. Успех сопутствовал работам Александра Ивановича Дмитриева, Алексея Викторовича Григорьева.

В старинном доме с колоннами в центре города разместились экспозиции Бугурусланского краеведческого музея. Открытый в праздничный день — 1 мая 1930 года — один из старейших городских музеев Оренбуржья, он отмечает свое шестидесятилетие. Сейчас на первом и втором этажах шесть залов, рассказывающих о прошлом, настоящем и будущем города и района. Основной фонд музея составляют около восьми с половиной тысяч экспонатов.

Несколько дет назад филиал музея открылся в селе Аксакова, в одном из сохранившихся зданий усадьбы известного русского писателя.

Есть в Бугуруслане и еще один необычный, очень интересный музей. Его экспонаты посвящены в основном одному человеку — сыну крестьянина из Бугуруслане кого уезда, богатырю, чье имя овеяно легендами, первому чемпиону Советской России по французской борьбе Михаилу Романовичу Борову. О его спортивных подвигах, об удивительной судьбе рассказали бугурусланские журналисты Михаил Марказин и Анатолий Щербаков.

Когда зашел в этот небольшой, но богатый музей, помню среди личных вещей Борова поразили огромные дапти. Невольно вспомнились михалковские стихи о «Дяде Степе»: «Лихо мерили шаги две огромные ноги — сорок пятого размера покупал он сапоги». А Боров Действительно был великаном — двухметровый гигант, весивший 130 килограммов. В свои 24 года он успел уже повоевать и на германской, и на гражданской войнах, командовал взводом в первом интернациональном полку, отличившемся в боях в Оренбуржье. В освобожденном от белых Оренбурге он впервые увидел профессиональных борцов, и те изумленно смотрели на парня, которому не без труда смогли подобрать армейское обмундирование. Там он получил первые уроки французской борьбы. После ранения Михаил вернулся з родные края, собрался крестьянствовать. Но борьба увлекла его навсегда. И как только поправился, стал тренироваться — легко и многократно выжимал двухпудовую гирю (один из его двухпудовиков хранится в музее).

Летом 1920 года в Москву со всех концов России съехались спортсмены на первую Всероссийскую «предолимпиаду». Молодая Советская Республика проводила крупные соревнования, собравшие сотни участников. Среди них был молодой крестьянин из Бугуруслана Михаил Боров.

Тогда в Москве он победил всех соперников и стал первым чемпионом Советской России. Более двух десятилетий Боров выигрывал схватку за схваткой. Сразился даже со всемирно известным Поддубным. Было четыре поединка. Счет равный — две ничьих и по одной победе. О тех годах спортивного триумфа Борова рассказывают многочисленные экспонаты.

— Вот это силища! Вот это Боров! Очень рад, что у нас, стариков, такая смена! — сказал Иван Максимович Поддубный, восхищенный стойкостью борца из Бугуруслана, которого называли «колоссом Поволжья», «чемпионом чемпионов».

Теперь в Бугуруслане действует детско-юношеская школа по вольной борьбе. Она носит имя Михаила Борова. В ней занимается более четырехсот юных борцов. И, конечно, все они хотят стать такими спортсменами высшего класса, как их легендарный земляк. И нельзя не отметить, что наследники знаменитого борца все увереннее выступают на соревнованиях. Бугурусланская школа воспитала 24 кандидата в мастера спорта СССР, сотни разрядников. Юрий Гаврилов стал чемпионом России, а Александр Щербаков — неоднократным чемпионом области.

В городе немало делается для развития спорта. Недавно здесь появилось еще одно спортивное сооружение невиданной прежде конструкции. На стадионе нефтяников поднялся огромный удлиненный купол надувного спортивного зала. История его возникновения такова. Узнав, что такие появились в нашей стране, бугурусланцы обратились к своему депутату Верховного Совета РСФСР, директору института военной истории Министерства обороны СССР, генерал-полковнику, доктору философских наук, профессору Дмитрию Антоновичу Волкогонову. Депутат помог своим избирателям. Отныне в новом зале смогут тренироваться в любую погоду футболисты и легкоатлеты, для них сооружена специальная тартановая дорожка.

Есть в нашей области города побольше, со своими театрами, с солидными дворцами культуры, со значительными силами штатных работников, но, честно говоря, они во многом могут позавидовать Бугуруслану, где живут люди увлеченные, щедрые на выдумку, талантливые, не ожидающие манны небесной, а сами творящие красоту.

И не потому ли отсюда, из этого вскинутого на взгорье города, вышло немало людей, чья известность вышла за рамки Бугуруслана и всей Оренбургской области. Это дипломат, чрезвычайный и полномочный посол Анатолий Петрович Ратанов, академик Виктор Григорьевич Афанасьев, известный ученый, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, лауреат Ленинской премии Александр Васильевич Волженский, художники Виктор Александрович Мосин и Иван Петрович Рываев (последний подарил школе родного села Сапожкино около ста своих работ), киноактриса, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Ольга Михайловна Остроумова, создавшая яркие образы советских женщин в фильмах «А зори здесь тихие...», «Любовь земная», «Судьба», солист Государственного симфонического оркестра СССР Борис Степанов, член Союза писателей СССР поэт Валерий Николаевич Аевановский, музыкант и кинематографист Юрий Дмитриевич Гришин. Перечень этот можно продолжать еще долго.

День за днем

Можно, не боясь преувеличения, сказать, что перестройка в городе и районе начиналась с городского комитета партии. Здесь стали решительно отходить от командно-административного метода. Главной в деятельности партийного комитете стала работа с людьми, изучение и формирование общественного мнения, соответствующего духу времени, духу перестройки, утверждение нового экономического мышления, мобилизация трудовых коллективов на проведение экономических реформ.

7 июля 1987 года Бугурусланская городская партийная организация торжественно отметила свое 70-летие. Созданная на рубеже эпох, между февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революциями, она постоянно ищет новые формы работы. Теперь в ее рядах насчитывается более шести тысяч коммунистов, объединенных в 126 первичных партийных организаций. Наиболее крупные и боевитые организации — в нефтегазодобывающем управлении «Бугурусланнефть», в Управлении буровых работ, на заводе «Радиатор», в летном училище гражданской авиации, совхозе имени Фурманова, колхозах «Родина», «Красное знамя».

Давно уже партийное руководство города и района объединилось в едином городском комитете КПСС, а что касается Советов, то бугурусланцы шутили:

— У нас в Бугуруслане две советских власти: в городе — одна, а за околицей, в районе, — другая.

В самом деле, в районном центре избирали городской Совет народных депутатов, а в селах — районный. А находились они рядом — улицу перейти.

Это создавало определенные трудности в работе, приводило к неизбежному дублированию деятельности городских и районных организаций и не всегда нужной переписке, распылению не таких уж великих средств бюджета местных Советов.

И вот 31 мая 1989 года депутаты Бугурусланских городского и районного Советов

народных депутатов собрались на внеочередную объединенную сессию. Она решила — быть в городе-райцентре и в районе одному хозяину. На сессии решен вопрос о передаче Бугурусланского района в административное подчинение горисполкому.

Объединенный городской Совет народных депутатов избрал исполнительный комитет. В него вошли 15 человек. Председателем исполкома Бугурусланского городского Совета народных /депутатов избран Анатолий Николаевич Жаренков, ранее работавший председателем райисполкома.

Славное событие отмечали бугурусланцы 26 июля 1987 года. В такой же летний день ровно полвека назад были добыты первые тонны бугурусланской нефти. Вскоре тут родился промысел, а затем и трест «Бугурусланнефть» — первое в Оренбургской области крупное предприятие, созданное в годы первых пятилеток.

Промысловики старейшего нефтяного района за 50 лет добыли 80 миллионов тонн жидкого топлива — это третья часть всей нефти Оренбуржья, и 1 миллиард 200 миллионов кубометров газа. Добычу ведут пять цехов на огромной территории, охватывающей десять районов — всю северную часть области. Работать приходится в сложных условиях. Трудовые коллективы ведут бурение и добычу порой за многие десятки километров от основной базы, на старых, истощающихся месторождениях. Одна из главных задач управления — не только не допустить резкого снижения добычи нефти, но и сделать все возможное и необходимое для стабилизации получения сырья, выполнения плановых заданий.

Управление «Бугурусланнефть» разрабатывает 32 месторождения, 17 из них в промышленной и 15 — в пробной эксплуатации. За полвека с лишним пробурено почти три с половиной миллиона метров горных пород, построено 2300 скважин.

В условиях полного хозрасчета коллектив нефтяников взял неплохой старт. И это позволило получить дополнительные отчисления в фонд материального поощрения, выделить крупные суммы на социальные нужды.

В Бугурусланском нефтяном районе работают более пяти тысяч человек. Это многонациональный коллектив, люди восемнадцати национальностей. Более тысячи нефтяников Бугуруслана награждены орденами и медалями СССР. Буровым мастерам Алексею Герасимовичу Авдошину и Алексею Никитовичу Сакадину было присвоено звание Героев Социалистического Труда. Вышкомонтажник Михаил Тимофеевич Кондрашин, начальник цеха капитального ремонта скважин Алексей Никитович Сопов и бывший начальник НГДУ Юрий Степанович Садчиков — заслуженные работники нефтяной и газовой промышленности; мастер по добыче нефти и газа Николай Пантелеевич Еремеев удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Для нефтяников построены жилые дома общей площадью более 160 тысяч квадратных метров, общежития на 512 мест, Дом техники «Юбилейный», санаторий-профилакторий, медсанчасть, пионерский лагерь в Карповском лесу, детские сады на 1270 мест, гостиница, магазины, другие социально-бытовые объекты.

Сделано много. И все-таки самое главное, определяющее в работе нефтяников Бугуруслана — не трудовые победы, не юбилейные торжества, не награды, а та повседневная, напряженная работа, которая проходит под знаком большой перестройки, которая охватила всю страну.

Небезболезненно проходил переход на новые методы хозяйствования. В ходе экономической реформы была проведена крупная реорганизация производства. Укрупнили подразделения, значительно сократили управленческий аппарат. Ликвидировали не только часть бригад и цехов, но и целые предприятия. Сокращена отчетность и переписка. Все это позволило поднять производительность труда, повысить ответственность каждого работника за порученный ему участок, укрепить трудовую и производственную дисциплину.

Коллектив управления «Бугурусланнефть» преодолел отставание предыдущих лет, успешно справился с заданиями трех лет двенадцатой пятилетки, перевыполнил социалистические обязательства по сверхплановой добыче нефти. В таком подъеме немалая заслуга рядовых тружеников и командиров производства, тех, кого называют гвардейцами перестройки. Это мастер по добыче нефти и газа цеха № 2, проработавший здесь более тридцати лет, лауреат Государственной премии СССР Н. П. Еремеев, мастер подземного ремонта скважин Ю. А. Сидоров, начальник цеха капитального ремонта скважин А. Н. Сопов, оператор по исследованию скважин Л. А. Макарова, электромонтер, делегат XX съезда профсоюзов А. П. Матвеев, товарный оператор Р. Д. Прдкопаева, бурильщик кавалер орденов Трудовой Славы III и II степеней А. Ф.

Вецак, машинист экскаватора цеха поддержания пластового давления Б. И. Зацепин и многие другие труженики, поддерживающие перестройку не только своим ударным трудом, но и самым активным отношением к жизни.

В ноябре 1989 года в цехе № 1 по добыче нефти и газа состоялось собрание трудового коллектива. Первыми в нефтегазодобывающем управлении «Бугурусланнефть» промысловики решили перейти на арендный подряд, испытать свои силы в работе по-новому. Руководители управления поддержали рабочих и специалистов первого цеха, помогли решить организационные вопросы.

Цеху, который возглавляет опытный нефтяник Иван Спиридонович Кабанов, установлен твердый план по добыче нефти и газа, определена расчетная цена за тонну добытого энергетического сырья. Договорились о взаиморасчетах со смежниками — управлением технологического транспорта, цехом автоматизации производства, цехом по прокату и ремонту электропогружного оборудования, научно-исследовательской лабораторией. По согласованию с администрацией и общественными организациями установили, что 60 процентов сверхпланового дохода отчисляется нефтегазодобывающему управлению, а 40 — остается коллективу цеха.

Нефтяники первого цеха и прежде отличались творческим подходом к делу. Они успешно завершили 1989 год. Записали на сверхплановый счет свыше 27 тысяч тонн нефти — целый десяток наливных составов. Такую прибавку к плану в условиях падающей добычи старого промысла получить непросто. Для этого применили целый ряд мер технологического характера. На нескольких скважинах установили новые, более производительные насосы, на других провели соляно-кислотную обработку, на третьих применили (промывку забоев скважин горячей нефтью. И, конечно, широко использовали такой испытанный способ повышения пластового давления, как закачка воды в пласт. Ввели в строй действующих Западно-Степановскую дожимную насосную станцию.

Как поработали в первые недели арендных отношений?

Об этом рассказала газета «Бугурусланская правда» — за первый месяц работы по-новому добыли 2056 тонн нефти, причем сэкономили материальных ценностей на 1100 рублей. Повысилась трудовая дисциплина, каждый на своем рабочем месте теперь более ответственно относится к своим обязанностям, стали лучше считать и сокращать расходы, рационально использовать машины, тракторы, бульдозеры, экономить материалы, электроэнергию. В итоге удалось снизить себестоимость тонны добываемой нефти.

Все это позволило получить за месяц дополнительно к фонду оплаты труда почти шесть с половиной тысяч рублей, дало возможность доплатить каждому работнику по 70 процентов тарифной ставки. Хороший стимул, солидная прибавка к заработной плате.

Конечно, первые шаги арендного подряда выявили и новые проблемы, новые трудности и недоработки.

— На мой взгляд, промыслу нужно придать дополнительные участки, — говорит Иван Спиридонович Кабанов, — нужно, чтобы новый метод объединил с нами и электриков, и работников цеха автоматизации производства, и участки цехов поддержания пластового давления и подготовки перекачки нефти. Когда все это хозяйство будет объединено с промыслом, результаты скажутся сразу. Ведь на всех этапах, начиная с добычи нефти и кончая ее перекачкой, будет один хозяин, кровно заинтересованный в высоком конечном результате. Это заметно укрепит самостоятельность арендаторов, положительно отразится на итогах работы коллектива.

Вся работа нефтяников зависит от другого крупного коллектива — от Управления буровых работ. Без бурения не может быть и добычи. Все дальше и дальше от города уходят бригады Бугурусланского УБР. Одиннадцать бригад ведут бурение в разных концах нефтяного региона — в Пономаревском, Асекеевском, Северном, Матвеевском районах.

В Управлении буровых работ тоже провели реорганизацию. В его коллектив вошло новое подразделение — геолого-поисковая контора, которая до сих пор была самостоятельной. Внимательно разобрались с каждым цехом, с каждым отделом, с каждой бригадой. В результате сократили около трехсот человек. В итоге — укрепили трудовую дисциплину, стабилизировали все подразделения.

В коллективе УБР около тысячи человек, в том числе 247 коммунистов и 148 комсомольцев. Успех в работе коллектива обеспечивают кадровые рабочие, настоящие мастера своего дела, опытные руководители. Их тут так много, что понадобилось бы немало страниц,

чтобы назвать всех поименно. Особо просили вспомнить о ветеранах, тех, кто отдал бурению десятилетия.

С чувством особой благодарности говорят руководители УБР о старейшем буровом мастере, кавалере ордена Ленина Григории Артемьевиче Бугаеве, который принимал участие еще в бурении первых скважин на бугурусланской земле. Григорий Артемьевич — глава трудовой династии, в которой уже более пятидесяти человек. Есть тут и учителя, и врачи, и инженеры, и авиаторы. Но главная профессия в этой большой семье — нефтяники. И общий трудовой стаж у них — около 400 лет. Сыновья Николай и Михаил по примеру отца стали буровыми мастерами, Иван — водитель заливочного агрегата, дочери Полина и Павла — тоже нефтяники. Клава — единственная дочь, которая пошла по другому пути — стала учительницей. Около сорока лет проработала в сельской школе. Внуки и правнуки продолжают главную семейную профессию.

Ушли на пенсию очень уважаемые в коллективе люди: буровой мастер И. С. Переседов, начальник УБР В. Н. Маркелов, старший инженер В. Ф. Трофимова, начинавшая свой трудовой путь помощником бурильщика в грозовом сорок втором году, бурильщик Я. К. Гебгардт, многие другие мастера.

Славные традиции, которые закладывались в далекие тридцатые годы, продолжают в горячую пору перестройки буровые мастера В. В. Авдеев и В. С. Юрченко, бурильщик Г. 3. Катечкин и М К. Сидоренко — кавалер ордена Трудовой Славы III и II степеней, начальник УБР В. А. Савин, слесарь-ремонтник Г. К. Гаджиев, бывший буровой мастер, а потом комплектовщик изделий К. А. Куличков, старейший вышкомонтажник, заслуженный работник нефтяной и газовой промышленности РСФСР М. Т. Кондрашин.

С 1 января 1989 года все предприятия Бугуруслана перешли на хозрасчет. Переход к нормальным формам хозяйствования для многих оказался делом трудным.

Немало хлопот у завода «Радиатор». Недавно здесь вступил в строй новый, четвертый корпус. И теперь общий годовой выпуск продукции составил 30 миллионов рублей. К 1995 году после завершения реконструкции завода его мощность достигнет 80 миллионов рублей, а коллектив предприятия вырастет до двух с половиной тысяч человек.

Сегодня одна из главных задач коллектива — борьба за высокое качество продукции. Когда на заводе ввели госприемку, вскрыли разнообразные нарушения технологической дисциплины, попытки сбыть явный брак. Пришлось в срочном порядке принимать меры. Положение стало изменяться к лучшему. Но до совершенства еще далеко. Этим озабочены руководство завода, партийный комитет, совет трудового коллектива. Борьба за высокую честь бугурусланской марки продолжается.

На заводе сложился крепкий трудовой коллектив, основу которого составляют кадровые рабочие, чей стаж составляет 15–20 и более лет. По праву гордятся такими людьми, как токарь-коммунист, депутат областного Совета народных депутатов В. В. Панов, газоэлектросварщик с двадцатилетним стажем, член горкома партии, делегат XXVI съезда КПСС Г. Т. Карпухин, медник Р. П. Фадеева, электросварщик, член парткома завода В. Э. Фишлер, мастер цеха № 3 Н. Е. Королева (на заводе она уже более четверти века), газосварщик, член КПСС М. И. Банишев, электросварщица А. И. Журавлева, мастер цеха № 3, член парткома завода В. И. Забловская и многие другие замечательные труженики.

Успешно решаются на заводе социальные проблемы. В 1985 году здесь построили для рабочих и специалистов 72-квартирный дом, в 1986-м — детский сад на 280 ребятишек, в 1987-м — 36-квартирный дом, в 1988-м — 30-квартирный дом. Теперь замахнулись на многоподъездный, в котором будет 400 квартир. Совместно со строительным управлением и совхозом «Прогресс» наметили построить санаторий-профилакторий.

Высокие прибыли позволяют коллективу завода вводить в строй все новые и новые жилые дома и социально-культурные объекты. И потому здесь рассчитывают решить непростую жилищную проблему к концу тринадцатой пятилетки — к 1995 году.

Бугуруслан — центр большого сельскохозяйственного района. Его территория — 2876 квадратных километров, тут хозяйствуют 18 колхозов и шесть совхозов. В районе около ста сел и деревень, в которых живут 23 163 человека. В сельскохозяйственном производстве тоже идет перестройка. С каждым годом все больше становится коллективов, которые работают в условиях хозрасчета, коллективного и семейного подряда, арендных отношений. Новые экономические методы хозяйствования дают неплохие плоды. План трех лет пятилетки по продаже продуктов

животноводства — молока, мяса, шерсти — труженики сельского хозяйства района перевыполнили, причем себестоимость свинины оказалась одной из самых низких в области — 167 рублей за центнер. Хуже сложилось положение с производством зерна. Трудные погодные условия последних лет, сильные засухи нанесли немалый урон полеводству. Страна недополучила от бугурусланцев много хлеба.

Жизнь показала, что РАПО недостаточно эффективно влияет на хозяйственную деятельность колхозов и совхозов, не использует по-настоящему преимущества новых, коллективных форм организации труда.

Поэтому в конце 1988 года на собрании представителей всех колхозов и совхозов района было принято решение упразднить РАПО и создать агропромышленное объединение «Бугурусланское». В него вошли все хозяйства района, а также перерабатывающие предприятия и организации, обслуживающие сельскохозяйственное производство. В отличие от РАПО, которое представляло собой строго регламентированный государственный аппарат, агропромышленное объединение является добровольным сообществом всех трудовых коллективов, связанных с сельским хозяйством. Бугурусланцы рассчитывают, что демократизация руководства сельскохозяйственным производством позволит заметно повысить его эффективность, успешнее решать продовольственные проблемы.

Специалистов для колхозов и совхозов и перерабатывающей промышленности готовят сельскохозяйственный техникум и среднее профессионально-техническое училище № 53. Родилось оно в давние годы — около 60 лет назад. Главная профессия училища — тракторист-машинист широкого профиля. Здесь готовят также механизаторов животноводства, электромонтеров для сельской электрификации и связи, лаборанток, мастеров по пошиву мужской и женской одежды, работников мясокомбината.

В селах района тоже выросло немало замечательных людей, прославивших родные края выдающимися успехами в труде. Свинарке совхоза имени Фурманова А. С. Гайдук было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Полным кавалером орденов Трудовой Славы стал помощник бригадира по технике колхоза «Россия» А, И. Ряхов.

В Бугурусдане и селах района живут и трудятся: заслуженный строитель РСФСР Т. В. Пирожкова, заслуженный работник нефтяной и газовой промышленности РСФСР А. Н. Сопов, заслуженный работник транспорта РСФСР А. Т. Гуптор, заслуженный механизатор сельского хозяйства РСФСР П. М. Мартынов, заслуженные работники сельского хозяйства РСФСР А. Д. Ежова, Е. Т. Козлова, заслуженные учителя школы РСФСР В. С. Блоха, А. Д. Костин, заслуженный учитель профтехобразования РСФСР Т, Е. Кожевникова, заслуженные врачи РСФСР Ф. Г. Горбунова, Т. А. Горшенина, В. И. Маколдин, заслуженные работники культуры РСФСР В. В. Зайцева, К. П. Пешкова, Ю. Д. Гришин, заслуженный работник торговли РСФСР А. А. Родионов, заслуженный пилот СССР В. Я. Рузов и другие мастера своего дела.

Взгляд в будущее

После поездки по улицам Бугуруслана вместе с работавшим тогда председателем горисполкома Василием Абрамовичем Вдовкиным мы поднялись на гору, прикрывающую город с юго-восточной стороны. День стоял солнечный, видимость, как говорят авиаторы, миллион на миллион. И весь город, раскинувшийся в котловине, — зеленый, с разноцветьем крыш, с белеющими на этом ярком фоне многоэтажками, — лежал как на ладони. Внизу отливала отраженной от неба голубизной, словно небрежно брошенная в густоту уремного леса, лента Кинеля, по железнодорожной линии, погромыхивая, катился, казалось, игрушечный наливной состав.

— Мечтаем озеленить гору, соорудить тут смотровую площадку, проложить сюда дорогу, — сказал Василий Абрамович.

Подумалось: хорошо, что у мэра города, с его необъятным грузом каждодневных забот, среди массы неотложных прозаических дел, есть и такая мечта. А он вдруг сказал с нескрываемой гордостью:

— Посмотрите, правда, похож Бугуруслан на Кисловодск... Отдыхал там, поднялся однажды на Синие камни, огляделся и увидел внизу... свой город. Конечно, отличий много, как-никак там всесоюзная здравница, красивые санаторные корпуса, место очень любимое в стране... Но у нас тоже отличное расположение, здоровый климат, кстати, он мягче, чем в Оренбурге.

Рядом леса. Вполне можно санатории ставить...

Действительно, было тут что-то сходное с южными поселениями — так же в окружении гор, такой же зеленый и веселый город. Но в отличие от крупных курортных и иных центров у сегодняшнего Бугуруслана, как и у других малых городов, оказалось множество проблем.

Дополнительные трудности создает Бугуруслану его особое расположение. Город состоит из двух частей: северной — старой, и южной — новой, созданной уже в советские годы Бугуруслан разделяет река Кинель с широкой, в основном залесенной поймой и многочисленными протоками, старицами, озерами, а также разветвленные железнодорожные пути станции Бугуруслан. Между северным и южным районами — до трех километров.

Южный район — это основной промышленный центр города, здесь расположены завод «Радиатор», мясокомбинат, кирпичный завод, комбинат хлебопродуктов, горпищекомбинат, маслозавод, завод железобетонных изделий, обширное станционное хозяйство. В послевоенные годы тут выросли микрорайоны жилых домов со всеми необходимыми социально-культурными службами.

Здесь же, на огромной площадке, которая когда-то отводилась под строительство крекинг-завода, — аэродром училища гражданской авиации, где пока приземляются и самолеты из Оренбурга, других местных авиалиний.

Это училище было создано полвека назад, в предвоенном 1940 году, в Актюбинске, в 1944-м его передислоцировали в Кривой Рог, а в 1951 году — в Бугуруслан. Тогда здесь был небольшой травяной аэродром, оставшийся в наследство от авиашколы Осоавиахима, которая в тяжелых условиях военных лет готовила пилотов, планеристов, парашютистов. В 1965 году училищу присвоили имя прославленного сокола, Героя Советского Союза Петра Федоровича Еромасова. В музее истории, боевой и трудовой славы училища многочисленные экспонаты, которые рассказывают о боевых подвигах летчика. Это был человек удивительного мужества, хладнокровия и выдержки, мастер ночных полетов.

Петр Еромасов — пилот гражданской авиации, совершил 196 боевых вылетов, большинство из них в глубокий тыл врага, десантировал разведывательные и диверсионные группы, доставлял партизанам оружие и боеприпасы, вывозил раненых. Пришлось летать в тыл Германии, Финляндии, Румынии, к партизанам Югославии. Звание Героя Советского Союза П. Ф. Еромасову было присвоено 20 января 1943 года.

Выпускники Бугурусланского училища водят самолеты во всех уголках страны, работают на международных линиях, летают даже в Антарктиду. Многие летчики, получившие путевку в небо в Бугуруслане, стали крупными руководителями, работают в аппарате министерств, в территориальных управлениях гражданской авиации.

Не дожидаясь того, видимо, очень отдаленного времени, когда вопрос о строительстве аэровокзала в Бугуруслане будет решен за счет государственных капитальных вложений, здесь начали создавать его своими силами. Аэровокзал возводится сравнительно недалеко от города, до него около пяти километров по дороге на Благодаровку.

Ввод в действие аэропорта позволит связать наш город надежной связью с Оренбургом, Москвой, Куйбышевом, южными курортами, другими городами.

Немало у Бугуруслана других транспортных трудностей. Добраться до Бугуруслана можно либо автобусом, либо на самолете. По железной дороге надо делать пересадку в Кинеле, но это не всегда легко. А ведь совсем недавно был беспересадочный прицепной вагон Оренбург — Абдулино; бугурусланцы с удовольствием им пользовались. Но железнодорожникам этот вагон доставлял дополнительные хлопоты. И его просто упразднили.

Много неприятностей доставляет горожанам 323 автомобильная магистраль республиканского значения Уральск — Бугульма, которая проходит через весь город. Движение тут возрастает с каждым годом. Давно планируется строительство 20-километровой объездной дороги, но пока решить этот вопрос не удается. Безусловно, транзитные автомобильные потоки надо выводить за город.

Значительно улучшит положение пассажиров, особенно дальних маршрутов, новый автовокзал, который войдет в строй з южной части города. Сложнее обстоит дело с железнодорожным вокзалом. Он не отвечает даже самым элементарным требованиям. Но через это устаревшее здание ежегодно проходит до 400 тысяч пассажиров.

Бугурусланцы любят свой город, хотят видеть его красивым, чистым, уютным,

благоустроенным, проявляют заботу о нем. Но небольшой город располагает скромным бюджетом. Выход один — решительнее привлекать к решению городских проблем все без исключения предприятия, расположенные а Бугуруслане.

В городе дефицит школ, детских садов, кинотеатров, бань. К 2000 году предстоит построить почти 350 тысяч квадратных метров жилья, в том числе более 70 тысяч — в селах района. Это огромное количество, если учесть, что жилой фонд города составляет 740 тысяч квадратных метров. Значит, вырастет еще почти такой же город. Только нефтяникам надо ввести в строй четыре тысячи квартир. Не менее остро стоят жилищные и коммунальные вопросы на селе. За счет только государственных средств программу «Квартира» не решить. Поэтому принимаются меры по всемерному развитию индивидуального и кооперативного строительства.

— При таком значительном росте жилья в нашем городе, — продолжал Василий Абрамович, — мы делаем все возможное, чтобы не потерять своеобразия Бугуруслана, сохранить все красивое в его облике, сберечь здания, имеющие историческую л архитектурную ценность. Служба главного архитектора плодотворно работает над тем, чтобы осторожнее «вписывать» многоэтажки в кварталы старой застройки. Сделать это не просто. Дело в том, что в городе почти половина жилья составляют индивидуальные дома, ими застроены многие улицы.

Мы надеемся, что строители в ближайшее время завершат сооружение здания для театра имени Гоголя, который временно ютится в старом доме Управления буровых работ на берегу Кинеля. И тогда бугурусланцы получат в центре города солидный культурно-спортивный комплекс, в который войдут городской театр, Дом техники «Юбилейный» с богатыми возможностями для развития спорта, самодеятельного искусства, с залом трудовой славы нефтяников, с музеем Борова.

Учитывая наши трудности в социальной сфере, на тринадцатую и четырнадцатую пятилетки планируем строительство жизненно важных первоочередных объектов. Наряду с ускоренным возведением жилых домов в размерах, позволяющих выполнить программу «Квартира», будут строиться объекты культуры, народного образования. Так, намечено возвести две средних школы на 3000 учащихся, 5 детских садов на 1400 человек, 2 кинотеатра — в южной и северной частях города. Все эти здания будут строиться по современным проектам.

Завершается строительство хлебозавода, который оснащается оборудованием, рассчитанным на применение новейшей технологии. Будет построен новый молочный комбинат, холодильник на 600 тонн, универмаг на колхозном рынке. В плане сооружение двух банно-прачечных комбинатов.

Будет продолжено строительство производственных зданий. Прирастут мощности на заводе «Радиатор». Намечено возвести в строй цех валяной обуви на заводе металлоизделий, продолжить прокладку инженерных сетей первого микрорайона. Предстоит завершить строительство учебного корпуса нефтяного техникума и начать возводить такой же корпус для сельскохозяйственного техникума.

Эти и многие другие вопросы придется решать по генеральному плану Бугуруслана, рассчитанному до 2006 года.

Многое предстоит сделать по благоустройству городских улиц, озеленению. Одна из главных городских магистралей — Коммунистическая, которая протянулась от прибрежного парка до Красной горки, в торце, — станет основной пешеходной улицей. На ее пересечении с улицей Красногвардейский по генеральному плану намечается создание главной площади с новыми зданиями Дома Советов и гостиницы. Здесь будет установлен памятник В. И. Ленину. В южном торце улицы, в парке, должен быть построен Дом юных техников.

В пойме Кинеля в перспективе планируется создать городской парк со спортивным комплексом. Туда с крутого берега протянется, как продолжение улицы, перекидной мост. Несколько центральных улиц, освобожденных от автомобильного транспорта, или со значительным ограничением движения, предусмотрено превратить со временем в зеленые бульвары.

— Впереди у нас большая работа, — продолжает разговор Василий Абрамович Вдовкин. — Бугурусланцы горячо одобряют перестройку, энергично поддерживают курс нашей партии на ускорение социально-экономического развития. Перестройка, демократизация нашей жизни настраивают людей на творческий лад. В этом залог успеха. И хотя работать в новых условиях становится все сложнее, мы уверены, что трудности роста будут преодолены.

В самом начале 1990 года — 2 января — «Правда» опубликовала проблемный очерк Геннадия Сазонова «Город окнами на проселок». Он посвящен животрепещущей теме — трудным судьбам средних и малых городов, славных и неповторимых, незаслуженно обойденных вниманием как центральных, так и областных государственных органов.

При воспоминании о них, — как пишет автор, — «возникает светлое ощущение трогательной красоты природы рядом с творениями самобытных талантов, именами и судьбами людей, прославивших Родину».

Многие строки очерка посвящены Бугуруслану, о котором автор знает не понаслышке.

«В жизни экономика, социальная и нравственная сферы тесно взаимосвязаны, — пишет Г. Сазонов. — Это видно на примере Бугуруслана. Развивали его как опорный пункт северных районов Оренбуржья, учитывали и современные требования. Построены крупный мясокомбинат, набирает мощности филиал объединения «Радиатор». Город сохраняет значение центра нефтеносного района, названного перед войной «вторым Баку». Есть профессиональный театр, дома культуры, музеи, библиотеки. Казалось бы, чем не жить в нешумном городке по соседству с прекрасной природой, которую воспел в своем творчестве Сергей Тимофеевич Аксаков?

Население же его убывает. За минувшее пятилетие сократилось на две тысячи. Тенденция устойчива. Люди, с которыми довелось беседовать, объясняют отток в близлежащую Бугульму, Куйбышев, Тольятти так: там более широкий выбор современных профессий. Да, этого не сбросишь со счетов. Но главная причина, думаю, в другом: город значительно отстает от соседей по уровню социально-бытового комфорта, благоустройству, условиям жизни. Как выразился один знакомый, уезжают туда, где хоть маленькая, но цивилизация».

И вот тут \мне, знающему Бугуруслан с пятидесятых годов и потому хорошо представляющему, каким \он был почти четыре десятилетия назад и каким стал сейчас, как заметно изменился к лучшему его городской облик (хотя и не всегда тут принимались достаточно обоснованные архитектурные решения), хотелось бы возразить автору.

По переписи населения 1979 года в городе было 54 056 жителей, в 1981 году — 54 600. Потом понемногу городское население стало сокращаться. В 1987 году, на 1 января, в Бугуруслане было немногим более 52 тысяч жителей. А на 1 января 1990 года их стало уже 53 350. Значит, тенденция сокращения населения в городе перестала быть устойчивой и дала, как говорится, обратный ход. И если люди едут сюда несмотря на некоторое отставание от названных городов, то, значит, и тут есть «хоть маленькая, но цивилизация».

«Почему же, имея крупные предприятия и их филиалы, строительные организации, з Бугуруслане недопустимо медленно развивают инфраструктуру? — спрашивает автор и сам отвечает. — Потому что каждое такое предприятие или организация тянет свой «воз», не заботясь об единой градостроительной политике. А в итоге проигрывают горожане». Очень точное замечание. Еще упорно цепляется за старое это дремучее наследие командно-административной системы, диктата самостийных ведомств.

В последнее время, хоть и медленнее, чем хотелось бы, положение изменяется к лучшему. В городе создаются новые предприятия (завод «Базальт», например), новые производства, а следовательно, расширяется список и новых для Бугуруслана профессий. Руководители городских партийных и советских организаций уверенно отдают приоритет развитию социальной сферы, все решительнее объединяют усилия предприятий и организаций для решения общегородских задач.

Может быть, это звучит и парадоксально, но впервые за послевоенные годы первым секретарем городского комитета партии избран коренной бугурусланец Владимир Алексеевич Рябов. До этого важный пост занимали люди, присланные со стороны, которых не очень-то волновала судьба города. Председатели горисполкома тоже не всегда были местными. Теперь и председатель горисполкома А. Н. Жаренков, тоже уроженец Бугурусланского района, знает и любит свои края.

Конечно, у города много сложностей. Как ни один из средних городов Оренбуржья, он оторван от крупных строительных баз, находящихся на востоке области. У него нет прямого железнодорожного сообщения с Оренбургом, Орском, Новотроицком. Даже строительный песок и гравий приходится возить сюда издалека. В таких непростых условиях развивается городское хозяйство. Но тем не менее город растет, строится, хорошеет.

Бугуруслан уверенно идет к своему 250-летию. Рожденный в глубокую пору середины XVIII столетия, он выстоял в непростые годы, стойко перенес лихолетья XIX и XX веков. И

только в советскую пору наступило словно второе рождение старого города. Захудалый уездный городишко стал заметным промышленным и культурным центром Оренбуржья. И может ли быть благороднее задача — делать все возможное, чтобы Бугуруслан становился все краше, уютнее, комфортнее, молодел с каждым прожитым годом?

Справочный отдел

На 1 января 1990 года в Бугуруслане было 53 350 жи телей. Город занимает площадь 5855 гектаров.

Основная часть застройки Бугуруслана расположена на относительно ровной площадке, на возвышенной надпойменной террасе реки Большой Кинель на высоте 80–100 метров над уровнем моря.

На широте Бугуруслана находятся города: на востоке — Магнитогорск, Новокузнецк, Абакан, Оха; на западе — Минск, Щецин, Гамбург, Ливерпуль, Дублин, канадский город Эдмонтон.

Расстояние от Бугуруслана до Оренбурга — 385 километров, до Бузулука — 109, до Куйбышева — 179, до Уфы — 341, до Уральска — 326, до Москвы — 1276 километров.

В Бугуруслане 18 промышленных предприятий, 13 строительных организаций.

Жилой фонд города на 1 января 1989 года — 740 тысяч квадратных метров.

Территория Бугурусланского района — 2876 квадратных километров. Население — 23 163 человека. В районе 94 населенных пункта, 18 колхозов, 6 совхозов, объединенных в агропромышленное объединение «Бугурусланское».

В городе и районе 5 техникумов и средних специальных учебных заведений, 3 средних профессионально-технических училища, 15 средних и 30 восьмилетних школ, 31 детский сад и ясли, Дом пионеров.

В Бугуруслане работает драматический театр имени Гоголя, отличный Дом техники «Юбилейный», 4 дома культуры и клуба, краеведческий музей, 10 библиотек с книжным фондом около 400 тысяч томов, несколько садов и скверов. Общая площадь зеленых насаждений — 140 гектаров.

Трудящихся Бугуруслана обслуживают 1 ресторан, 5 кафе, 32 столовые, 88 продовольственных и промтоварных магазинов.

На страже здоровья бугурусланцев 3 больницы на 860 коек, 10 поликлиник, детский санаторий «Юность», 7 аптек и 49 аптечных пунктов.

В городе 6 автобусных маршрутов. Работают 6! автобус к 8 легковых такси. Из Бугуруслана можно доехать автобусом до Бузулука, Куйбышева, Оренбурга, Ульяновска, Тольятти, Димитровграда.

В Бугуруслане 210 улиц, их общая длина — 136 километров.

Город расположен между Волгой и Уральским хребтом, на южных склонах Бугульминско-Белебеевской возвышенности, в зоне резко континентального климата с холодной суровой зимой и жарким сухим летом.

Среднегодовая температура воздуха $+3,0^0$.

Абсолютный максимум температуры воздуха летом +40°.

Абсолютный минимум температуры воздуха зимой -49°.

Средняя дата образования устойчивого снежного покрова — 21 ноября.

Средняя дата схода устойчивого снежного покрова — 6 апреля.

Безморозный период — 109 дней.

Максимальная глубина промерзания почвы — 2,0 метра.

Среднегодовое количество осадков — 456 миллиметров.

Деловые адреса

Горком КПСС — ул. Ленинградская, 47, тел.: 2-42-04.

Горисполком — ул. Московская, 73, тел.: 2-39-77.

Горком ВЛКСМ — ул. Революционная, 17, тел.: 2-28-50.

Редакция газеты «Бууруслаиская правда» — ул. Революционная, 17, тел.: 2-28-11.

Городская редакция радиовещания — ул. Ленинградская, 45, тел.: 2-39-12.

Управления, объединения, заводы, фабрики, комбинаты, стройки

Нефтегазодобывающее управление «Бугурусланнефть» — ул. Московская, 76, тел.: 2-15-04. Управление буровых работ — ул. Московская, 75, тел.: 2-15-87.

Агропромышленное объединение «Бугурусланское» — ул. Московская, 52-а, тел.: 2-42-82.
Завод «Радиатор» — Пилюгинское шоссе, 110, тел.: 2-74-98.
Мясокомбинат — Пилюгинское шоссе, 25, тел.: 78-5-65.
Молочный комбинат — у. Ленина, 99, тел.: 2-26-16.
Хлебокомбинат — ул. Ленинградская, 62, тел.: 2-02-64.
Пищекомбинат — ул. Некрасова. 57, тел.: 2-76-91.
Мебельная фабрика — ул. Революционная, 69. тел.: 2-37-31.
Швейная фабрика — ул. Транспортная, 20, тел.: 2-76-25.
Северное предприятие электрических сетей — Пилюгинское шоссе, 108. тел.: 2-04-93.
Трест «Западстрой» — Пилюгинское шоссе, 11, тел.: 2-70-86.
Строительное управление № 3 треста «Востокнефтестрой» — ул. Революционная, тел.: 2-17 10.

Главный архитектор города — ул. Революционная, 17, тел.: 2-37-73.

Транспорт и связь

Железнодорожный вокзал, тел.: 2-22-25.
Справочное бюро, тел : 2-22-16.
Автовокзал — ул. Пригородная, тел.: 78-2-85.
Пассажирское автопредприятие — Баймакское шоссе, 8, тел.: 2-78-05.
Объединение грузового автотранспорта — ул. Некрасова, 91, тел.: 2-78-25.
Городской узел связи — ул. Ленинградская, 39, тел.: 2-78-78.

Учреждения культуры, быта

Драматический театр имени Гоголя — ул. Коммунистическая, 29-а, тел.: 2-74-28.
Дом техники «Юбилейный» — ул. Коммунистическая, 29-а. тел.: 2 75-96.
Клуб имени Тукая — ул. М. Джалиля, 19, тел.: 2-25-58.
Кинотеатр «Родина» — ул. Московская, 54, тел.: 2-45-55.
Кинотеатр «Звездочка» — ул. Революционная, 30, тел.: 2-03-52.
Библиотека имени В. И. Ленина — ул. Гая, 51, тел.: 2-62-00
Городская детская библиотека — ул. Московская, 73, тел.:
2-37-85. Городской краеведческий музей — ул. Красногвардейская, 62.
Городской архив — ул. Московская, 73, тел.: 2-37-68.
Магазин книготорга — ул. Московская, 44, тел.: 2-74-64.
Дом быта — ул. Революционная, 39, тел.: 2-37-83.

Учебные заведения

Училище гражданской авиации имени П. Ф. Еромасова — ул. Ленинградская, 9, тел.: 2-72-00.

Нефтяной техникум — ул. Челюскина, 41, тел.: 2-41-01.
Сельскохозяйственный техникум — ул. Московская, 56, тел.: 2-39-40.
Педагогическое училище — ул. Куйбышевская, 3, тел.: 2-13-32.
Медицинское училище — ул. Ленинградская, 45-а тел.: 2-38-05.
Музыкальная школа — ул. Московская, 49, тел.: 2-60-43.
Среднее профессионально-техническое училище № 8 — ул. Чапаевская, 93, тел.: 2-33-83.
Среднее профессионально-техническое училище № 53 — ул. Московская, 91, тел.: 2-14-80.
Среднее профессионально-техническое училище № 19 — ул. Тельмана, 26, тел.: 2-55-49.

Гостиницы

Гостиница «Заря» — ул. Фрунзе, 84, тел.: 2-27-64.
Гостиница нефтяников — ул. Ленинградская, 28.

Рестораны, кафе

Ресторан «Заря» — ул. Фрунзе, 84, тел.: 2-25-02.
Кафе «Молодежное» — ул. Революционная, 52, тел.: 2-14-89.
Кафе № 1 — ул. Революционная, 17, тел.: 2-32-84.
Кафе № 2 — ул. Некрасова, 48, тел.: 78-3-38.

Владимир Григорьевич Альтов
Бугуруслан

Редактор В. И. Дубровкина
Художник Т. А. Спивак
Художественный редактор В. Г. Витлиф
Технический редактор О. Я. Понятовская
Корректор В. И. Мельник
ИБ № 1825
Научно-популярное издание

Сдано в набор 22.02.90. Подписано в печать 16.08.90. Формат 70Х90/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура Новая журнальная. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,28+0,58 вкл. Усл. кр.-отт. 14,62. Уч. изд. л. 12,77+0,62 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 631. Цена 90 к.

Южно-Уральское книжное издательство, 4541133 г. Челябинск, лл. Революции, 2. Оренбургское отделение. Полиграфическое объединение «Книга» Челяб. обл. управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 454000, г. Челябинск, ул. Постышева, 2.